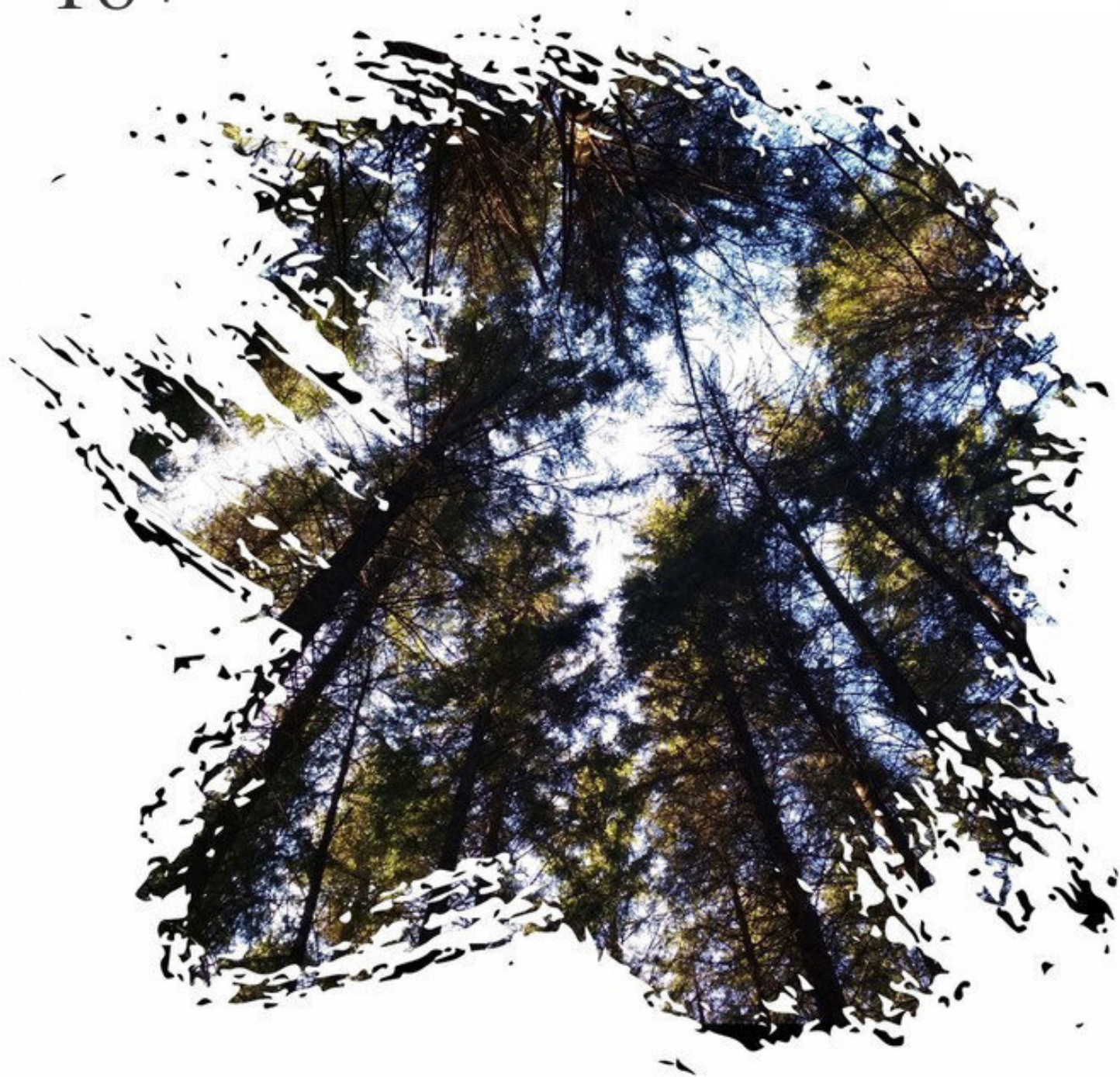

18+

Николай Близнец

**ОХОТА
ПУЩЕ НЕВОЛИ**

Николай Близнец
Охота пуще неволи

«Издательские решения»

Близнец Н. Е.

Охота пуще неволи / Н. Е. Близнец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596597-4

Вторая книга об охотоведе Алексее Фомине. Продолжение истории о том, как преданные дикой природе люди не жалеют ни сил, ни здоровья, даже рискуя своей жизнью, отдают все свои силы и все свое время борьбе за ее сохранение. Новый охотовед района Алексей Фомин по просьбе друга приезжает в отдалённый от центра районный город, чтобы поднять «стоящее на коленях» хозяйство. Здесь он сталкивается с настоящей мафией, наживающейся на убийстве диких животных. Начинается беспощадная война с браконьерами...

ISBN 978-5-00-596597-4

© Близнец Н. Е.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	75
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Охота пуще неволи

Николай Евгеньевич Блинец

*«...все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется
на земле, и все рыбы морские – в ваши руки отданы они...»
(Бытие, 9: 2—3)*

© Николай Евгеньевич Блинец, 2024

ISBN 978-5-0059-6597-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Поговорку «Охота пуще неволи», как и поговорку «От тюрьмы да от сумы не зарекайся» знают все. Или почти все. Если значение второй поговорки люди понимают и воспринимают легко и однозначно, то значение первой обычно объясняют тем, что охота пленяет больше, чем тюрьма, неволя... Это действительно так – охота пленяет. Но есть в этих трех словах этой поговорки и более глубокий смысл.

Зарекаясь, пришлось мне на своей шкуре испытать и суму, и тюрьму. И уже в тюрьме я, охотник по призванию и в крови, охотник-профессионал, испытал и понял, что такое неволя и почему охота пуще этой неволи в самом прямом, в самом истинном смысле этих слов. Об этом, в том числе, и рассуждаю я в этой книге.

Есть ещё среди нас люди, которые лично знали мужиков-охотников, бравших медведей на рожон или добывавших их с рогатиной. Было время... Есть ещё среди нас и немало охотников, которые дорожат установившимися годами и даже веками охотничьими традициями, передаваемыми друг другу, от отца к сыну, из поколения в поколение. Но, к сожалению, очень большое количество охотников сегодня, особенно среди молодых или только начинающих охотиться, которые уже и не знают, что такое рожон или как изготовить рогатину, способную удержать тушу огромного и разъярённого зверя. Они не задумываются и о разнице между определениями «добыть» или «убить» дикого зверя. Зато они уверенно признают приоритет и мощь нарезного оружия, знают, что такое дальномер, лазерный целеуказатель, GPS-навигатор, прицел и прибор ночного видения и что такое экспансивная пуля. Увы, разработка новых и модификация имеющихся видов оружия и приспособлений для уничтожения людей не обошла стороной и оружие для охоты на диких животных. Хотя... охоты ли? Охотой по закону признается нахождение в охотничьих угодьях с оружием или охотничьими собаками, а также выслеживание или преследование с целью добычи диких зверей и птиц, и, соответственно, сама их добыча. Это понятно всем, и это Закон. Но скажем так: закон далеко не демократичный. Не для людей – тут все в полном порядке. А вот для диких зверей и птиц этот закон означает, что эти человеческие правила практически не учитывают их, диких зверей, право на возможность спасения от человека в своей среде обитания во время охоты на них.

В чём дело? Я не случайно выделил в своем прологе, что «было время...». Издревле и кое-где до настоящего времени охота является средством к существованию целых народов. Такая охота действительно приносит коренным народам в труднейших природно-климатических условиях жизни еду, одежду, кров и деньги на жизнь от реализации продукции охоты. Но так же издавна охота является и способом удовлетворения морально-эстетических потребностей людей в общении с дикой природой, в том числе и путём добычи диких зверей и птиц в так называемых «спортивных и любительских» интересах. В этом случае, как правило, охотник сможет добыть дичь только после длительного изучения повадок диких зверей и птиц, особенностей их жизни, зачастую специально для этого натаскивая охотничьих собак, изучая литературу, слушая и перенимая опыт именитых охотников. И эту охоту можно сравнить, ни много ни мало, с искусством добывания сильных, осторожных, смелых, ловких и в то же время пугливых диких животных.

И еще... Люди, живущие свободно, часто ощущают себя в неволе, ограниченные своим мировоззрением или сами себя загнавшие в рамки кем-то придуманных условностей. Дикie звери этих условностей не знают. Они свободны. Охота приближает максимально к этой свободе. Она позволяет окунуться в эту свободу, позволяет физически ощутить первозданную, истинную свободу. Охота позволяет человеку хотя бы на время стать тем, кем он однажды был призван стать Создателем. Правда, после греха Адама, но до грехопадения большей части человечества. Поэтому охота и свобода очень близки по своему смыслу и своему значению,

никак не сочетающиеся с неволей, пленом, заточением. И если неволя, плен – это мука, то охота – сладостная, страстная, добровольная мука. Поэтому-то охота и пуще неволи.

Все персонажи, действия, события, факты, имена в данной книге следует считать вымышленными. Совпадения, имеющие место, случайны.

2009—2012 г. Н. Е. Блинец

ГЛАВА 1

Стадо диких кабанов шумно приблизилось к разбросанным по лесной поляне остаткам вчерашней трапезы. Откуда в лесу взялись сочные вкусные корнеплоды, початки кукурузы, зерно – диким животным невдомек. Но, обнаруженные вчера ночью залежи корма для исхудавших, измученных затяжной холодной зимой диких животных, в еще холодном и заснеженном марте, явились важным, жизненно необходимым подспорьем. Шумно втягивая ноздрями морозный воздух, опережая друг друга, игнорируя возможную опасность, взрослые кабаны и уцелевшие за зиму подвинки не обратили внимания на явно не лесной, явно человеческий приторный запах, принесенный легким ветерком с противоположной стороны поляны. Не обращая внимания на предостерегающее и грозное фырканье старой свиноматки, остановившейся на опушке и учуявшей опасность, дикие кабаны высыпали на открытую поляну, тускло освещенную молодым месяцем. Настороженно прислушиваясь и принохиваясь, свиноматка стала медленно обходить поляну, пытаясь понять, откуда исходит ненавистный запах.

Это была последняя ее ночь в качестве вожака стада. У диких кабанов взрослые самцы-секачи обычно не живут в стаде, находясь где-то в стороне, в одиночестве. Все обязанности по организации стада, кормежке, безопасности и учебе молодняка возлагаются на самую сильную, самую опытную самку. Вот уже пятый сезон подряд эту сложную, тяжелую обязанность, от которой в прямом смысле зависела жизнь стада, несла на себе здоровая крепкая самка. Вот уже пятый сезон на исходе, наступила весна, и хозяйка стада в очередной раз готовилась оставить его, уйти вглубь болота, где на большом острове в густом еловом подлеске она соорудит уютное теплое гнездо из еловых веток и высохшего папоротника. Она уже побывала недавно на острове, наломала верхушек елочек, стащила их в нескольких местах под разлапистые ели, обкусала вокруг молодые побеги осин, березок: пусть нежданные гости знают, что здесь есть хозяин, а точнее – хозяйка. Сегодня под утро она уведет стадо на обычную днёвку, а сама тихо и незаметно уйдет на болото, на остров. За ней уйдет ее друг – огромный, уже с сединой в щетине, секач. Она не подпустит его к гнезду, не подпустит и к маленьким полосатым своим чадам, чьи робкие движения она уже чувствует у себя в чреве. Но он будет надежно охранять ее и их детишек на острове от волков, рыси и от любой другой опасности, которая может возникнуть для маленьких полосатых их детишек.

Самка чувствовала боль набухающих сосков от режущего их наста, но упрямо шла по целику вдоль опушки, пытаясь определить, откуда исходит запах человека.

Прошлой ночью, возвращаясь с кормежки, они вышли на пробитую в глубоком снегу колею. Кое-где на колее валялись клубни свеклы, початки кукурузы. Колея привела их на поляну, где двумя кучами свалены такие вкусные корма. До утра кабаны эти кучи разрыли и, насытившись вдоволь, уже с рассветом ушли на лежку. И сегодня, чуть стусутились сумерки, оголодавшие за зиму, исхудавшие, тощие дикие кабаны направились сразу к кормам, пренебрегая иерархией, пренебрегая грозным рыком хозяйки стада, которая и сейчас обходит поляну, настороженно прислушиваясь к шорохам ночного леса. Вдруг она увидела явное шевеление впереди и следом – легкий скрип снега. Самка резко и громко ухнула, бросилась по глубокому снегу к стаду. Внезапная боль пронзила тело... Вспышка и гром выстрела. Затем вторично... Уже не обращая внимания на разбегающихся от прикормки кабанов, не обращая внимания на отказавшую переднюю ногу, самка прыжками на трех ногах преодолела поляну и скрылась в спасительной гуще молодых елочек, услышав позади еще два выстрела подряд и резкие щелчки по веткам и деревьям жужжащей картечи. Но не слышала она уже злобных приглушенных голосов выбежавших на поляну двух людей с оружием в руках...

– Ну ты даешь, Славик. Нафига ты стрелял по секачу. Он же сейчас худой, вонючий. Мясо у нас не примут. Из него ж ни фарша, ни колбасы не получится. Куда девать будем, что ли собакам гору мяса придется скормить?

– Заткнись, придурок. Во-первых, нечего делить шкуру неубитого медведя! Во-вторых, это matka была. Пудов на пятнадцать, не меньше. Секач, я слышал, все вокруг ходил. Осторожный, сволочь, только я его расслышал. А эту свиноматку я давно знаю. Ты видел, какая здоровенная! Но я ее здорово должен был картечью зацепить. Гони в деревню за собаками. Возьмешь Ваньку-смурода, запряжете кобылу его батьки в сани и сразу дуйте на санях к Белому ручью. Там найдешь следы с кровью,пустишь собак. Я буду там где-то рядом. Буду идти на опережение, чтоб, если что, не ушла в заказник через железную дорогу. Там где-то и встретимся. Теперь давай-ка по рюмочке. На «ход ноги и на удачку».

Первый достал из-за пазухи фляжку, отвинтил крышечку и хотел уже приложиться к горлышку, но второй охотник отобрал у него фляжку:

– Тебе еще ехать и вопросы решать. А мне ночку в лесу куковать. Давай, шуруй к смуроду, и, не дай боже, вы хоть «глык зробице» – самих в лесу оставлю под выворотнем где-нибудь. Ясно?

– Ясно! Машину в деревне оставить?

– Машину поставь у кого-нибудь чужого во дворе. Дай на бутылку и загони во двор. И чтоб говорили, что родня, мол, приехала. А сам тихонько иди пешком к Ваньке. Ружье разложи и спрячь под фуфайку, чтоб не светиться. Да что тебя учить, в первый раз, что ли? И так уже наследили. Пока трактором дорогу пробили, пока корма завезли, теперь вот сами на машине следы оставили. Срочно нужно отваливать, чтоб уже к обеду сегодня мы были в городе и с мясом. Иначе оштрафует нас Костя. А ты знаешь, как он штрафует. Знаешь, Вовка?

– Знаю, знаю, чего вспоминать, – Вова поехал, оглядываясь по сторонам, – ладно, Славик. Погнал я машину в деревню, через часа четыре буду заезжать к Белому ручью от делянки. Если что, потрублю в стволы.

– Я тебе потрублю. В задницу себе потруби. Весна на дворе, кровь на снегу, а ты трубить собираешься. Доедешь до ручья, если не будет моих следов и следов с кровью, объезжай на коне кварталы в обратном направлении, пока меня не найдешь. А если будут, как и договорились, пускай собак. Все, пошел!..

Боль пронизывала все тело. Ломаясь напролом через молодой ельник, самка удалялась от опасности. Предвидя погоню по своим следам с кровью, она уходила в сторону от дневной лежки стада. Несколько раз ложилась, прислушиваясь и давая возможность приостановиться кровотечению, поднималась и вновь двигалась все дальше и дальше от стада. Наконец, перейдя неглубокий ручей, сделала полукруг, забралась под низкие лапы ели, улеглась, чувствуя, что сил практически не осталось. Кровь сочилась из ран от картечи, и из ободранных настом сосков. Предчувствие скорого опороса утверждали мягкие нежные толчки и движения где-то в животе. Самка решила провести день здесь, а ближе к ночи продвигаться на болото, на свой остров. Лишь стал заниматься рассвет, ниже по ручью защелкали, «заиграли» глухари. Немало глухарей обитало и там, на ее острове. Она с удовольствием весной водила выводок своих поросят в поисках кладок яиц глухарей, которые они делали прямо на земле. Глухариные яйца являлись хорошим подспорьем в кормлении растущих поросят, хорошей добавкой материнскому молоку, корешкам-кореньям и молодым ранним грибам в рационе питания поросят. Горестное, обиженное вкочтанье глухарок не омрачало настроения шустрого, пестрого, вечно голодного табунка черных пятчатков.

Свиноматка глубоко вздохнула, повернулась раненым боком к снегу, прислушалась. Где-то за ручьем по её следам она услышала осторожные шаги человека. Уже рассвело, шаги послышались вновь, затем разделались. Людей, как услышала самка, было уже несколько, а к скрипу их шагов добавилось хрипящее повзвизгивание собак. Самка с трудом поднялась. Одна нога

вообще уже не чувствовалась; от потери крови и утреннего мороза шаги давались с трудом. Раны вновь закровоточили. Медленно, тяжело хромая, матка двинулась от опасного преследования. Но тут до нее донесся быстро приближающийся хруст снега. Резко повернувшись, самка увидела наступающих ее двух лаек. Завидев дикую свинью, лайки захлеб залились злобным лаем, с двух сторон все ближе приближаясь к раненому зверю, пытаясь укусить. Свиноматка не могла сделать резкого выпада-скачка, не могла и убежать. Ей пришлось отбиваться от нападающих собак. Она почувствовала острые ядовитые укусы за ноги, за бока. Собаки ловко увертывались от ее мощных челюстей, облаивали, хватали и сразу отскакивали. Они кружили вокруг, стараясь не дать ей возможности двинуться ни вперед, ни назад. Громкий лай собак и укусы, больные хватки острых зубов, боль от открывшихся ран, боль в животе испуганных, еще не родившихся на свет поросят, не позволили самке увидеть и услышать осторожно подкрадывающихся людей. Лишь в самый последний момент она увидела осыпающийся с молодой елки снег и злое лицо человека, смотрящего на нее через прицел оружия. Выстрела она не услышала. Выпущенная с близкого расстояния пуля попала ровно под ухо – в голову... Она умерла мгновенно. Собаки набросились на поверженного зверя, стали рвать шкуру, шерсть. Человек подбежал из-за елки с ножом в одной руке и ружьем в другой руке, пнул тушу ногой и, быстро поставив оружие прикладом в снег, перерезал горло, выпуская кровь, не замечая шевелящийся живот убитой самки. Собаки, отталкивая друг друга, с жадностью хватают кровавый снег, стараясь ухватить языками вытекающую, булькающую пузырями кровь из рваной раны. Вскоре послышался треск сучьев, хруст снега, тяжелое дыхание лошади. К убитой самке подогнали сани, забросили на них тушу свиньи и прикрыли ее соломой. Собаки тут же запрыгнули в возок. На месте трагедии остались выброшенные браконьерами потроха, клочки жира и шерсти и уходящий вдоль ручья к железной дороге санный след...

* * *

– «Жасмин-32», ответьте! – автомобильная рация зашипела, – ответьте «Жасмину!»

– На связи! Я – «тридцать второй». Слушаю вас, «Жасмин!» – сидящий на переднем сиденье рядом с водителем натужно урчащего старенького УАЗа мужчина в камуфлированной одежде и с карабином, удерживаемом между колен, снял микрофон, ответил на вызов.

– «Тридцать второй»! Позвонили железнодорожники-путейцы со станции Зубровка. Они что-то говорили о том, что нашли следы и кровь недалеко от дороги. Говорят, что кто-то пострелял диких зверей там у них. Просили вас приехать! Как понял?

– Понял, «Жасмин». Спасибо, Ирина Владимировна. Отметьте у себя в журнале – меняю маршрут патрулирования. Выезжаю в Зубровку. Как поняли?

– Принято, Алексеевич. Записываю. Буду на связи. И Вы не теряйтесь!

– Конец связи, «Жасмин». Через час свяжемся!

Повесив микрофон на место, сухо бросил водителю:

– Давай, Антонович, в Зубровку на станцию!

Водитель, выбрав поудобнее место для разворота, враскачку по рыхлому весеннему снегу развернул машину, и вскоре УАЗ мчался уже по чистой асфальтовой дороге в сторону указанной Зубровки.

Рейдовую бригаду охотхозяйства по борьбе с браконьерством возглавляет сидящий рядом с водителем охотовед Фомин Алексей Алексеевич. Кроме него и водителя в выдавшем виде УАЗе – трое егерей в таких же камуфлированных костюмах, с зачехленным оружием на коленях. В заднем отсеке машины лежит пять катушек с флажками для оклада волков. Поверх флажков – рюкзаки егерей. Из нагрудных карманов егерей торчат антенны мобильных радиостанций.

В марте у рейдовой бригады работы не много. Браконьеры обычно затихают: тоже совесть мучает бить весеннего зверя, да и дороги становятся не только непроезжими, но и непроходимыми. Поэтому и возят егеря с собой флажки на случай, если вдруг появятся волки.

В такую пору, когда отяжелевшие беременностью самки любого зверя – от зайца до лося – становятся легкой добычей для вечно голодных волков, их отстрелу охотовед уделяет особое внимание. И хоть числятся они, волки, «санитарами» леса у некоторых «камеральных» ученых, Алексей знал: каждый день волку надо мясо. А если в лесу столько больных, раненых, ослабленных животных, что хватает на пропитание таким «санитарам», то грош-цена такому егерю, такому охотоведу в этом случае. Вот и возят флажки с собой в надежде наткнуться на цепочки следов стаи или разошедшихся на весну пар волков. Однако тревожный вызов по рации резко изменил планы...

– «Жасмин»! Ответьте «тридцать второму»! – Алексей вновь включился в разговор по автомобильной рации.

– Слушаю, Алексеевич! – голос диспетчера Владимировны всегда радовал свежестью, жизнелюбием и даже каким-то оптимизмом.

– Владимировна! Вызовите, пожалуйста, на Зубровку милицию линейного отдела. Пока я доеду, пока то да сё, они нам понадобятся, возможно. Да и пусть хоть порадуются вызову на природу, ладно?

– Хорошо, Алексеевич. Будет сделано. Может, еще что?

– Да, Владимировна, позвоните, пожалуйста, прокурору и начальнику РОВД. Прокурора напугайте: скажите, что собираюсь без санкции Зубровку обыскивать, пусть не теряется сегодня где-нибудь, возможно, понадобятся или он сам, или кто-то из его замов. Мы машинку не дадим. Нету! Так что пусть и машину какую-нибудь ближе к обеду, к вечеру имеют под зад... под собой. Хорошо, Владимировна?

– Алексеевич, так сегодня же воскресенье. Кто и где сидит? Где мне их искать? Все люди как люди, отдыхают. Это вы, холостой, сами дома не сидите и людей гоняете по лесам сутки напролет...

– Владимировна! «Жасми-и-и-н!» Не засоряйте эфир. Во-первых: и я, и они все время на страже, а во-вторых, Владимировна, я еще не развелся, и пока, вроде, не собираюсь; да и шапка на голове вроде не поднимается. Так что и вам не скучать там, на вышке, и прокурору приятно с вами пообщаться. Удачи вам, «Жасмин»! Алексей бросил микрофон. Егеря на заднем сиденье одобрительно заулыбавшись, переглянулись: «Молодец, Алексеевич! Ледокол!»

Заскрипев тормозами, УАЗик остановился у маленькой железнодорожной станции Зубровка, состоявшей из двух бревенчатых домиков и дощатого склада. Невдалеке в снегу тонул забор крайней хаты одноименной деревни. Разминая ноги, егеря притоптывали у машины. Алексей отправился на станцию, где его уже ждали двое рабочих-обходчиков.

– Здорово, мужики! Тепло тут у вас, натоплено. Дровишек не жалеете!

– А, начальник! Дровишки-то у нас свои, «жэдэвские». Не намекай нам на свои, лесхозовские. У вас своя кормушка, у нас своя!

– Смотрите-ка ты. «Кооормуушка»! Где это у вас такая? А? Я уже давно не инспектировал придорожную лесополосу. Видимо, придется. Сойдет снег – пройдусь ка я вдоль вашей железки, да и посчитаю пеньки. Насчитаю я вам, мужики-дорожники, столько пней, что и вправду на подножный корм перейдете или на баланду. Будет вам «Кормушка». Что притихли?

– Ладно, Алексеевич, будет тебе. Шутки не понимаешь. Мы же сухостой и то... жалеючи!

– Ну, это другой разговор. А то – «кормушка». Ладно, хлопцы, пошли покурим, – Алексей искоса глянул на открытую дверь в диспетчерскую, откуда, почти в прямом смысле, торчали уши двух женщин-работниц, даже переставших щелкать семечки, прислушиваясь к раз-

говору. На улицу за охотоведом пошел один из обходчиков. Зайдя за угол здания, закурили, помолчали.

– Короче так, Алексеич. Я бы мог и помолчать. Но весна ведь, жалко. На 132-м километре лося убили браконьеры. Больше тебе ничего не скажу, подписывать ничего не буду и вообще, если что, я ничего не говорил и ничего не знаю. Хоть режь потом. Говорят, у тебя связи на самом верху, да и с блатными ты знаком. Я бы никому не сказал, тебе скажу. Как ты к нам приехал, три года назад, тут хоть порядок стал. И зверя стало сколько, и рыбы! Вон кабаны уже бульбу роют прямо в деревне. Раньше коз и лосей почти не было, сейчас уже чуть ли не на каждой делянке. Смелый ты мужик, Леша, люди тебя за это и уважают. А главное, справедливый... – дорожник помолчал, глядя куда-то вдаль, – вот поэтому и решили мы тебе позвонить. Там остатки от лося метрах в тридцати от полотна. В болоте. А лося забрали по железке. Люди знающие говорят, что маневровый вчера как раз на том мете останавливался. А маневровый тепловоз на мелькомбинат ночью идет за мукой, а утром – обратно. Движение у нас здесь, ты знаешь какое. Вот у машиниста, у Мараква, и ищите рога и мясо. Больше я тебе, Алексеевич, ничего говорить не буду...

Больше он действительно ничего не сказал, собрал сумку и ушел домой. Алексей его и не задерживал. Зашел в диспетчерскую, записал в блокнот по часам все проходившие по графику поезда за последние сутки. Ненароком поинтересовался маневровым тепловозом у диспетчеров.

– А, маневровый? Он раз-два в неделю ездит на мелькомбинат за мукой для подсобного хозяйства нашего. Ему специально «окно» выбирают, – диспетчерша внимательно вглядывалась в глаза охотоведу, пытаясь узнать, что интересует «лесников» в их, почти секретном, ведомстве.

– Ладно! Мы сейчас пойдем по шпалам. Километра три отсюда кто-то что-то натворил. Если приедут ваша дорогая милиция, то посылайте их за нами, там не разменемся. Колея одна! – Алексей засмеялся, подморгнув обеим женщинам.

Егеря уже умчались вперед по железной дороге. Водитель, как обычно, открыл капот: там у него всегда имелось какое-нибудь занятие. Зато старенький УАЗик еще ни разу не подвел и давал фору по лесным дорогам мощным «зверюгам» – джипам.

Забрав карабин и планшет, Алексей неспеша шел по шпалам к столбику с номером 132, где варвары опять открыли бойню. Капельки крови, кое-где проявляющиеся на шпалах, насторожили. Если лося увезли на платформе маневрового тепловоза – откуда кровь? Вызвал по рации егерей:

– Вы кровь на шпалах видели?

– Да, видели. Мы сейчас у останков лося, пока ничего не трогаем, ждем Вас. Но, кажется, тут какой-то наворот. Капли крови продолжают дальше. Может, пойти по крови?

– Да, пусть двое пойдут дальше, посмотрят с километр, два. Что это за кровь? А я уже на подходе. И обратите внимание, вроде, меж колеями тащились сани, лошадь, запряженная в сани. Посмотрите хорошо!

Следы лошадиных копыт, кое-где проступавшие меж шпал, имели направление в сторону Зубровки. Тут он увидел недалеко от насыпи махавшего ему рукой егеря – молодого, недавно принятого на работу Мишу Пыркова. Миша уже успел «отсидеть» в местах, не столь отдаленных, два года за драку. Алексей с трудом устроил его на работу. Пришлось звонить и в управление, и с местными властями утрясать. Драку Миша затеял с наехавшими в его деревню горожанами и заставившими сетями пол-озера. Вот из-за этих сетей, Алексей это знал, и возникла драка, в которой Миша умудрился не только разогнать «обуревающую» наглую молодежь, но и порезать колеса на их машине. Получил три года, отсидел два. И вот через два года, когда ему сняли судимость досрочно по ходатайству охотхозяйства, Алексей и взял его к себе на работу егерем. И до сих пор не пожалел. Миша женился – Алексей сам поздравил молодежь

на свадьбе. Жена ему досталась достойная. Медсестра местной районной больницы, стройная и красивая, с железным характером, она не скрывала своей любви к бесшабашному Мише, но быстро взяла его в ежовые рукавицы. Миша всегда на работе был аккуратненько, с подчеркнутой молодцеватостью, одет в военного образца камуфляж, чист, выбрит и почти не употреблял спиртного. Даже после удачной охоты или после изнуряющего рейда, порой длившегося больше суток, позволял себе пару рюмочек водки. К пиву и вину вообще не притрагивается. Одним словом, надежный парень, думал, глядя на него, Алексей.

Миша стоял у останков лося. Потроха, ноги и голова накрыты лосиной шкурой. Сверху все замаскировано еловыми лапками.

– Алексеевич! Я так вот думаю. Стреляли с железной дороги. Пыжей нет. Вот следы лося. Вон там он стоял, рядом с ним были лосиха и лосенок. Но они их не видели. После выстрела лосиха с лосенком рванули в лес: вон их следы напролом прут, а лось сразу упал, на месте. Попали, значит, либо в голову, либо в позвоночник. От дороги до лося около пятидесяти метров. С ружья попасть так точно проблематично. И то, что нет пыжей – все это, мне кажется, говорит о том, что били из нарезного оружия, может, и с оптикой.

– Так, Миша, молоток. Давай, разбирай лапки, разворачивай останки. Будем смотреть. Хотя, давай-ка, я сначала все это дело зарисую. – Алексей достал планшет, – сбегай, Миша, поставь, пожалуйста, вешку у насыпи.

Пока Миша вырубил вешку и установил ее в снег у насыпи, Алексей набросал схему следов относительно вешки, дорожного знака «132». Миша сбросил ветки, развернул черную шкуру.

– Так, Мишаня-малышаня!

– Алексеич! Я не «малышаня»! Сколько раз Вам говорил!

– Ладно, ладно. Не газуй. Так, Михаил Александрович. Что мы видим? Кожа снята аккуратно, без порезов. Сколько мы имеем человеческих следов? Четыре! Правильно. Снимали шкуру четыре человека, помогая друг другу. Обувь: трое в резиновых сапогах, размеры около 44, 46, 44, кирзовые сапоги или форменные ботинки 44 размера...

Продолжая записывать протокол осмотра, охотовед и егерь пришли к выводу, что на шкуре нет ни пулевых, ни других ранений или следов ранений. Внутренние органы целы, не повреждены. Голова разбита полностью, губы и язык вырезаны аккуратно, что свидетельствует о том, что работал специалист и любитель деликатесов. На шкуре нет порезов или лохмотьев мяса. Несколько окурков «Примы», кусок газеты-районки, шелуха от лука и пробка от бутылки.

– «Жасмин»! Алексеевич! – рация нарушила сосредоточенное молчание. – Беда, Алексеевич! Вам надо сюда идти. Здесь из леса подъем по насыпи на рельсы: лошадь, запряженная в сани. Мы прошли по следу. Метров сто от дороги нашли останки дикого кабана, точнее потроха. Кабана в шкуре увезли на санях в сторону Зубровки. Вот такие, нехорошие новости!

– Ясно, хлопцы. А где? Вернее, посмотрите, как кабан оказался у дороги? Ему-то откуда приспичило сюда притащиться? На погибель! Пройдите по следам в обратном направлении и через полчаса ждите меня на месте. Я вызываю милицию!

Алексей вызвал по рации водителя, который уже слышал разговор, попросил связаться по авторации с диспетчером, сообщить в РОВД о «ЧП» и передать, чтобы РОВД выслали группу и связались с прокуратурой. Закончив описание места добычи лося, вместе с Мишей быстро нашли санный след, ведущий из леса на насыпь и недалеко – внутренние органы кабана. Алексей стал перебирать внутренности, достал нож, что-то распорол:

– Сволочи. Свиноматку убили. Смотри, Миша, одиннадцать «полосатиков». Им уже и на днях родиться бы надо, все какие уже здоровенькие... Уроды, блин!

Отерев о снег нож и задвинув его на законное место – в кожаный чехол на поясе – вызвал по рации егерей:

- Я «Жасмин», где вы? Ответьте!
- Мы идем уже назад, – услышал он запыхавшиеся голоса, – будем минут через десять.
- А где вы так далеко бродили?
- Алексеевич, мы по следам, по крови дошли до Мироновой поляны, что за ручьем. Там кабана ранили, а уже у дороги добили. Все остальное скажем, как подойдем!

* * *

Дежурный РОВД в сердцах бросил трубку, зло отодвинул недоеденный бутерброд:

– Эх, жизнь, ни одного выходного спокойно поработать не дадут, опять звонит с лесхоза диспетчер: в Зубровке браконьеры кого-то подстрелили. Этому охотоведу не сидится ни хрена дома. Хоть бы кто ему бабу толковую нашел. Жена вон, и та сбежала назад в область, не выдержала, видать. Откуда они берутся такие, мать их!

– А что, Иваныч, это правда, что его жена с детьми уехала? – Помощник дежурного подобрал недоеденный бутерброд и отправил себе в рот, – насколько я знаю, ему ж райисполком коттедж выделил?

– Да, точно уехала. Детей из школы выписала и уехала!

– А чего ж, конечно, не привыкла видать, фифа, в провинциях жить!

– А кто его знает. Да и работа ж у него похуже нашей будет. Он же по двое суток не приезжает домой. Два водилы у него за год сменилось. Кому охота сутками по лесам шастать, да и где-нибудь заряд в голову получить из-за угла.

– Да, Иваныч. Я вот думал на пенсию выйти, егерем устроиться. Сейчас уже и не гляжу в ту сторону. Мне моя жизнь дороже.

– Ладно, давай искать кого-нибудь из наших с машиной. Надо посылать человека в Зубровку, иначе в понедельник и прокурор, и наш... нам и хвост, и гриву начешут. Ты кому-нибудь звонил?

– Звонил я всем. Кто в деревне у тещи, кто уже под градусом, кто вообще трубку не берет. Хорошо на Западе. Там уже у них у всех и у каждого мобильные телефоны есть. Где бы ни был человек, хоть в Америку можно позвонить. А у нас все рация на пять км, да и домашний телефон не у каждого. Во – жизнь!

– Короче, бери дежурную машину и через час привези сюда любого, кого поймаешь. Заодно заскочи в прокуратуру и в «охрану природы», может, кто машину даст. Давай, дуй, не забудь рацию включить.

Помощник нехотя вышел, дежурный снял трубку, набрал номер:

– Здорово. Найди Костю, скажи, что на железной дороге кто-то дров наломал. Пусть будет в курсе: едем искать «шкодников». Нет, не мы. Охотовед, мать его! Он с утра там. Диспетчер с лесхоза подняла крик, сказала, что будет преду райисполкома звонить. Мы ее успокоили, сказали, что уже выезжаем. Что? Понял, сам приедет на машине? Вообще хорошо!

Константин Алексашкин – преуспевающий бизнесмен районного масштаба. Несколько торговых точек на рынке, продуктовый магазин и ресторанчик в городе. Двухэтажный дом, во дворе гараж, баня, вольер с любимыми лайками. Кроме представительной «Ауди» и джипа «Черокки», довольно новый УАЗик. УАЗа Константин купил специально для охоты. Недорого купил. Благо, Россия рядом, до границы считанные километры, а лесные дороги ему, охотнику с детства и заядлому браконьеру, известны настолько, что с закрытыми глазами готов проехать. Вот и завез две туши коров, купленных у местного населения за гроши, оттуда вернулся на УАЗе. Дальше, за хорошо накрытую «поляну» в своем ресторанчике нужным людям, уже через неделю получил все необходимые документы и новые номера. За год УАЗ вдвастеро оправдал потраченные на него деньги. Константин не браконьерничал открыто, откровенно. Покупал за деньги официальную лицензию на добычу кабана, косули, заодно, путевки

на охоту на уток, зайцев и пушнину. Прибор ночного видения, «СКСО» купил официально, зарегистрировал. Карабин «СКСО» отличался от боевого СКС только отсутствием штык-ножа. Магазин на 10 патронов, оптический прицел и прибор ночного видения не оставляли шансов любому зверю уйти от гибели практически в любое время года, суток и в любом месте угодий. Этим удачно пользовался Алексашкин. Мясо косуль, оленей, лосей, кабанов перекручивалось в мясорубках, коптилось, вялилось в цехах райпотребсоюза, превращаясь в «домашние» колбасы, рулеты, окорока или просто фарш для котлет, голубцов, пирожков, беляшей, чебуреков. Совесть свою и изредка наезжающие проверки он успокаивал рюмочкой-другой коньяка и пересказом слухов о том, что в городе, бывает, в беляши и чебуреки мясо котов, собак подмешивают; у него же самое чистое мясо – с ферм ближайшего колхоза. Все накладные в порядке: ветеринарные, санитарные, бухгалтерские. Проверок Константин не боялся, слава о его гостеприимстве катилась далеко за пределы районных проверяющих служб: госпожнадзора, санэпидстанции, налоговых служб, милиции, ГАИ – всем хватало, всем умел угодить честный, правильный коммерсант Константин Алексашкин.

Многие ему завидовали, многие недолюбливали. Был случай – подожгли его «Ауди». Но неумело подожгли – спас. Не стал ездить на «паленом», подрихтовал и продал куда-то в Россию, сам пересел на «бочку» Ауди, жене купил новенький «Пежо». Жена его – верный и надежный спутник жизни. Вернее не бывает: и бухгалтер главный, и главный ревизор его торговых точек. Конечно, и главный официант в его ресторанчике, когда это потребуется для дела. Огромный дом отапливается газом. Благо, счетчик может «крутиться» как в одном, так и в обратном направлении. Все машины имеют газовое оборудование: с газом проблем не существует, все схвачено. Одно обстоятельство омрачало спокойную устроенную жизнь Константина. Он до сих пор не может простить себе той, поистине роковой ошибки, что совершил три, с хвостиком, года тому назад.

В район приехал работать новый охотовед. По слухам, его сюда «командировал» замминистра. Цель одна: поднять с колен запущенное охотничье хозяйство района. Диких зверей по последним учетам вдвое меньше оптимальной численности, браконьерство процветает, никем не пуганое, как в лесу, так и на озерах. Подкормка диких животных не ведется, егеря получают мизерную зарплату, поэтому являются в город только за зарплатой, которую сами же и называют «зряплатой».

Новый охотовед сразу поувольнял половину егерей, пробил себе хоть и не нового, но еще крепкого на ход УАЗа, одел егерей в форму, вооружил их служебным оружием, патронами, биноклями. Кто хотел, тому купили лошадей, кто не мог содержать лошадей – тому приобрели за счет охотхозяйства мотоциклы. По всем егерским обходам стали строить кормушки, солонцы, кормохранилища. Все поляны по лесу позасевали овсом, топинамбуром. Стали практиковать выборочную, селекционную и коммерческую охоту с вышек. Охотовед два раза в год собирал в кинотеатре охотников района, выслушивал их претензии, доводил свои планы и свои условия. Жестко и бескомпромиссно повел борьбу с браконьерами. Первыми, естественно, ему попались главные хапуги: милиционеры вневедомственной охраны. Обнаглевшие, они привычно хотели взять в оборот молодого чужого, пришлого охотоведа. Но случился совсем неожиданный поворот: все четыре офицера, задержанных за незаконный лов рыбы сетями в период нереста с использованием служебного транспорта, были уволены из органов. Не помогли «ходоки» из ГАИ, от прокурора, от главврача районной больницы. Алексей Алексеевич безжалостно отправил копии протоколов в областное УВД, предварительно позвонив своим знакомым в Республиканской газете. За вневедомственной охраной попались два председателя колхоза, зам. директора хлебозавода, один участковый и один собственный егерь, который организовывал незаконную охоту для гостей из соседнего района. Никто из этих людей не ушел от ответственности, несмотря на все свои связи. Связи охотоведа и его упорство оказались сильнее. Скомпрометировать его не удавалось. Жил он один: снимал комнату

в частном доме у старушки. Ни с кем не пил, в баню не ходил, ни в кабак, ни по бабам ни бегал. Засылали к нему проституток – помешала бабка Фаина, устроила крик, прогнала девок и пригрозила охотоведу, что позвонит жене, которая оставила ей «на всякий случай» свой телефон. Жена охотоведа жила в областном центре, ждала, когда Алексею выделят обещанное жилье.

Вот тут решил Константин предложить охотоведу свои услуги. Для начала пришел в понедельник в контору познакомиться и выписать путевку. Предложил услугу – безвозмездно завезти своим транспортом около десяти тонн подмерзших овощей с райпищеторга. Алексей растерялся – это очень нужная и своевременная помощь. Кормов катастрофически не хватало, а тут бесплатная «гуманитарная» халява. Только вот куда лучше завезти корма? Константин предложил свои услуги знающего каждую тропинку и каждую дорожку гида по охотугодьям. На своем личном УАЗе больше месяца возил Алексея по угодьям, показывая места дневок зверя, места хороших токов боровой дичи, места, где лучше установить кормушки, солонцы, искусственные водопой. Алексей внимательно все выслушивал, выглядывал, запоминал, записывал в планшет. Однажды, во время очередной такой поездки, нарвались на браконьеров, загрузивших в «Жигули» дикого поросенка. Константин вынужден был подписать протокол в качестве свидетеля, вынужден был сесть за руль задержанных «Жигулей» и оказать помощь в доставке транспорта и браконьеров в РОВД. Скрипя зубами, делал он это, скрипя зубами, выступал в суде в качестве свидетеля. Не знал Алексей, во что обошлась эта поездка и это задержание Константину. Да и сам он никому не говорил, что месяц его торговые точки работали на братву за его «гадский» поступок. Кинулся было к авторитетам, где имел «крышу», но напрасно. Пояснили ему, что охотовед – мужик правильный, по беспределу не работает, знают его давно по его делам и поступкам, потому как зверье лесное и рыба есть не колхозное, а общее, и воровать оттуда – беда, «крысятничество». Хапать, рвать из леса – это обкрадывать наших детей, обкрадывать самих себя, а красть и продавать, как это делает он, Костик, есть барыжничество, кстати, облагаемое специальным «налогом», который он, Костя, платит по низким тарифам. А может быть, и увеличена ставка! Поэтому и намекнули ему, чтобы не лез на рожон и занимался делом: торговал, как и торгует, баловался с ружьишкой, как и балует, но не в свои дела не лез и охотоведу палки в колеса не ставил. Да и поменьше с ментами «в десны лязгался». Грустный и озабоченный вернулся он домой. Последнее предложение Кости поохотиться вместе, а потом к нему в баньку, Алексей не принял, хотя раньше заезжал. И чарку иногда выпивали вместе после поездки по лесу. Что-то насторожило Лешу. Может, кто-то вложил ему в уши, что бьет он, Костя, зверя для продажи? Кто ж это мог быть? Единцы об этом знали, все имели с этого и проболтаться или сдать не могли. Может, сам догадывается? Во всяком случае, Константин принял все меры предосторожности и уже не один раз уходил из-под самого носа рейдовой группы. Жалко, что последнего шофера охотоведа, Валерку, выгнали. Тот предупреждал Костю о том, куда выписана путевка, сколько заправили бензина, где будут ночевать. И он благополучно делал свои дела в противоположном участке угодий, предварительно сменив все четыре колеса на УАЗике и изменив номера с помощью пластилина. Останки зверей аккуратно закапывали, по дороге заменяли колеса. Мясо увозили сразу на «запасной аэродром», совсем постороннему, ничем не «светящемуся» человеку. Там обрезали мякоть, кости увозили и выбрасывали на скотомогильник. Через день мясо с документами и синими штемпелями санветнадзора поступало в переработку: либо в ресторан, либо в райпотребсоюз, под видом домашнего. Алексей как-то обмолвился Косте, что при строительстве вышки для отстрела лисиц и бродячих собак на одном из скотомогильников обнаружил ребра и позвоночник лося. Константин постарался переубедить Алексея, что такого быть не может, что ни один дурак не повезет «добро» на свалку. Алексей как-то странно взглянул тогда ему в глаза, но промолчал, ничего не сказал.

За три года работы Алексей свел почти к нулю браконьерство. Многие друзья Кости стали сторониться его, а большинство нужных ему людей вошло в круг друзей Алексея Алек-

сеевича. Самой главной и непростительной для себя ошибкой Константин считал свое предложение Алексею, сделанное однажды после удачной охоты. Спросив Алексея, куда тот собирается девать свою долю мяса оленя, добытого на реву по лицензии, и услышав, что тот еще не знает, возможно, увезет в город семье, Костя предложил ему бесплатно переработать мясо в его ресторане на колбасы, рулеты, бастурму. Алексей сразу же посуровел и категорически отказался. Именно после этой беседы он и перестал близко общаться с Костей – только официально и как-то натянуто. Это было два года назад. Костя почувствовал, что ему становится тесно: Леща ему явно мешал. И не просто путался под ногами. Он твердо стал здесь на ноги. Во всех участках хозяйства у него имелись свои осведомители, егерям повысил в два раза зарплату, и они рвали и метали, чтоб не потерять работу. Часто выступая по районному радио и в районной газете, Алексей незаметно сделался довольно популярным и известным человеком в районе. Константин к своему ужасу видел его везде: в райисполкоме, на хлебокомбинате, на сессиях райсовета, на страницах газет. А главное, что его бесило – это следы его резиновых сапог, маленького, тридцать девятого размера. Ему казалось, что он видит их везде: и на берегах озер, и на подкормочных площадках, и на кормовых полях. Наконец Алексею выделили дом, и к нему приехала семья. Но пожилы они вместе недолго. Костя быстро нашел выход – подбросили в почтовый ящик письмо «от любовницы» с фотографией на память, а потом и сосед (за пятьдесят баксов) рассказал жене Алексея о любовных похождениях ее мужа за те два года, пока он жил на квартирах. Костя видел, что Алексей становился все мрачней и неразговорчивей, все чаще уезжал на дальние границы хозяйства и возвращался через день-два. Он понимал, что его подлые дела попадают в цель. И в один из дней, когда Алексей уехал в очередной рейд, Костя подослал к его дому двух пьяных шлюх-малолеток, которые сначала оскорбили и обсмеяли идущую из магазина жену Алексея, а затем и вовсе пригрозили ей, что Алексей их любовник, и пусть она подобру-поздорову убирается из города, пока ей не повырвали все волосы. Алексея не было двое суток, а когда он возвратился, у дома стоял фургон – местные пьянчуги грузили мебель. Он все понял сразу, не говоря ни слова, сходил в недалеко расположенный магазин, купил бутылку водки и на закуску вяленого леща. Пока жена молча наблюдала за погрузкой мебели, он не проронил ни слова. Пил водку прямо из горла. На прощание подошел к усавившей детей в машину жене, молча пытался поцеловать ее. Она увернулась, села в машину, громко хлопнув дверью, и уехала. Он тогда, оставшись в очередной раз один, зашел в пустой двухэтажный коттедж, допил до дна водку, но свет в его окне погас лишь к утру. Об этом Косте с радостью сообщил сосед, за что получил еще десять баксов: все-таки хорошая новость согрела сердце Константина. «Небось, и сам вскоре уберется», – подумал он со злорадством.

Однако Алексей никуда не уехал и еще больше стал проводить времени в лесу, в угодьях, на работе. Домой приезжал только поспать.

Константин переключился на добычу зверя в соседней России. Правда, зверя дикого там почти не осталось. Подкормка зимой не проводилась, браконьерство процветало, безработица, лень местных жителей – все это вместе нещадно отражалось на численности копытных. Да и дорого обходилась такая охота. Поэтому присутствие Алексея в районе стало головной болью предпринимателя и, соответственно, его близкого окружения. Во что бы то ни стало Константин Алексашкин должен убрать из района, а может, и из жизни вообще упрямого правдолюба.

Сегодня ночью пришлось потрудиться в свое удовольствие. Приехав утром на своей «Ауди» домой, первым делом накормил лаек свежей дичью – кусками легкого, сердца, обрезками мяса. Проследил за тем, как собаки жадно проглотили свежее мясо, подлил в кормушки воды. Зашел в баню, разделся, бросил в стиральную машину-автомат одежду, вымыл резиновые сапоги, аккуратно, с содой, вымыл нож. Прикидывая в уме, как распорядиться очередной горой мяса, зашел в дом. Жена и дети еще спали; зашел на кухню, налил в кружку водки и, как воду, медленно выпил до дна, сполоснул под краном, не спеша зажевывая водку соленым огур-

цом. Поднявшейся на шум жене, уже приготовившейся начать атаку за очередное отсутствие ночью дома, мягко приказал идти в баню, быстро стирнуть и высушить камуфляж. Сметливая жена быстро накинула Костину «Аляску», улыбнувшись ему и, чмокнув в небритую щеку, быстро вышла во двор. Она хорошо знала этот обряд, знала и уже считала в уме прибыль. Выходя, успела спросить: «Кого?». «Лось» – буркнул в ответ муж. Довольная, она быстро вручную застирала костюм, бросила в центрифугу и, достав полусухую одежду, аккуратно развесила на батарее. Через полчаса камуфляж будет выглажен и помещен на свое законное место. Вернувшись, застала мужа уже спящим на еще не остывшей от тепла ее тела кровати. Быстро сбросив одежду, забралась под одеяло, бесполезно пытаясь разбудить мужа. Не добившись ничего, улеглась к нему на плечо и, улыбаясь, закрыла глаза.

Первый тревожный звонок в доме Алексахкиных прозвучал в 11:00. Звонили из линейного отдела милиции. Возле Зубровки охотовед нашел следы добычи дикого зверя и вызывает их, железнодорожную милицию, на расследование. Костя спросил, есть ли у них машина. Машины, как оказалось, «железнодорожникам» не положено.

– Ну и сидите на месте. Позвонят, скажи, что ищете транспорт. Пусть своих ментов вызывают, а те за вами заедут, если что!

Еще через час позвонил дежурный по РОВД.

– Константин! Тут диспетчер с лесхоза подняла всех на ноги. Ищет нашего шефа и прокурора. У Зубровки два ЧП, там уже с утра охотовед копает. По-видимому, что-то серьезное.

– Ну и что?

– Так я думаю, дай-ка позвоню. Может, интересно тебе.

– Ты не зубоскаль там, Иваныч! А что хочет диспетчер?

– Ей по рации охотовед приказал найти милицию, прокурора и железнодорожную милицию. Чтоб все приехали туда, до него, в Зубровку. В выходной день его работу делать! Вот уже любитель жар чужими руками загреть. Да, Костя?

– Конечно. Это ж вы, менты, приучили его. Чуть что – кидаетесь на помощь. Точно, блин, легавые. Ладно, не сопи, Иваныч. Тебя это не касается. Так, может, проблемы какие?

– Да нет. Нашли опера одного, еще трезвого, и помощник прокурора собирается. Вот машину ищем.

– Не ищите. Скажешь своему начальству, что меня уговорил, хоть я и не соглашался. Понял?

– Понял, понял. Так ты что, подъедешь?

– Да, буду через полчаса.

* * *

Запахавшиеся, мокрые от пота и снега, егеря явились минут через двадцать. Алексей с Мишей закончили описание места добычи и разделки туши дикой свиньи и составляли протокол, когда послышалось шуршание снега, и к ним выбрался маленький шустрый Николай и с ним высокий, хмурый, всегда подобранный еще один Михаил – Козловский. Козловский раньше работал в пожарной охране, дослужился до пенсии и, когда узнал, что в лес, где в деревне живут его родители, где он вырос сам и где охотился с детства до настоящего времени, требуется егерь, не задумываясь, пошел в лесхоз, прошел собеседование и был принят на работу. Второй егерь, Николай, тоже был пенсионером – военным. Отслужил старшиной роты в ВДВ двадцать пять лет. Несмотря на невысокий рост, великолепно владел самбо, приемами рукопашного боя, отлично стрелял. Веселый, энергичный, неунывающий, Николай был хорошим сочетанием с молчаливым, спокойным, флегматичным Мишей-пожарником, как его «перекрестили», чтоб не путать с Мишей—малым, Пырковым.

Подошедшие усталились на уложенных в рядок выпотрошенных Алексеевичем поросят.

– Да, сволочи! Даже не могу придумать, кто эти изверги, Алексеевич, – невесело сказал Николай, – мои местные вряд ли пойдут на такое... варварство...

Под «своими» Николай имел в виду охотников – местных жителей, живущих на его егерском участке; а именно на его участке и совершено браконьерство.

Алексей тем временем делал замеры и записывал данные: ширина полозьев саней, расстояние между полозьями, ширина и длина копыт лошади. Поднял клочок шерсти, уложил в пакет и в планшет несколько окурков. Когда вся работа закончилась, запищала рация:

– «Жасмин-32», ответь! – спокойный голос водителя.

– Слушаю, Антонович!

– Алексеевич. Здесь приехала целая команда.

– Какая команда?

– Милиция! Во главе с главным охотоведом!

– Говори точнее, Антонович!

– Ну что, Алексеевич. Вы просто охотовед, а это – главный охотовед, главный лесник, главный рыбинспектор, – и после выдержанной паузы, – Костик Алексашкин на своем УАЗе привез милицию. И ту, и другую. Как понял? Ответь!

– Понял хорошо, Антонович. Отправляй их на 132 километр, я буду ждать на рельсах. Конец связи...

Алексей сплюнул, поправил карабин на плече: «Антонович заговариваться стал», – ухмыльнулся.

По-своему заухмылялись и егеря: Алексашкин раньше держал охотхозяйство в руках, только вот Алексеевич стал у него на дороге. И стал прочно: ни объехать, ни обойти. А Антонович по-своему, по-мужицки подковырнул охотоведа, чтоб тот злее был и держал марку.

Охотовед с егерями вышли на насыпь по санному снегу. Дальше на голых шпалах следов не было видно, но кое-где появлялись капли крови. След вел в Зубровку. Вскоре навстречу им подошли трое милиционеров во главе с Алексашкиным, который издали поприветствовал егерей:

– Здорово, бродяги лесные. Ну что? Развели браконьеров в районе, теперь за помощью обращаетесь?

– Если обратились, то, Костя, не к тебе! Ты что в такую рань, да еще в выходной, да еще с милицией? Не подозревал я, что ты в общественную дружину записался!

– Какая дружина, Алексеевич? Вот попросили товарищи-господа к тебе на подмогу подвезти. Я не мог отказать, если друзья в беде!

– Ну, спасибо, что меня к себе в друзья вписываешь. Думаю, Костя, мне это крайне необходимо!

– Чегой-то вдруг, Лексеич такая необходимость?

– Да ладно, чуть позже скажу. А пока давайте делом займемся.

«Железнодорожная милиция», в лице одного представителя – начальника, сразу запротестовала:

– Вы говорите, до лося больше пятидесяти метров? Точно? Ха! Это не наша зона. Наша зона – двадцать пять метров от насыпи. И кабан то тоже не наш. Потому что к дороге его привезли на санях. Это, братцы, ваши трудности. Так что пошел я на станцию, как раз через полчаса дизель.

– Постой, командир, – Алексеевич взял старшего лейтенанта за локоть и отвел в сторону, – есть разговор. Ты сейчас имеешь шанс и звездочку, и медаль заработать. Видишь, следы от убитого лося к дороге твоей ведут. И обрываются. Вот и думай, на каком такси по рельсам мясо увезли. Это – первое. Я точно знаю, что увезли его на вашем транспорте, и знаю, примерно, к кому. Накину, если хочешь и если доведешь дело до конца, не забоишься.

– Кого это я забоюсь?

- Ну не знаю, мало ли кто к тебе обратится с просьбой дело прикрыть?
- Я не продаюсь, – пафосно возразил старлей.
- Ну, верю. Так вот. Ты работаешь недавно – тебе и все карты в руки. Если подведешь – работать не будешь, понял?
- Вы что, меня пугаете?
- Да, пугаю. Здесь готовое дело, и ты его можешь завалить только по одной причине. – Алексей сделал паузу.
- По какой такой причине? – загорячился милиционер.
- Ну, ну, не горячись: если ты пойдешь против закона. Понял?
- Нет.
- Ну и ладно, я тебя предупредил. Едь в город. Бери своего прокурора и нашего тоже, на всякий случай. На маневровых локомотивах есть какой-нибудь контрольный счетчик, фиксирующий путь? Чтоб его нельзя было отмотать?
- Есть.
- Так вот, берите маневровый «паровоз», который водит гражданин Мараков или Мараченко. Этот локомотив вчера проходил ночью, и сегодня утром он возвращался именно вот по этой железной твоей дороге. Не перебивай, – остановил жестом милиционера, готового что-то возразить. – Так вот этот Мараковский паровоз останавливался здесь и увез лося. Это я точно знаю. Не знаю, где он прячет мясо; ищите сначала у него, не давайте звонить, никого не выпускайте. Не найдете: все будет у родственников. С вами поедет мой егерь, он раньше был пожарным, всех здесь знает и никого не боится. Заодно и вам спокойней и веселей будет, и мне надежней.
- Не доверяете?
- Да, не доверяю никому, даже себе, старший лейтенант. Здесь я знаю, чем это все пахнет. Заваривается очень серьезная каша. Так что будьте предельно осторожны, а Миша все знает, все подскажет, если спросите.
- А вы?
- Дело в том, что вторую добычу увезли в деревню.
- В какую?
- Еще не знаю. Но думаю, мясо уже в городе, и возможно, у этого Мараковича.
- Не Мараковича, а Маракова. Я его знаю.
- Ну вот. У Маракова найдете язык и губу лося. Берите «на понт», меряйте линейкой и «сравнивайте» с тем, что лежит здесь. Авось и пройдет – расколется. Понятых с собой обязательно бери. Здесь все очень скользкие. И никому, что я тебе говорил.
- А как я к Маракову с обыском явлюсь?
- По моему заявлению, бумаги оформим потом. Устраивает?
- А вы это официально говорите?
- Официальной не бывает. Особенно ничего не говори Алексашкину. Ясно?
- Но Константин сказал, что вы друзья!
- Именно поэтому ничего и не говори!
- Потому что друзья?
- Потому что я так сказал!
- Понял, понял. Я пошел.
- Да, счастливо и удачи.
- Они пожали друг другу руку, и милиционер быстрым шагом удалился в сторону Зубровки вместе с «Мишей-пожарником».
- «Жасмин-32», ответь! – рация не спала.
- На связи, слушаю, Антонович!
- Здесь Саша Болохин объявился, спрашивает, что делать?

– Дай его на связь!

– Лексеич, приветствую тебя.

– Здорово, а ты какими судьбами?

– Работа, Алексеевич!

– Ты же вчера отнекивался от рейда, просил хоть один выходной, ты же вчера кричал, что старшина милиции не лесхоза, а РОВД! Что ж сегодня?

– Да, Алексеевич. Это было вчера. А сегодня с утра был на вышке. Владимировна все рассказала, я заехал домой и сразу в Зубровку.

– Молодец, Петрович. Я знал, что ты настоящий друг, хоть и старшина милиции, ха-ха-ха. Ладно, не обижайся. Я надеюсь, Антонович тебя уже пояснил ситуацию?

– Да, я уже и с местными тут кое-что перетер! Давай, Алексеевич, сюда!

– Хорошо, Петрович. Там пятна должны быть на переезде. Ну, ты потрогай их, понюхай, может, что дельное к моему приходу скажешь.

– Ну, так я ж поэтому и вызвал тебя, Алексеевич.

– Ладно. Скоро будем.

Охотовед дал подписать свои бумаги оставшемуся оперуполномоченному и упирившемуся сначала Константину. Затем составил еще один протокол, его тоже вынуждены были подписать как свидетели все присутствующие.

Константин Алексашкин волновался. Дело двигалось абсолютно неотвратимо, вопреки его здесь присутствию. Куда-то уехал на дизеле молодой железнодорожный милиционер, пошептавшись с охотоведом; вот еще Болохин явился, у того нюх на браконьеров лучше любой легавой. Что-то нужно предпринимать.

– Ну, господа! Уже обед проходит, а у нас ни в одном глазу. Есть предложение! У меня в УАЗике термосок есть, может, перекусим, – весело провозгласил он, когда вся команда перешла к переезду, за которым стояли два УАЗика.

Помощник прокурора и опер радостно переглянулись в предчувствии хорошего обеда. Сто пудов, Константин и «поддачу» выставит. Егеря вопросительно уставились на начальника.

– Спасибо, Костя. Вы-то можете и перекусить, знаю, человек ты хлебосольный. Но мы пока пойдем по деревне прогуляемся. Сдается мне, и мы на свежину нарвемся.

– Леша! Не занимайся ерундой. Пусть егеря твои пробегутся. Ты, что уже, зазнаешься? Впадлу тебе наша компания?

– Да брось, Константин. Я ж говорю, пойду по Зубровке; вон и Болохин что-то сказать хочет, вижу. Мой УАЗ остается, если что – вызову на подмогу по рации...

Алексей обошел машины, подошел к старшине. Тот, жестикулируя и показывая на деревню, что-то негромко сказал охотоведу.

– Все, мужики. Вперед. Ты, Миша, и ты, Николай, попытайтесь от разъезда идти по каплям, даже если потеряете след – ищите по лошадиным копытам, по санному следу. А мы с Петровичем пойдем сразу к одному двору. Может, прет нам сегодня?

Миша и Николай вернулись к переезду, а Алексей с Сашей Болохиным пошли прямо по деревне, приглядываясь к следам. Скоро они открыли калитку добротного деревенского подворья. Собака на цепи хрипела и захлебывалась от лая. Пройдя немного во двор, обнаружили большие красные разводы в снегу. У собачьей будки валяются кости. Хозяева не выходят. Болохин палкой загнал собаку в будку. Алексей быстро прошел на крыльцо, остановился. Саша успел выхватить мосол и принес на крыльцо.

– Вот и свежина, Алексеевич!

– Да, Саша, Петрович! – рассматривая кусок позвоночника, ухмыльнулся Алексей, – свежина, это точно ты сказал!

Алексей и Саша вошли на веранду. На столе стоят стаканы, пустые бутылки, сковорода с застывшим на холоде жиром. По углам валяются отрезки и обрывки целлофана, некоторые из них в крови.

– Ну вот. Я же говорил, у меня нюх! – Петрович полушепотом обратился к Алеше. – Пировали! – Подошел к столу. Понюхал бутылки:

– Самогонка. Сахарная.

– Ладно, Петрович, – почему-то улыбаясь, остановил его Алексей, – вон посмотри в корыто, что пленкой закрыто, я уже отсюда запах чую...

Петрович подошел к стоящему в углу корыту, откинул пленку:

– Кишки! Ну и что?

– А то, Петрович, что это домашний кабан, и кишки, значит, тоже домашние.

– Точно. Теперь вижу, вон за буфетом голова осмаленная и ноги. Так что, пойдём?

– Нет, Петрович. Из бутылок ты запах слышишь? Да! А я «свежачок» чую. Пошли в хату.

Они открыли дверь в хату, вошли и остановились. Слева в маленькой кухоньке на газу стоит самогонный аппарат, газ включен, струйка течет из змеевика, ... и никого нет. Зайдя в другую половину хаты, нашли спящего на диване пьяного хозяина, который под звук включенного телевизора и перебора «на грудь», ни лая собак, ни шагов вошедших гостей не слышал.

– Вставай, дружище. Брагу у тебя поперло в змеевик. Испортил всю малину.

Хозяин, еще не разглядев толком гостей, бросился к аппарату. Здесь все было в порядке, и он, разъяренный, обернулся и хрипло пробормотал:

– Вот, черт, приснул трохи. А вы чего?

Болохин в милицейской форме первым принялся «будить» хозяина:

– А ты что, не видишь? Собирайся, поедём в город, сначала в вырезвитель, ну а потом – под стражу. Где хозяйка, зови!

Опомнившись, хозяин рванул к умывальнику, ополоснул лицо:

– Товарищ милиционер. Так я ж не на продажу. Для себя вот трохи. А жена в городе. Кабана мы вчера своего забили, так она с зятем и дочкой на базар повезли.

– А насчет кабана – это отдельный разговор. Знаем, что тут у вас в Зубровке дичью промышляешь только ты один, – охотовед достал из кармана клочок волос дикого кабана, – это мы у тебя во дворе нашли. Сейчас будем звонить в город, чтоб арестовали мясо на базаре на проверку. И жену с зятем и тещей заодно!

– Боже, боже. Этот клочок щетины не я притащил. Собака мой уже месяц назад кусок шкуры припер. И тут во дворе таскал, чтоб его волки... Я век на охоту не хожу, у меня ружья даже нет!

– Как же нет, вон голова свиная за шкафом. Там видно, что пулей из ружья бит кабан твой. Так что: или признавайся, где спрятал ружье, или собирайся, а мы вызываем прокурора; он сейчас на станции ждет нас, – для пушей убедительности Алексей достал рацию:

– «Жасмин», ответь «тридцать второму»!

– На связи, – услышался голос Антоновича.

– «Жасмин», а кто у тебя в соседней машине? Остались ли гости или уехали?

– Алексеевич! Все здесь! И прокурор, и опер, и Константин. Ждут вас, но по-тиху обедают. Меня приглашали. Я бутербродик взял. С икрой ведь, когда такая халява будет? Что – позвать?

– Нет, нет. Но возможно скоро понадобится их помощь. Ждите!

– Товарищи начальники. Вот вам клянусь, – он перекрестился, – не хожу я ни на какую охоту. И никогда не ходил, и ружья сроду в доме не было. Вот вы – я знаю, вы с охраны природы! Вы у нас в колхозе недавно выступали, что весна скоро, чтоб сети не ставили, чтоб собак всех привязали. Я вас узнал, вас все хвалят, что вы справедливый и правильный! Ну, я ж вот

свою собаку сразу и привязал, будь она неладна. И сети я не ставлю, и петли, как вы говорили правильно, тоже не ставлю!

– Ладно, ладно! Как вас зовут? Иван Афанасьевич? Будем знакомы. Давайте присядем. Есть разговор...

Они присели на подставленные хозяином табуреты, огляделись.

– Да, Афанасьевич! Говоришь, для себя гонишь? А вон уже три трехлитровых банки стоят. Это ж ведро! Куда столько? – и не дав опомниться хозяину, Алексей жестко спросил:

– С чьего двора собака принесла кусок шкуры, и кто стрелял тебе кабана? Ты не торопись, я тебя не гоню. Подумай, что ты теряешь и что находишь. Я тебе сразу обещаю. О тебе никому ни слова и даже жене твоей. Ну и, если начнешь жопой крутить, от станции до тебя три минуты езды, прокурор сидит в машине. Тех денег, что жена сегодня заработает, не хватит на штраф. Думай, а если ты не против, я с тобой посижу, а Петрович выйдет, немного подышит воздухом, а то тут одуреть можно от сивухи твоей...

Отвернувшись, он моргнул Петровичу, тот все понял слету, как обычно. Кряхтя встал, вышел в веранду, поднял голову кабана. Действительно, ниже уха чернело запекшееся отверстие от пули. «Ну, Алексеевич! Видит же насквозь, как это я сразу не заметил?» – подумал он, озадаченно оглядывая голову. Не успел он обойти двор, как его позвал охотовед.

– Смотри, Петрович, знаешь таких? – показал ему фамилию, занесенную в блокнот за схемой с железной дороги.

– Нет, не знаю.

– А вот этих?

– Этих знаю.

– Пошли быстро, где они живут?

Через несколько минут они топтались у большого дома на окраине деревни. На улице у ворот стоят сани. Охотовед достал рулетку, измерил полозья, измерил конский след.

– Они, Петрович. Ищи кровь.

– Так тут, Алексеевич, кровящи больше, чем на мясокомбинате, – обрадовался старшина, зная, что у Алексеевича проблема с цветоощущением, – вон кровь на соломе, вон кровь на самих санях

А вот крови у калитки и на снегу нет.

– Так, Петрович. Иди в хату, забирай ружье сначала, постарайся без шума, чтоб добровольно сдали. Склоняй на явку, я тут с нашими свяжусь, где-то они пропали:

– «Жасмин»! Я «тридцать второй», ответьте!

– «Тридцать второй», я на связи, – Антонович словно ждал вызова.

– Антонович, а где наши?

– Мы тут, Лексеич! – ответили по рации егеря.

– Где это тут?

– Улица Бобровая, знаете где?

– Да, мы на ней, на Бобровой. Переулочек к речке от улицы, крайний дом номер три.

– Что у вас?

– Саный след, кровь у калитки. Саней нет, след идет на улицу.

– Отлично! Мы у саней. Стойте там, в дом не входите, но и хозяев, если что, не выпускайте. В общем, скорее всего то, что мы ищем – у вас, а транспорт – у нас. Вот Петрович подсказывает мне, что вы от нас в двухстах метрах, за поворотом. Мы сейчас поговорим с хозяином «такси», потом к вам. Как понял?

– Понял отлично, ждем!

– Антонович, ответь!

– На связи.

– Что гости наши?

- Замерзли, греют машину.
- Скажи, пусть подъезжают на Бобровую, дом семьдесят два, я жду.
- «Жасмин», подожди. Выходила на связь Владимировна. Просила, чтоб ты связался с ней по телефону.
- Что это еще такое?
- Подожди, Алексеевич, – рация трещала, но понять ничего не получалось, но вскоре водитель прояснил ситуацию:
 - Алексеевич, она слышит мой разговор с вами. Говорит, звонили с железной дороги. Важные новости, по рации говорить не может.
 - Скажи ей, как найду телефон, сразу перезвоню. А сейчас вези сюда вторую машину с командой.
 - Алексеевич, пока я с вами говорил, они куда-то поехали. Мне Костик махнул рукой, мол, то ли пить поехали, то ли уже напились. Щелкнул по горлу и заулыбался.
 - Антонович, догони их и предложи им приехать на Бобровую. Если откажутся, особо не настаивай. Как понял?
 - Понял, понял. Поехал!
 - Алексеевич, идите сюда, – услышал крик Петровича из-за высокого забора.
 - «Жасмин»! Ответь. Здесь женщина вышла из дома, хотела идти к свекру. Мы с ней поговорили, она все нам рассказала, плачет. Идите сюда скорей! – это Миша малый и Николай.
 - Антонович, слышал?
 - Да, я все понял. Сделаю, как надо!
 - Давай, Антонович, и вы, хлопцы, идите с женщиной к ней домой, попейте чайку, я буду скоро.
 - Алексеевич! Ну где ты там? Давай сюда! – Петрович опять закричал из-за забора.
 - Иду, – и вполголоса, – прорвало вас всех... видать и вправду поперло...
- Алексей вошел во двор, по ступенькам зашел на веранду. В чистенькой веранде оборудована летняя кухня. В дальнем углу у окна газовая плита, слева диван, справа буфет и стол, приставленный к стене. На столе стоит пластмассовый таз, с торчащим из него мясом, на стульчике у стола заплаканная хозяйка, рядом с Болохиным, и, по-видимому, хозяин, нервно затягивающийся сигаретой. У Болохина в одной руке ружье, в другой – патронташ.
- Вот, Алексеевич. Это – Михаил Семенович Павлюченко с женой Валентиной Александровной. Это – его законное ружье, которое брал его сын вчера, и вернул сегодня рано утром, когда привел коня. Заодно и мясом угостил родителей. Им сказал, что домашнее. Кабана, мол, бил на деревне. А на мясе-то черные дырки от картечи.
- Таак, а сын где?
- Сын живет рядом, но сегодня он с утра уехал на машине в город.
- Алексей достал блокнот.
- Как зовут сына и какая у него машина?
- Сына зовут Иван Михайлович. Машины у него нет. Еще ночью он пришел с каким-то другом, выгнали кобылу, а машину поставили к нам во двор. А засветло приехали на лошади втроем, кобылу Ванька загнал в сарай, сани поставил на улице, потому что машина мешала. Выгнали машину и уехали. Я видел, что заезжали в переулок к Ивану, но скоро же и уехали. А какая машина? Иномарка и все...
- Как звали его друзей?
- Одного, главного – Слава, тот из города, я его не знаю. А другой – Вовка. Он из соседней деревни, друг моего Ваньки. А что, они что-то натворили?
- Ой-ой-ой, – запричитала хозяйка, – хлопчики, вы же Ваньку моего не знаете. Он такой доверчивый, все его обманывают, у всех он на побегушках, дурачина. Ой, господи. Вот говорила тебе, не давай ему ружье. А теперь вот посадят дурака!

– Не посадят, хозяйка. Если Вы немного нам еще поможете. Если не тяжело, пойдете в дом к вашему сыну, пусть невестка подтвердит ваши слова, и мы уедем.

– Пошли, деточки, пошли. Одевайся, старый, быстро одевайся.

Алексей с Болохиным вышли на крыльцо.

– Алексеевич. Ты позвонить собирался. А у хозяев телефон есть.

– Точно! Спасибо, Петрович, – кивнув хозяевам, вроде спрашивая разрешения, набрал номер диспетчерской.

– Владимировна, это снова я!

– Очень хорошо. Вас просил срочно позвонить в железнодорожную милицию!

– Какую милицию?

– Алексеевич! – капризно укорила Владимировна, – милиции на транспорте. Вам телефон нужен?

– Да, давай сверим, – Алексей достал свой блокнот, полистал, – говорите. Понял, спасибо...

Набрал указанный телефон, трубку тут же сняли, и после приветствий он услышал:

– У известного Вам Маракова прямо дома нашли много разрубленного на мелкие куски мяса. Мы пока не знаем, что и как, – проведем экспертизу. Кроме того, изъято оружие, капканы, петли, бобровые шкуры, ножи. Задержаны до выяснения четверо граждан. Может, вы подъедете с помощником прокурора?

– А вы имеет право все это обыскивать, задерживать? На все эти процессуальные действия, что вы провели?

– Да!

– Ну, тогда ждите, я буду через час, максимум полтора. Но прокурора вам не привезу, хватит нам одного вас. Договорились?

– А экспертизы? Эксперты?

– Будут вам эксперты, обещаю. Будут и экспертизы!

Скрип тормозов УАЗиков заставил попрощаться. Выйдя на улицу, Алексей увидел смеющегося в усы Антоновича, стоящего у своего УАЗа, и озабоченного Константина: пассажиры его УАЗа были к этому времени мертвецки пьяны.

– Ну что, Костя, перекусили?

– Ну ты ж, Алексеич, отказался! Нашли что-нибудь?

– Да, нашли все. Только ты разбуди, пожалуйста, помощника прокурора и опера, я им попытаюсь растолковать, что к чему. А вот и ружье. Его я не отдам им, нетрезвым, и сам завезу в РОВД. Протокол тоже мой. Давай, буди!

– Слышь, Леха. Давай-ка ты сам все доводи, чего ты их будешь тормошить. Ты же, как обычно, затеял этот сыр-бор...

– Кто этот сыр-бор затеял, покажет время, Константин. И кто, и ради чего весной мамку бьют поросную, тоже рассудит время и закон... и понятия. А пока... Ты, вы часто говорите, что я жар чужими руками загребаю. Или выгребаю. Только, Костя, это не жар. Это – навоз. Сегодня его разгрести, или загрести будут твои пассажиры, твои шестерки. А нет – их завтра уволят. А к себе официантами ты их вряд ли возьмешь. Жрут много. И пьют. Что, не так?

– Ты чего, и вправду уезжаешь?

– Давай, буди. Или нет. Я сам...

Алексей бесцеремонно, на глазах у изумленных егерей и любопытных соседей, начавших выглядывать из-за заборов, вытащил из машины «оперативников». Специально громко объяснил суть дела, показал заспанным, ничего не соображающим сотрудникам ружье, дал подписать какие-то бумаги и, захватив по дороге Мишу и Николая, уехал. По дороге сдал ружье в РОВД, откуда позвонил специально максимально открыто прокурору на транспорте: договорились о встрече...

* * *

Дом машиниста маневрового локомотива Маракова находился сразу за товарной станцией. Рассчитанный на проживание двух семей, но умело переоформленный на одну семью Маракова, состоящей из хозяина, жены и двоих переростков-сыновей, дом, словно крепость, огорожен высоким кирпичным забором, с такими же высокими металлическими воротами.

УАЗ охотоведа остановился у «Нивы» прокурора на транспорте, одиноко припаркованной у штабеля бетонных шпал, сложенных у ворот.

– Во, блин, не стесняются средь бела дня шпалы тырить себе домой, – не удержался Мишка «малый».

Из полуприкрытых ворот показалась голова Мишки «большого»:

– Заходите, заждались вас. Тут делов – километр! Да и замерзать я уже стал!

– А что тут, Миша? Не согрели еще? Хреново, значит, работаете, раз мерзнете!

– Да тут полный звездец, шас увидите!

Все по очереди вошли во двор. Широкий двор обустроен толково. У крыльца, отделанного под мрамор, черный джип. К дому пристроен гараж на две машины, с тыла дома – баня с большой верандой, хозпостройки. Прямо напротив ворот еще не оттаявший бассейн с фонтаном в виде лилии. Двери в гараж, баню и хозпостройки распахнуты. У входа в баню стоят люди, о чем-то спорят. Алексей подошел ближе.

– Алексей Алексеевич! Наконец-то, заждались, – прокурор сделал несколько шагов навстречу, – нужна твоя помощь. Вот смотри, – он указал на несколько пластиковых ванн, загруженных мясом, два полиэтиленовых мешка с костями, шкуру, копыта и голову дикого кабана, стопку сушеных бобровых шкур, связку лисьих шкур, несколько шкурок куницы, енотовидной собаки, связку лосиного камуса, пять пар лосиных рогов, три охотничьих ружья, боевую винтовку-трехлинейку, несколько деревянных ящиков с капканами, проволокой, петлями, а также сети и невод.

– Ни фига себе, – Болохин стал обходить вокруг выложенных «трофеев», – это все из хаты?

– Да не из хаты. Это все из летнего домика-пристройки к бане. В доме мы ничего еще не трогали, хотя опись уже сделал, – прокурор невесело ухмыльнулся, – живут же люди на зарплату...

Алексей молча осмотрел «трофеи», покопался в ванночках с мясом, встряхнул пушнину, оглядел рога, причем каждую пару рогов изучал внимательно.

– Ну, как тебе эта вся выставка достижений? – прокурор серьезно уставился на охотоведа.

– Здесь кое-чего не хватает. Вы в холодильники заглядывали?

– Да, смотрели. В одном из них в ванночке для овощей лежит лосиная губа и язык. Это ты ищешь?

– Да, точно. Ну теперь я вам и не нужен. Составляйте опись, давайте я дам всему этому оценку, на первый прикид, все остальное потом и в суде. Договорились? Я думаю Александр Мараков, – он кивнул в сторону бледного хозяина, – не будет отрицать, что вот это – мясо лося, которого он добыл из винтовки со своего «паровоза» сегодня ночью, и губы, и язык которого лежат у него в холодильнике. А это мясо дикой свиноматки, добытой сегодняшней ночью у Белого Ручья жителями д. Зубровка и вывезенными оттуда подельником Саши – Славином. На его же, Сашином, джипе. Мясо свиноматки, выпотрошенной у железной дороги, на 132 километре. Так что, все это дело железнодорожной прокуратуры: и паровозы, и служебные дома со шпалами, и мясо, добытое на железной дороге. Так я говорю?

– Ну, почти так, – «транспортный» прокурор оглядел незаконно добытую продукцию и оружие, – а что дальше?

– Дальше? Дальше вызывайте ОБЭПовцев, проводите полный обыск. Вон там, – он указал на баню, дом, сарай, – вы еще больше нароете: под крышей буду висеть домашние колбасы, в погребах – банки, бочки с мясом; в сараях – кости, шкуры, капканы, петли-сети; в доме – оружие, боеприпасы, шкуры, мех и т. д. Но все это – не мое уже дело. Вот посмотрите только на мясо – оно в щетине и в волосках тех зверей, что добыты на «железке». А вот у меня образцы этих волос с места добычи. Возьмите – пригодится. Да вот еще что. Возьмите понятых и оформляйте все по максимуму правильно. Шуму будет и вони очень много. Это – ОПГ, и «крыша» у них солидная.

– С чего вы взяли?

– Три года, четвертый год я здесь. И кое-что должен знать. Так что успехов вам и внеочередной звездочки. До свидания; хлопцы, по машинам! Саша Болохин, а ты как представитель РОВД и лесхоза остаешься. Надо, Саша, надо. Я знаю, ты не против, – увидев возмущенно поднятые брови друга, Алексей подошел к нему и что-то зашептал на ухо. Тот сосредоточенно выслушал, молча кивнул головой и поплелся к УАЗику за сумкой...

* * *

Лишь под утро стадо диких кабанов собралось у густого ельника, где они обычно дневали. Самка-хозяйка так и не появилась после выстрелов на подкормочной площадке. Каждый член стада занял свое привычное место: молодые поросята-сеголетки сразу улеглись, уставшие, в ранее вырытые в снегу до мха ямки-лежки; двухлетки, поковырявшись в разрытом мертвом муравейнике, разлеглись, прижимаясь друг к дружке; свиноматки, отяжелевшие к весне, забились под густые лапы елей, оглядываясь по сторонам в поисках хозяйки стада. Лишь неугомонные трехлетние секачики бродили вокруг лежки стада, но, не уходя далеко: можно нарваться на старого секача, и тогда нагоняй неминуем.

Уставшее, испуганное стадо насторожено пролежало весь день. Лишь с наступлением сумерек в табуне началось движение. Первыми повыскакивали из своих лежек молодые поросята – самые голодные и неугомонные. Они начали бродить по лежке стада, нарываясь то на грозное хрюканье и клацанье зубов более старших кабанов, то на реальные укусы и болючие удары в бока мощными «пятакми» не родных «теток» и «дядек».

Поднявшееся стадо по привычке ждало команды на выход. Но команду подавать было некому.

Наконец одна из старших в стаде свиноматок двинулась вперед, уверенно пробивая след в рыхлом, покрытом острой корочкой наста, снегу. Сквозь верхушки деревьев на черном небе ясно горят капельки звезд, весенний воздух наполнен свежестью, легкой, дурманящей изморозью. Стадо шумно приближалось к месту вчерашней кормежки. Но, когда до подкормочной площадки оставалось совсем близко, когда запах прелого картофеля и прорастающего плесневелого теплого зерна уже пронзал чуткое обоняние диких свиней, идущая впереди свиноматка наткнулась на кровавый след, тянувшийся от подкормки. Она остановилась, шумно потянула воздух. Идущие позади, повинувшись строгой дисциплине стада, замерли. Глубокая тишина окутала ночной лес. Лишь где-то вдали несколько раз шумно ухнул филин, да позади на болоте тишину ночного леса разрывало лопотание крыльев самцов глухарей, шумно усаживающихся на облюбванное дерево, где им предстоит со своей знаменитой глухариной песней встречать рассвет. Токовать древнейшим языком о любви, о страсти, о нежности и ярости природного зова.

Все стадо внимательно следило за самкой – новым вожаком стада. А она, настороженная, застыла. Инстинкт матери, инстинкт ответственности не только за своих чад, но и за все стадо, всю их семью, заметно поредевшую за долгую суровую зиму, неожиданно заставил ее забыть чувство голода, а страх кровавых следов пропавшей ее подружки и настоящей хозяйки стада –

отказаться от такой близкой и такой доступной трапезы. Она чувствовала себя вожаком, она знала, что сейчас – она хозяйка стада, и она сделала выбор. Резко и громко ухнув, она прыжками рванулась мимо подкормки, в сторону. Стадо, повинувшись, сбившись цепочкой, последовало за своим новым вожаком.

К середине ночи стадо подошло к опушке леса. За опушкой простиралось поле. Снег уже почти сошел, лишь на опушке да по небольшим островкам олешиника, расположенным в беспорядке по полю, лежал почерневший, рыхлый, зернистый снег. С поля тянуло прелым запахом неубранных и незапаханных початков кукурузы. Дикое стадо долго топталось на опушке, опасаясь выходить на открытое пространство поля, ярко освещенное луной. Но голод заставил самых меньших членов этой дикой общины, поправ опасность, выскочить из леса, преодолеть последнее препятствие – полосу слежавшегося снега – и рассыпаться по полю в поисках вкусных, сытных початков. За ними выскочили их мамы, подвинки прошлого года и почти трехлетние секачи, все еще не решавшиеся покинуть стадо и начать самостоятельную бродяжную жизнь взрослых самцов. Свиноматка, стоящая в снегу у опушки, пропустила все стадо на поле, прислушиваясь и принюхиваясь к ползущему понижу морозному ветерку. Ничего не предвещало опасности, и она сама вышла на поле в поисках пропитания. Суровая зима и развивающаяся в чреве новая жизнь требовали восстановления сил. Голод заставлял, пренебрегая опасностью, выходить из леса...

Где-то недалеко затыкала лисица, явно недовольная появлением кабанов; слышалось короткое похрюкивание сквозь громкое чавканье, сопенье и хруст ломаных початков. Низко, бесшумно спланировала над стадом сова в поисках вспугнутых кабанями, убегающих полевок. Дал стрекача, громко затопав лапами, начавший линять заяц-русак. Далеко за полем, в деревне, лениво забрехала собака, наверное, проснувшаяся от непонятного шороха. Где-то за углом ей ответила другая. И вновь наступила звонкая, тихая, ватная тишина темной весенней ночи, несмотря на яркий холодный диск луны, висящий прямо над полем.

Лишь на рассвете, когда «зачуфыкали» на пригорках первые тетерева, проснувшиеся и недовольно разглядывающие растянувшееся по полю стадо, новая хозяйка громким «чуханьем» и сопением дала знать насытившемуся стаду о возвращении в лес. В далекой деревне уже слышны голоса петухов, всю обозначившим начало нового дня на их территории, призывно замычали в хлевах коровы, торопя проснувшихся хозяек к дойке. Потянуло специфическим запахом человеческого жилья: дымком из растопленных спозаранку печей и форматами разной снеди, установленной в этих печах.

Стадо, сбиваясь из гурьбы в цепочку ближе к опушке, покинуло поле, оставив глубокие следы своих копыт в грязи и широкую грязную борозду по снегу вдоль опушки.

Решив, что в следующую ночь она вновь приведет стадо на это поле, самка вела табун в, растущий недалеко от этого поля, густой ельник. Старые елки устелили здесь землю толстым слоем непромерзающей иглицы. Под снегом можно было полакомиться сгнившими и перемерзшими черными груздями, корешками кислицы. Стадо, сосредоточено сопя, быстро следовало за ведущей, по ходу забирая длинными рылами рыхлый снег вместо воды, таким образом «запивая» обильную пищу.

К рассвету небо затянуло тучами, пошел дождь, снег раскис, корка растаяла, идти было легко. Самка вела стадо в только ей известном направлении, и все поголовье послушно и молча следовало за новым вожаком.

* * *

Алексей приехал домой, когда у соседей, сквозь задвинутые шторы, тускло и уютно пробивался свет домашнего очага. Его дом возвышается двухэтажной громадиной – холодной и безжизненной. Загнав машину во двор, Алексей закрыл ворота и, вздохнув, открыл ключом

дверь веранды. Пахнуло холодом, сыростью и еще чем-то нежилым. Быстро пройдя на кухню, спустился по лесенке в полуподвал, где находилась система отопления дома, котел парового отопления, давно остывший за почти сутки отсутствия хозяина дома. Пришлось долго и нудно выгребать и выносить из дома накопившуюся золу, разжигать сухими палочками дрова в котле. Наконец котел весело загудел разгоревшимся пламенем. Алексей забросил полную топку березовых чурок, прикрыл подачу воздуха, чтоб горели подольше. В доме почувствовалось распространяющееся тепло. Сразу стало уютней и не так одиноко. На подоконнике – радиоприемник, никогда не выключаемый, весело оглашал кухню очередными новостями и последними хитами поп-музыки.

Достал из холодильника початую бутылку водки, кусок колбасы, несколько яиц. Усмехнувшись, поставил на плиту сковороду. Порезал колбасу в нагревающееся масло и, дождав-шись, пока колбаса зарумянится, вбил туда яйца, накрыл крышкой, выключил газ. Налил в стоявшую на столе рюмку водки, опрокинул ее в рот и, не закусывая, направился в зал, включил телевизор. Вечерние новости ничем обычным не отличались: миллиардеры богатеют, нищие нищают, заводы приватизируются, акционеры акционируются, преступность растет. Вернулся на кухню, проверил АОН. Два звонка от жены, два от Алексашкина, один от «неопределенного» абонента. Выпил еще рюмку, закусил куском колбасы и желтком от яйца. Поставил на газ чайник, набрал номер жены...

– Привет, Леша. Что так поздно? Я целый вечер тебе звоню. Все гуляешь по девкам?

– По девкам гуляют ночью, если что! А ты мне звонила два раза, я на работе был.

– У тебя, как обычно, в выходные: то охота, то работа!

– Да, Таня, то работа, то еще работа, то снова работа. А что мне тут одному, день на диване валяться?

– А тебя там, что – привязали? Взял бы да приехал к нам. Дети уже забыли, как батька выглядит.

– А ты не забыла, как я выгляжу? Взяла бы, да приехала сама. И детей привезла бы на батьку посмотреть.

– Я-то не забыла. У меня в кошельке твоя фотография на самом первом месте.

– Ну да, мать, я понял. Когда в кошелек заглядываешь, меня, небось, сразу матом кро-ешь?

– Чего-то вдруг?

– А что кошелек пустой!

– А! Бывает! Но я же не это сейчас имею в виду. Леша! Когда приедешь? Я соскучилась, очень-очень!

– Понял, понял. Давай созвонимся в понедельник, ладно? Как там, в общем?

– В общем? – упавшим голосом переспросила жена, – в общем, как всегда. Уборка, готовка, уроки. Вот и все, в общем. Пока!

Она бросила трубку, Алексей выключил засвистевший чайник, налили себе еще рюмку водки, выпил. Закусил яичницей, налил чаю и устроился в кресле у включенного телевизора. Настроение еще больше ухудшилось. Отношения с женой все больше и больше усложнились. Он видел, что время проходит, уже второй год он живет один, но, как в командировке. Заезжая в областной центр по делам, останавливался «дома» на сутки – двое, привозил с собой рюкзак мяса или рыбы, грибов или ягод; детям – машинки-игрушки, жене – деньги и себя. Через двое-трое суток его тянуло назад, в «проклятый» холодный дом, к своему делу, к своей работе, в свой лес, к своим зверям. Он уже с тоской поглядывал в окно городской квартиры, бесконечно звонил по вечерам своим егерям домой. Наконец жена собирала ему постиранные вещи, со вздохом провожала до порога квартиры, и он, буркнув что-то на прощанье, уезжал. Последний раз так было чуть больше двух недель назад:

– Леша! Может, все-таки останешься на денек? – жена поставила рюкзак у его ног.

– А смысл, Таня! Не наелся – не налижешься. Может, вы со мной?

– Ты знаешь! Нет! – она отвернулась и ушла на кухню; он уловил дрогнувшие нотки в ее голосе, но успокаивать не остался, тихо затворил за собой дверь...

Трель звонка отвлекла от мрачных мыслей:

– Алексеевич? Узнал? Да, это Костя. Что, не разбудил? Почти? Как бы заехать к тебе с пивком? А может, ко мне в баньку? Я сейчас машину подошлю. Попаримся, пива попьем, а? Денек сегодня выдался какой-то кипишной!

– Я, Костя, уже спать лег, спасибо!

– Алексеевич, ты ж только приехал! Я-то в курсе.

– Откуда ты в курсе, мы ж не соседи, вроде.

– Разведка, Леша! Так что, шлю машину?

– Нет, я ж говорю, сплю уже. Я понял, что ты хочешь поговорить о сегодняшних событиях. Давай-ка завтра на работе и обсудим. Кстати, ты прокуроров своих лучше бы отпарил сегодня. Завтра разговор будет трудным. Ты в курсе, что у Маракова склад мяса, шкур, оружия. Там беда, Костя, в том числе, мне кажется, и для тебя. Нет? Ну, ну, я надеюсь, что ты хоть краем там не проходишь, потому как у Марака особняк богатый, он его оберегать будет, наверняка явку напишет.

– Алексеевич. Тебе это зачем? Ты ж зверей должен растить, а не конфискацией заниматься.

– Бог с тобой, Костя. Где и когда ты видел, чтоб я конфискацией занимался? Ружья в лесу отбираю, да и то у тех, кто их сам отдает. Я ж руки и ноги никому еще не прострелил, не поломал. А что менты по домам изымают, это, Костя, больше по части твоих друзей, типа тех, кого ты сегодня напоил, накормил. Что, я что-то не так говорю? До поросычьего вида, хотя он у них, этот вид, и так недалеко уходит от свинства. Так что ты на меня напраслину не вешай, Костя, а за баньку спасибо. Как-нибудь в другой раз, устал сегодня, хочу отдохнуть.

– Ну, ладно, Леша. Завтра, так завтра. Только давай, пожалуйста, с самого с рання, як кажуць, добра?

– Добра, добра. В семь утра в лесхозе. Пока!..

Алексей положил трубку, спустился в котельную, подбросил еще дровишек в котел, потрогал горячие трубы и удовлетворенно крикнул: «Ну вот. Можно и на боковую». Выключив телевизор, подержал в руках бутылку с остатком водки, вылил в стакан и залпом допил, выбросив пустую бутылку в мусорное ведро и, выключив, свет, поднялся по деревянной лестнице на второй этаж, прошел в спальню, предварительно включив газовую колонку в ванной: ополоснуться на ночь после тяжелого дня.

Приняв горячий душ, расстелил двуспальную кровать, улегся, установив таймер выключателя включенного небольшого телевизора на час ночи. Однако уснул сразу, не успев даже досмотреть какую-то очередную разоблачительно-скандальную историю о коррупции. Внизу, на кухне, приемник выдал заключительные аккорды ночного гимна – очередной день закончился.

Хороший, добротнo отстроeнный служeбный дом-кoттедж надежнo держал тепло. Утром очень не хотелось вставать с кровати, однако привычка вставать в пять утра заставила скинуть одеяло, с полузакрытыми глазами спуститься на кухню, поставить кофе, включить колонку в ванной. К шести утра Алексей, побритый, свежий, успевал прогреть машину, навестить единственное свое хозяйство – курицу, сыпнув ей миску зерна на весь день, заменить воду и забрать из гнезда яйца. Несколько звонков по телефону перед выездом в контору, и в семь часов он уже парковал своего УАЗа у ворот лесхоза. «Ауди» Алексашкина и джип Маракова уже стояли на противоположной стороне улицы. Хозяева машин ожидали его у закрытого кабинета.

– Здравствуйте, давно ожидаете?

– Только подъехали, как договаривались, к семи.

– Проходите, – пригласил Алексей, открывая дверь, – присаживайтесь у стола, поговорим.

Кабинет расположен на первом этаже, стены увешены рогами лосей, оленей, косуль, отдельно висят трофейные дипломы. На стенде – фотографии на охотничью тематику, в торце кабинета стол с телефоном, в углу – два сейфа. Вдоль стены с окнами, занавешенными жалюзи, стоят стулья. На полу вытертая от времени, но чистая дорожка.

Алексей открыл сейф, бросил в него кобуру с пистолетом, две радиостанции, которые со вчерашнего дня носил с собой. Закрыв сейф, достал из полевой сумки папку с документами, вынул из нее какие-то бумаги, поверх которых ранние посетители увидели самую страшную для них: с надписью «протокол». Алексашкин несмело спросил:

– Можно прочитать, Алексеевич?

– Да, Костя, читай, я думаю, ты и за этим тоже приехал.

– Ну, не совсем чтобы, но и около того, Леша. А в баньку ты вчера зря не захотел. Мы до двух ночи пропарились, и вот, как огурчики, сегодня. Зря, зря не согласился, – и многозначительно глянул на Маракова. Тот молча, насупившись, разглядывал чучело головы волка, висевшее над сейфами.

Прочитав протокол, Алексашкин в упор уставился на Алексея:

– А если я его сейчас порву?

– Ну и что, я новый напишу, а егеря к девяти подъедут. А ты ответишь за «хулиганку»

– А если ты порвешь?

– А нафига тогда я его писал, ездил, по деревне лазил, чтоб рвать. Нет!

– А если мы его вместе с тобой порвем?

– Не получится, Костя, ты же знаешь. Ни ты, ни я уже этот протокол порвать не сможем, потому что не имеем права. По разным причинам, конечно.

– Леша! Так что сделать можно? Мы же друзья, вроде? Говори: что надо?

– Костя, сейчас лучшее для всех, пока не поздно, заплатить до суда ущерб. А сумма там немалая выйдет, да, Мараков? Сколько ты вчера взял на себя голов? – Алексей уставился на Маракова.

– Каких таких голов, Марак? – Константин аж вскочил с места, – ты же вчера мне ничего в бане за головы не говорил.

– Да и не знал я, что тебе говорить. Ты, Костян, сказал, что сегодня все разрулишь, ну я думал, что зря на ночь нервы тебе рвать?

– Ну, говори, тварь, что ты там наговорил, – Алексашкин схватил Маракова за отворот курки, – ну ты, может, и меня еще приплел?

Двери кабинета открылись, вошел транспортный прокурор, милиционер железной дороги, новый опер из ОБЭП РОВД.

– О, я вижу, здесь уже друзья врагами становятся, – прокурор протянул руку Алексею для приветствия, – здорово, Алексеевич. Вовремя мы, я вижу. И искать никого не надо.

– Вы, – обратился он к Алексашкину, – судя по всему, Константин Алексеевич?

– Да, и что такое?

– Вот ордер на обыск у вас в доме и у вас на работе, в вашем ресторане. Мы как раз к Вам домой ехали, увидели знакомые машины и не ошиблись. Что ж, поехали?

Алексей с некоторым сожалением посмотрел на Алексашкина и красного Маракова:

– Костя, он пять лосей и двенадцать кабанов подтвердил. Это только то, что добыто, нет, не добыто; а убито вместе с тобой, не считая косуль и зайцев. Что делать будешь?

– Врет он все, ничего не знаю и знать не хочу. Оговор. Пес вонючий, жрешь с руки и что творишь?

– Константин Алексеевич! И те двое, с Зубровки, подтвердили показания Маракова, и точно указали суммы, которые они от вас получали за помощь. Поехали. Уголовное дело

уже возбуждено не только нами, но и стоит вопрос о передаче дела в область. К обеду здесь народа будет! А ресторанчик ваш мы все же прикроем. Я думаю надолго. Поехали, – прокурор первым вышел из кабинета, за ним все остальные. Алексей смотрел в окно, как под любопытными взглядами спешащих на работу людей делегация вышла из здания, расселись по машинам, и укатила в сторону коттеджей, отбиваясь от местного журналиста, которому Алексей с самого утра подкинул «жареную» информацию от «ЧП районного масштаба».

Егеря собрались на планерку вовремя, как обычно, расселись по стульям вдоль стены, разложив на коленях свои рабочие планшеты. Сегодня тема планерки не новая, но очень ответственная: подготовка и проведение учетов тетеревиных и глухариных токов, а также наступающий период нереста рыб на водоемах: профилактика и методы борьбы с браконьерством на водоемах.

Алексей подробно побеседовал с каждым егерем о токующих птицах, о шалашах, путях подхода, о наличии у каждого егеря в обходе по пяти-шести хороших мест для проведения охот. Нужно учитывать очень много обстоятельств: подъезды, подходы, ночевки в лесу, костры, чучела, профиля. Если требовалось, останавливались лесорубочные работы в местах токов. Не исключались варианты организации охот по охоттурам для иностранцев – оговаривалось, какие тока оставить в резерве для этих целей. Распределили водоемы под усиленную охрану, в основном, по месту жительства каждого егеря. Ревизию токовищ глухарей Алексей брал на особый контроль. Глухариных токов всего было шесть. Только на одном из них около шести петухов, на других – по три-четыре самца. Тем не менее, сохранение этих токовищ, скромных по охотоведческим меркам, охотовед Алексей придавал очень большое значение в своей работе. И эта работа не прошла бесследно. В этом году была уже запланирована одна охота на глухаря по коммерческому туру для богатых охотников, скорее всего, иностранцев. Не оставили без внимания на планерке вопросы подготовки весенней охоты на тяге на вальдшнепа, пропагандой которой активно занимался Алексей. В районе, до его прихода на работу, лишь единицы охотников приобретали путевку на эту красивую охоту, воспетую еще Тургеневым, Пришвиным и Буниным в своих произведениях. И егеря, толком не знавшие ничего об этой скрытой птице, поездив с Алексеем на вечерние и утренние «тяги», влюбились в эту красивейшую из охот на птицу.

Закончив к обеду совещание, Алексей отпустил водителя в «отгул» до завтра, попросив предварительно заправить машину и еще раз, на всякий случай, «заглянуть под капот». Пыркова и Болехина предупредил, что завтра к вечеру сбор. Когда и насколько уезжают, Алексей никогда вперед не говорил, коллеги уже привыкли, уезжая на день, быть готовыми вернуться через сутки, а то и позже.

Забрав у Антоновича вымытую заправленную «до краев» машину, Алексей, захватив оружие и рации, поехал домой. У калитки его встретило его «хозяйство» – курица по имени Курочка Ряба. Поглядывая то одним, то другим, хитрыми глазами, выманивала у него лакомство: кусок белого батона, который он так и не купил, задумавшись, проехав мимо магазина. Пришлось пешком вернуться в магазин. Купил батон белого хлеба, молока, сигарет, уже собрался домой, когда его остановили улыбающиеся продавщицы:

– Алексеевич! А вы на машине?

– Нет, пешком, что-то случилось?

– Ой, – всплеснула руками молодая, но, как знал Алексей, разведенная заведующая магазином, – у нас проблема. Мы сейчас закрываемся на санитарный день, а у нас выручка немалая. Вот мы ищем, кто бы смог нас в банк свозить! А мы отблагодарим, правда, девчата?

Девчата дружно заулыбались, обступили Алексея, уставившись на него веселыми, лукавыми глазами.

– Я даже не знаю, девчата. Я уже загнал своего «козлика» во двор.

– Ну, Алексеевич! Здесь же рядом. А мы и стол вам приготовим. Вы же один там, беденький, никто вас не покормит. Вон, вместе сухомятку все. То консервы, то колбаса. Так и язву можно заработать.

– Откуда вы взяли, что я всухомятку? Я, если что, запиваю. Иногда...

Они дружно рассмеялись, Алексей понял, что деваться некуда. Ну и время позволяло, он решил сегодня ночью выехать в угодыя, с вечера немного покомарить дома.

– Ну ладно, сейчас приеду, только собирайтесь быстренько, чтоб не ждать, как обычно, на свидание.

– А вы что, Алексеевич, на свидания ходите? Вот не знали мы, а ведь рядом живем! Интересно, кому ж это подвезло такого любовничка захомутать? – они опять дружно рассмеялись, но Алексей, краснея, быстро вышел на крыльцо, что-то пробормотав, и быстро пошел за машиной.

Ждать долго не пришлось. Сама заведующая и молоденькая практикантка быстро вскочили на заднее сиденье УАЗа, и через десять минут они были уже у банка.

– А вы меня подождете? – спросила заведующая, – я минут десять, не больше.

– Конечно, Леночка! А потом куда, обратно?

– Это уже как договоримся, – Лена, весело смеясь, вышла из машины вместе с практиканткой. Вернулась через полчаса, но уже одна.

– Ой, извините, Алексей Алексеевич! Я и так без очереди, но пока все оформила. Задерживаю Вас?

– Нет, в принципе, я на сегодня уже вроде отработал. До вечера свободен.

– Хорошо Вам. Сам себе хозяин, все на свежем воздухе. Природа! Люблю природу! Хоть бы пригласили когда-нибудь, Алексеевич! Показали бы эту природу молодой незамужней женщине!

Лена вновь засмеялась, достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку.

– У Вас в машине можно курить?

– В этой машине можно все, – ответил смутившийся Алексей.

– Ой, сомневаюсь я, что здесь можно все. Как-то не верится, – Лена откровенно провоцировала краснеющего охотоведа, – и сиденья, наверное, не раскладываются?

– А зачем их раскладывать, – принял вызов Алексей, – при хорошем настроении и желании можно и танцы устроить, не то, что спать!

– А кто говорил «спать»? Я не говорила! А что это Вы подумали? Вот такие все мужчины! Чуть что, у них на уме только одно – спать, – Лена откровенно смеялась над Алексеем, выпуская дым в открытый лючок форточки.

– Ну, поехали?

– Конечно, конечно. А куда, Алексеевич?

«Во, дает», – подумал про себя Алексей, но вслух сказал:

– Я могу и природу показать, но сейчас распутица и холодно. Там, ближе к лету, красивей.

– Алексеевич! Не напрягайся! Я пошутила. Мы же знаем, что ты женат, у тебя и детки, и жена дожидаются там, в области. Не обращайтесь на меня внимания, Алексеевич! Просто у меня сегодня настроение такое, боевое. Поехали, если можно, назад, в магазин...

Молча они доехали до магазина, ласково улынувшись большими черными и немного грустными глазами, Лена выпорхнула из машины, обронив, уже закрывая дверцу:

– А все-таки я действительно очень люблю природу. Буду ждать солнышка! До свидания, Алексей! Спасибо, что выручили.

– До свидания, Лена. Я обязательно напомню Вам об этом разговоре, ладно?

– Посмотрим! – она уже поднималась по ступенькам магазина.

Ночью Алексей встал без будильника в два часа. Прогрел машину, выпив кофе, залил термос с чаем кипятком, сунул остаток батона, завернутый в газету, в рюкзак. Захватив ружье

в чехле, рации, патронташ, замкнул остывший дом и к рассвету был уже в глубине хозяйства. Весенняя дорога раскисла, в лесу кое-где еще и лед не растаял на лужах – пришлось несколько раз объезжать опасные места, чтобы не провалиться: иначе самому будет очень сложно выбраться. Алексей знал, что захудалый колхоз в прошлом году так и не распахал кукурузное поле назиму, а рядом посеял озимую рожь. Сюда и держал путь охотовед. Это очень лакомое место весной для всей дичи. И кабаны должны повадиться, и вот-вот гуси потянутся, и тетеревов зимой на березах тут сидели стаи – что грачей весной. Оставив УАЗ недалеко от спящей деревни, дальше пошел пешком, закинув за спину рюкзак, на плечо ружье, на шею бинокль. Только стало сереть небо на востоке – потянули тучи. Скоро должен был начаться дождик. Примостившись на гниющей копне соломы, Алексей рассматривал поле в бинокль. Кое-где уже слышны переливы тетеревов, вдоль леса быстро «протянул» вальдшнеп. Большой табун кабанов цепочкой укатился с кукурузного поля в лес. Гусей еще не было видно. Дождавшись рассвета, Алексей прошелся по следам табуна. Голов тридцать кабанов разного возраста всю ночь «перепахивали» поле. На растаявших холмах озими звенели тетерева. Проснувшись было криком петухов и мычанием коров деревня, притихла вновь под серым утренним дождем. Завернув в вымирающую деревушку, Алексей заехал к леснику – пенсионеру Михаилу Сидоровичу. Он любил бывать у него в гостях. Добротный большой аккуратный двор; все на своем месте: телега, сани, тракторок, мотоцикл. Большой чистый двор всегда ухожен, несмотря на большое хозяйство, которое держали Михаил Сидорович и его Зинаида Александровна. Две лайки в вольере и дворняга на цепи надежно охраняют хозяйство. Хотя и не от кого здесь, в этих диких краях, и прятаться, и хорониться, но местный уклад и сила привычек – надежный оплот вековых традиций.

Посигналив у ворот на всякий случай, Алексей, захватив так и не расчехленное им ружье, вошел в незапертую калитку. На крыльце встретила приветливая Александровна:

– Ох, ох, кто пожаловал! В такую рань, Алексеич. Ну, заходи, дорогой. А мы только управились, вот садимся снестать. Заодно и перекусите!

– Спасибо, Зинаида Александровна. У вас с удовольствием перекушу. Как там Сидорович, кряхтит трохи?

– Да нешто спину ему прихватило, эту неделю дома сидит, пчел своих все доглядает после зимы. А вы проходите, проходите, я сейчас, – она проворно за рукав провела его через веранду-сенцы в переднюю часть хаты, одновременно являющейся и гостиной, и холлом, и кухней. За столом сидит хозяин – худой, жилистый, черный, как смоль, но с сединой в волосах. Крутит самокрутку из газеты.

– А – здорово, пропажа! – Приветствует, вставая, охотоведа, – а я думаю, вот уже гуси скоро полетят, тетеруки вовсю дерутся, но начальства все няма!

– Да вот, Сидорович, как только появилась возможность, сразу выбрался. Я был сегодня у вас на полях за маяком. Кабанов видел, лисицу, тетеревов много на буграх. Ты шалашики еще не делал?

– Да вот собираюсь, да спина, мать ее за ногу, так разболелась, даже не знаю, что и делать?

– Ну и ладно, Сидорович. Там у меня в багажнике я привез цивилизацию. Складные шалашики из арматуры с маскировочной сеткой. Посмотришь сам, приспособишься. А я через неделю тебе на охоту двух генералов привезу. На тетеревов, может, и на гусей повезет. Ты уж тут «привяжи» что-нибудь, договорились?

– Ну так, а як жа ж? – засмеялся старый лесник, – мне разницы нету, генералы или адмиралы. Абы люди хорошие были. А плохих ты не привезешь, Лексеич...

Вошла хозяйка, вытирая руки о фартук, быстро засуетилась у печи, двигая горшки и горшочки. Скоро на столе появились тарелки с мясом, квашеная капуста в полукачанах и отварная, с пригарочками, как любит Алексей, картошка.

– Алексеич. Может, рюмочку с дороги?

– Не, спасибо, Сидорович, я ж за рулем.

Сидорович моргнул одним глазом, заговорщически показывая на хозяйку:

– А ты всю не пей, только пригуби. А я для аппетита чуть-чуть глотну!

– Ах, каб тебе. Чего ты человека подбиваешь! Сам выпить хочет, а я ему не даю, вот он и сказки тут начинает баить. Ишь ты его, едреный корень!

– Ладно, ладно, Александровна. Ну, плесните чуток, так и быть, пока доеду до города – растает...

Александровна, продолжая притворно ворчать, выскочила в сенцы, чем-то там загремела. Сидорович напряг слух, внимательно слушая направления шагов хозяйки. Александровна вернулась с графинчиком самогонки. Налила две рюмки. Графин убрала. Сидорович быстро опорожнил свою рюмочку, закричал:

– Ох, хороша. Поверишь, Алексеич? Спрятала горилку и не дает уже почти месяц, скоро запах забуду водки своей...

Алексеевич усмехнулся, быстро и незаметно для Александровны перелил свою самогонку в стакан Михаила:

– Ну, хозяйева, ваше здоровье, спасибо за хлеб-соль. Надо ехать...

Быстро съел несколько картофелин с холодным мясом, закусывая хрустящими листьями капусты. Напоследок обильно обмакнул в земляничное варенье толстый блин, с удовольствием съел его, свернув в трубочку, и запивая зверобоевым чаем, запаренным в чугунке.

– Так, договорились, Михаил Сидорович! Я приеду без предупреждения на ночь.

– Приезжай, дорогой, все будет, как надо, ты же знаешь, – заулыбавшийся Михаил встал из-за стола провожать гостя...

Зинаида Александровна уже проворно и незаметно сунула под сиденье водителя узелок с салом, колбасой и банкой варенья: «Один живет, бедолага! Кто ему там приготовит? А так хоть своего, домашнего покушает», – улыбаясь, думала она, неслышно закрывая дверь УАЗа. Вскоре Алексей, разбрызгивая грязь, пробивался в сторону города, на работу уже опаздывал. Включил в машине рацию и тут же услышал голос диспетчера:

– «Жасмин-32». Срочно ответьте «центральному»!

– Ну вот, утро начинается, – усмехнулся Алексей, включая микрофон автомобильной радиации:

– Слушаю, Владимировна!

– Алексеевич! Наконец-то. Вы меня хорошо слышите?

– Да, хорошо, говорите.

– А где Вы сейчас?

– Я в хозяйстве, еду в город, буду через час.

– Вас срочно разыскивает председатель райисполкома. И директора лесхоза, но он уже туда уехал. Просили Вас срочно приехать.

– Владимировна! Позвони им туда, пожалуйста, скажи, буду к половине десятого. Свою рацию не выключаю, если что, «маякните». Конец связи.

– Конец связи, сделаю.

«Так я и ожидал, – подумал Алексей, – сейчас начнутся разборки. Почему недоглядели, почему не предусмотрели? Ладно, прорвемся».

Возле здания райисполкома заметил две припаркованные «Волги» с областными номерами. Обтер тряпкой свои резиновые сапоги, обнаружив под сиденьем «термосок» Александровны. Отдав на вахте дежурному милиционеру тихонько ружье в чехле, поднялся в приемную. В приемной для вторника было достаточно много народа: начальник общепита, зам. председателя по сельскому хозяйству, какой-то чин из «железнодорожников». Почему-то угрюмо насупившись, сидел начальник ГАИ. Двое незнакомых в гражданском смело осматри-

вали с ног до головы одетого в камуфляж Алексея, оторвавшись от разговора с директором лесхоза и начальником РОВД.

– Доложите, что приехал, – обратился Алексей к секретарше под пристальными взглядами притихших посетителей.

– Заходите, Алексей Алексеевич, вас ждут.

В кабинете председателя сидели двое незнакомых мужчин, один из которых в форме прокурора, а другой в форме железнодорожного начальника.

– А, вот и наш герой! Проходи, Фомин, присаживайся, знакомься! – председатель приподнял на лоб очки, – помощник прокурора области Петр Васильевич – и начальник участка железной дороги Иван Анисимович Желобов. Как ты знаешь, у нас в районе ЧП, причем ЧП огромного, никак не районного масштаба. И один из первых вопросов тебе – как ты допустил такой беспредел в доверенных тебе охотоугодьях? Здесь у нас под носом работала целая фабрика, целый мясокомбинат, который организовал твой друг Алексашкин. И мы только вчера обо всем узнаем, и то, только благодаря бдительности железнодорожников и железнодорожной милиции. Скажи, Алексеевич, как это могло произойти? Какова ваша роль в этом с директором лесхоза? Может, вы и в доле были? Может, и у вас следует подвалы потрясти. Ты вот один живешь в таком роскошном особняке. А дом мы давали тебе с семьей, а где твоя семья? Откуда такие панские, собственнические замашки? Ну! С чего начнем?..

Алексей молчал. Зашевелились желваки, что не предвещало ничего хорошего...

– Начнем с дома. С коттеджа. Дом мне выделило Министерство по ходатайству профкома. Исполком к этому дому отношения не имеет. Где моя семья? На этот вопрос я ответ дам позже. Если понадобится кому-то, – Алексей глянул на прокурора, – а теперь насчет браконьерства. Мною с нашей бригадой за три года вскрыто более ста случаев браконьерства, составлено около двухсот протоколов на нарушителей природоохранного закона, изъято около пятидесяти единиц оружия, более десяти километров сетей. А что сделано милицией? Только изъятые по домам стволы, да во время бытовых разборок составленные протоколы. Браконьерство на железной дороге мы раскрывали вместе с железнодорожной милицией, и мой вопрос: где в это время была наша милиция и наша прокуратура? Есть ответ, могу озвучить: они сидели в машине у Алексашкина и там жрали водку. Вы знаете об этом и почему-то выставляете меня здесь мальчиком для битья? Так разговора не получится, я готов откланяться и идти заниматься делом. Если у милиции и прокуроров есть ко мне вопросы – вызывайте повесткой. Только в качестве кого вы меня вызовете? Или мне самому в Минск съездить? И это легко. Завтра здесь будут корреспонденты республиканских изданий. Хотите? Любой каприз! Только, извините, за ваши деньги.

– Алексей! Остановись. Ты что несешь? – председатель сменил тон, – ты не огрызайся тут, привык, понимаешь, там, в лесу, рычать. Мы ж к тебе, можно сказать, по-человечески, по-отечески, а ты сразу на дыбы. Корреспондентов он вызовет! Знаем мы эту вертихвостку, что ты в прошлом году двое суток катал на УАЗе из «Правды в стране». Конечно, дело молодое, но не в рабочее же время и не на служебной машине! Ну, ладно, ладно, не закипай. Может, я и погорячился. Хорошая она девчонка, и материал я читал – очень современный, острый. Хвалю! Но сегодня вопрос о другом. Как район не опозорить? Ведь понаедет проверок – блох не оберешься. В том числе и у тебя, не думай, понаходят изъянов на год вперед. Что ты предлагаешь делать?

– Я ничего абсолютно не предлагаю. «Фабрику» закрыть, виновных, куда угодно, это не мое дело. Вот и весь мой ответ.

– А протоколы?

– Протоколы я пустил в ход, они уже в суде. Там и решайте, я вам в этом не указ и не советчик.

– А порвать протоколы?

- Поздно! И я этого делать не буду, как и не делал раньше; тем более, ущерб огромный.
- Все ясно! Пока свободен, ожидай!
- Где ожидать?
- На работе!..

Алексей быстрым шагом вышел в приемную, бросил бешеный взгляд на ожидающих своей очереди чиновников, но ничего не сказал, забрал ружье и сел в машину.

Уже на ходу за рулем задумался, куда ехать? Приехал в лесхоз, у кабинета пять человек на прием ждут. Ничего не поделаешь, люди пришли по делу, надо слушать, решать... День пролетел быстро, и к вечеру появился Антонович.

– Ну что, Лексеич, едем сегодня?

– Нет, Антонович, я совсем закурился за день, забыл. Обзвони всем отбой до моего звонка. Машину забирай, завтра утром в полседьмого у меня дома. До завтра!

Достал из стола документы, разложил на столе, закурил. То, что местные клерки повязаны с Алексашкиным, Алексей знал давно. Но так бесцеремонно с собой обращаться он никогда и никому не позволял. «Ну, что ж! Если захотят – повоюем. Посмотрим». Не в первый раз приходилось ему сталкиваться с трусостью людей, боявшихся потерять свое «корыто». Выкурив сигарету, набрал длинный номер телефона.

– Аллю! Ольга Леонидовна! Здравствуйте. Провинция Вас постоянно вспоминает, вздыхает, любит на Ваши строчки в изданиях и, по мере возможности, пытается нарушить Ваш драгоценный распорядок и уклад! Спасибо, что узнали сразу, наши зверушки и пичужки давно соскучились, просили передать Вам, что очень надеются на встречу. Ну что вы! Ничего не случилось, правда, соскучились. Серьезно! Нет, жену в лес не вожу, поскольку не имею таковой возле себя, – уехали в «цивилизацию». Да, каждому свое. Вот именно! – опять закурив сигарету, улыбаясь, продолжил разговор «ни о чем», но все же не удержался, – вот иногда так хочется, чтобы все было хорошо и красиво, но не получается. Потому что как раз хорошего и красивого не хватает. А где взять, если вас из столиц в наши дебри не вытянуть? Да, Вы крайне проницательны, мне, наверное, очень нужно будет с Вами обсудить эти трепещущие вопросы. На следующей неделе? Конечно, устраивает. Я встречу на вокзале. Инкогнито? Тем лучше. Я очень буду благодарен, и, по-честному, правда, рад, что ты наконец-то приедешь. Пару дней? Это, конечно, мало, но... Ладно, все, извини, что отвлек. Жду. Целую!..

Алексей положил трубку. Призадумался. Оля – корреспондент центральной газеты – нашла его случайно. Находясь в командировке в их райцентре два года назад, она узнала, что в одной из деревень живет ручной лосенок. Его мать убили браконьеры, и охотовед с большим трудом определил еще рыженького, тонконового теленка на постой к матери одного из лесников. С большими проблемами лосенка выводили. Приходилось даже вызывать фельдшерку с ФАП, колоть уколы, ставить клизмы. Лосенок подрос, свободно гулял по деревне, и, что удивительно, даже собаки не бросались на него. Дети толпой бегали за гордо и независимо прогуливающимся Борькой. Оля услышала эту историю и захотела сама все увидеть и даже подготовить репортаж. Ей быстро подсоветовали, как найти охотоведа – «крестного» этого лосенка. Так Оля и Алексей познакомились: молодая, стройная, в джинсах и белой блузке с короткими рукавами и дорогушим фотоаппаратом в кофре через плечо, и улыбчивый, в запыленном камуфляже с тремя звездочками в каждой петличке, инженер-охотовед лесхоза. «Зверобой», как она его окрестила про себя, разглядывая сквозь темные линзы солнцезащитных очков. Они на его стареньком УАЗе побывали в деревне, где жил лосенок, потом в гостях у старого лесника Сидоровича, где Оля нащелкала снимков аистов, журавлей, пчел, маленьких щенят и даже гадюку. Вечером на охотничьей базе Алексей лично жарил шашлыки, готовил уху. Они долго любовались звездным небом, встретили рассвет на причале, окутанном теплым туманом, под счастливые трели запоздалых соловьев и хорканье невесты откуда, как специально, взявшегося вальдшнепа.

Через неделю республиканские газеты опубликовали снимки, сделанные Олей, и Алексей лично завез Сидоровичу и Александровне репортаж об их семье и их жизни и фотографии. Они периодически созванивались, Алексей всегда нахваливал ее статьи, но встретиться больше так и не довелось. Оля знала, что Алексей женат, сама же замуж не спешила: командировки, суета, занятость по работе иногда сутками ее полностью устраивали. И вот сейчас, едва лишь они поздоровались по телефону, что-то теплое и волнующее кольнуло у каждого в сердце, и само собой получилось, что они договорились о встрече.

Болохин вошел, как всегда, шумно, бросил на стол свою полевую сумку, расстегнул форменный бушлат и, словно спохватившись, протянул руку:

– Здоров, Алексеевич! А я тебе с шести утра звоню домой. Тишина.

– Ездил ночью на маяк, к Сидоровичу. Тетеровов искал, гусей. Кабанов большой табун видел.

– Ну, что?

– Петрович! Хотел бы – съездил сам, навестил стариков. «Чтокаешь»!

– Алексеевич! Не психуй. Меня начальник РОВД просил тебя найти с самого утра.

– Саня! Мне пофиг твой начальник, вместе со всей твоей ментовкой. Так ему в следующий раз и скажи. Я тебе, кстати, уже говорил, чтобы ты по отношению ко мне никаких его ни просьб, ни приказов не передавал, понял, нет?

– Леша! Что случилось, ты чего?

– Да ничего! Потом сам узнаешь. Ты рапорт писал о вчерашнем?

– Да, писал.

– А где он?

– У начальника.

– Зарегистрировал?

– Нет еще.

– Ну вот, Петрович. Видишь! А чего ты не зарегистрировал? А указал, что опер в нетрезвом виде был на работе? А указал, что тебе машину не дали? Можешь не тужиться и не отвечать. Ничего этого ты не указал в своей бумажке. Видишь, сколько у нас писателей развелось? И ты туда же! В рапорте, небось, написал о том, что вскрыл массовое браконьерство и передал дело. А куда ты его передал? А покажи-ка мне копию своих протоколов. Что – нету? То-то же! А в шесть утра звонить по поручению начальника вместо секретарши – мы можем!

– Алексей Алексеевич! Я не понимаю, что случилось? Все документы у меня в порядке. Я целый день позавчера и вчера на ногах. А ты на меня кричишь, объясни-ка, где ты и в чем меня упрекаешь?

– Просто, Саша, я просил тебя не бегать на поводу у нач. РОВД, и меня бесит, что ты пропускаешь это между своих ушей.

– Не между, а мимо. Это во-первых, а во-вторых, это мое начальство, и у меня Устав, обязанности, форма. Ты что, не понимаешь или специально пытаешься с меня шкуру снять?

– Ладно, Петрович, пока замнем. Я знаю, что и как вы выездили. Но теперь тебе надо самостоятельно, без ведома твоего начальства ехать в Зубровку. Бери тех мужиков, что мне звонили, пройди всю дорогу, каждый куст, возьми своих лаек: найдите старые кости, шкуры, головы, потроха, лыжи, короче все, что по обе стороны дороги хоть как-то связано с добычей лосей, кабанов, оленей, косуль. Даже если уже истлело, шерсть какая-то, фрагменты. Понял? Все нанеси на схему. Возьми с собой Пыркова и кого хочешь еще, чтобы сразу по обе стороны дороги, хотя бы только на границе заказника. Это около пятнадцати километров.

– Двадцать, Алексеевич.

– Ну, пусть двадцать. Саша, нам нужны все любые, пусть даже косвенные, улики отстрела дичи с локомотивов, с паровозов, с дрезин, черт бы их побрал. Опроси путейщиков, работников дорожной лесополосы, местных жителей. Два дня я тебя не вижу на работе, Петрович.

Двое суток – ты на дальних границах хозяйства, я тебе командировку оформлю и вызов оттуда о якобы браконьерстве сделаю. За эти два дня ты должен всю железную дорогу, как партизан, на пузе проползти. Петрович, ты понял?

– Ну конечно. Не в первый раз. Давай журнал, делаем вызов с Горячевки, это уже почти заграница. Я заеду за Мишей, и мы поехали. Вечером буду звонить, ночевать будем в Зубровке, у Станкевича. Если что – найдете.

– Хорошо, Петрович. Надеюсь на твой нюх, знаю, что не подведешь, а за мои слова злобы не держи. Ты знаешь, находит иногда.

– Ладно, Леша, в пятницу, а, может, и раньше увидимся...

Болохин ушел, захватив из сейфа пару раций и зарядное для них. Алексей, покулив, набрал номер на телефоне:

– Вокзал? Как связаться с вашим милицейским начальством? Пусть позвонят на работу охотоведу. Спасибо.

С документами просидел до темноты. Уборщица уже два раза заглядывала, но выгнать хозяина из кабинета не решилась. Воспользовавшись сидением в кабинете, заполнил формуляры токов тетеревиных по каждому егерскому обходу, наметил планы полевых работ по хозяйству, обзвонил знакомых председателей колхозов с просьбой оказать помощь техникой и семенами для посевной; связался с рыбинспекцией: договорились согласовывать свои действия на Днепре и по мелким рекам во время патрулирования. Долго разговаривал с домом. Жена рассказывала о детях: растут, не слушаются, дерутся меж собой, компьютер просят. Компьютер пообещал к летним каникулам, если хорошо школу закончат и будут маму слушать. Очень расстроился голосу младшего сына, который на прощание таким уж жалобным голосом попросил: «Папа, ну приезжай, пожалуйста, поскорей». Что-то комком перехватило в горле. Нужно обязательно срочно вырваться, хоть на пару дней, тем более, что потом уже совсем времени не будет. Представил своего меньшенького. Беленькая головка, веснушки, тихий голос, ясные доверчивые глаза. А первый – в маму весь. Шустрый, резкий, огонь. Вздохнул и уткнулся в бумаги. С железной дороги так и не позвонили. И сам решил тоже пока туда больше не звонить, посмотреть, как они зашевелятся через два дня. Уже после третьего заглядывания уборщицы, сложил в стол документы, зацепил кобуру под мышку, закрыл сейфы и вышел из конторы. Сегодня домой решил идти пешком. Грязные улицы плохо освещены редкими фонарями, редкие машины норовят обрызгать грязью из проявившихся выбоин. До дома дошел за полчаса, по дороге решил заглянуть в магазин, что-нибудь взять на ужин. Девчата-продавцы приветливо улыбнулись. Купил две пачкипельменей, бутылку пива, сметаны и в предвкушении теплого и уютного вечера, повернул к своему дому...

Сколько человек стояло за углом, он отметить не успел. Первый удар по голове чем-то тяжелым... искры из глаз. Почувствовав, что упал, и его бьют ногами, прижал локти к ребрам, защищая и ребра и зажатый под мышкой пистолет. Очнулся оттого, что кто-то настойчиво совал вату с нашатырем в нос. В мозгах и так звенело, а тут еще этот нестерпимый резкий запах. Люди! Над ним склонились лица, среди которых различил женские. Значит, бандюки уже разбежались. Переулок осветила фарами машина, замигала разноцветными фонарями мигалки. Сознание опять отключилось.

* * *

В больнице пролежал две недели. Разбитая голова уже почти не болела, синяки позеленели-пожелтели. Переломов нет. Два раза приезжали опера из РОВД; и вообще, посетители приходили каждый день. Алексею очень приятно, что в абсолютно чужом городе нашлось столько жалеющих его, сочувствующих и просто приходящих по-дружески. Палата пировала: овощи, фрукты, сладости Алексей щедро раздавал соседям по больничной палате и сест-

ричкам. Уже на третий день в больницу явились Болохин и Пырков. Они собрали материал по полутора десяткам фактов обнаружения мест гибели диких животных вдоль железной дороги. Повезло Болохину, как и предполагал Алексей – в двух местах добычи лосей нашли пули от карабина «СКС» в полуразложившихся черепаках. Пули и материалы по этой работе Болохин тайно, как и просил Алексей, переправил в Государственную инспекцию, копии отдал в прокуратуру. Алексашкин и Мараков сидят дома под подпиской о невыезде, их имущество переписано. Комитетом Госконтроля проводится проверка работы районной инспекции по охране природы, совместно с прокуратурой на транспорте трясут железнодорожников, общепит, райпотребсоюз.

Кто избил Алексея – это неизвестно, и вряд ли милиция найдет, но известно, что в магазин заходили крепкие парни, незадолго до прихода Алексея, а крутой джип, на котором они приехали, имел номер соседней области. Обо всем об этом Болохин рассказывал Алексею, приходя к нему в больницу через день.

Ближе к выписке стало известно об увольнении «из органов» зама начальника РОВД, помощника прокурора района. Обоих уволили с формулировкой «за преступную халатность», вроде бы даже возбудили уголовные дела за халатность и злоупотребления.

Уже готовясь к выписке, получил от улыбающейся медсестры большой пакет. «Просили сказать, что внутри записка, – кокетливо улыбнулась сестричка и восхищенно добавила, – та-а-кая женщина. Сама за рулем на иномарке».

«А чего ж она не зашла», – недоуменно спросил Алексей, растерянно держа пакет в руке. Раскладывая на тумбочке бананы, апельсины, шоколадки и соки, нашел листок бумажки. Красивым почерком написано несколько строк: «Извини, Леша. Мы же договорились, что я здесь инкогнито. Я узнала, что ты выздоравливаешь, поэтому надеюсь на скорую встречу, которой буду очень, очень рада. Я тебе позвоню, выздоравливай! Я за тебя очень переживаю. Целую. Оля».

От растерянности аж присел на кровать. Он уже и забыл, что разговаривал с ней именно в тот день. А она приехала. Вот черт. Интересно, сколько она здесь пробыла и почему не зашла? И все же, как приятно, что она нашла возможным написать ему, нашла возможным приехать, и как жаль, что встретиться так и не удалось.

В пятницу, в день выписки у больницы собрались все егеря. Алексей, обритый наголо, бледный, с перевязанной головой, улыбался во весь рот в окно своего второго больничного этажа. Двое сыновей и жена, держащая их за руки, скромно стоят у входа в больницу. Алексей просил всех не сообщать им ничего и сейчас был удивлен их приезду, тем более сюда, в больницу, а представив, какой кавардак дома – вообще ужаснулся. И пустая бутылка из-под водки в мусорном ведре, и курочка Ряба там бедная одна, и холод, и сырость. Ну ладно, решил, не в первый раз жена приезжает к нему без звонка, «знянацку»: выговор обеспечен, так или иначе. Детей не видел месяца два, а, кажется, здорово подросли. Жена серьезная, вроде заплаканная...

К большой радости детей, попросил ключи у водителя. Антонович, улыбаясь, передал ключи, открыл дверцы: заднее сиденье машины оказалось заваленным пакетами и пакетиками – подарками от души всяких деревенских вкусностей: деревенские колбасы, мед, окорок, варенье, сушеные грибы, яблоки, компоты. Алексей ахнул, увидел такое количество «разнослов». Достал из одной сумки за торчащий хвост сушеную щуку:

– Ну, мужики! Вы что это? Куда мне столько всего? Я что: дите или совсем уже калека?

– Алексеевич! – Антонович хитро улыбается в усы, – тебе нужно поправляться и поскорей. На одних макаронах далеко и долго не потянешь... Да вот и семья твоя собралась, а холодильник у тебя наверняка пустой. Разве что курочка Ряба яиц нанесла. А так будет с чем яичницу пожарить!..

Все наперебой стали чисто по-дружески желать Алексею быстреего выздоровления, но потихоньку прощаться. Не ускользнуло от него и то, что один пакет они в машину не поставили. Его бережно держал Миша, и что-то в нем позвякивало.

– Одна звенеть не будет, а две звенят не так, – улыбаясь, заметил Алексей, показывая на пакет. Все дружно засмеялись, поняв друг друга. Таня тоже заулыбалась, укоризненно покачивая головой, а дети шустро оккупировали машину, споря, кому сидеть спереди, рядом с отцом.

Алексей и Таня поблагодарили всех присутствующих, Таня извинилась, что пока не могут пригласить в гости, но все дружно заявили, что у них «дел по горло».

– Именно, – подтвердил Алексей, щелкнув себя по горлу, – поехали, мать, смотреть мою берлогу. Сразу предупреждаю: не убрано, не топлено, но следов присутствия посторонних, гарантирую, нет...

Приехав домой, выгрузили пакеты; Алексей занялся растопкой котла, Таня же, как обычно, начала уборку.

– Таня, я с детьми давай-ка съезжу за сигаретами?

– Удираете? Ну ладно, все равно с вами только лишняя канитель. Но чтобы через час были дома!

Алексей с ребятами уехали за город на речку. Весна вступила в свои права по полной программе. Река вышла из берегов, залив пойму. Кое-где по течению бесшумно скользили почерневшие рыхлые льдины. Вербы покрылись белыми и желтыми пушистыми «котиками». Вдоль кустов плавают утки, по берегу снуют кулички.

Наломав котиков для мамы, вернулись домой ровно через час. В отопленном и прибранном доме уютно пахло вкусным обедом, в ванной тихо работает стиральная машина, на веревках во дворе висят несколько простынь, шторы. Татьяна грабельками приводит в порядок цветники перед домом и вдоль дорожки, переодевшись в спортивный костюм. Искренне обрадовалась «котикам», приказав умыться и готовиться к обеду.

– Леша! Там в пакетах столько разного! Ты бы подоставал все, надо как-то все переложить.

– Ну вот раз уж ты хозяйка сама здесь, давай попозже и займемся. Дети просят в кино, в город после обеда, а мы тут и займемся нужным делом. Как ты?

– Я только «за»! За «нужное дело» – она засмеялась и потянула его к себе. – Я так соскучилась. Мне такие сны плохие снятся, а ты даже не дал знать, что в больнице. Я звоню-звоню... Потом позвонила в приемную, а там говорят, что ты уже две недели в больнице. Ну вот, я детей в охапку – и к тебе. Думала, ты у меня совсем уже помираешь. А ты, я смотрю, молодец!

– Ну так для кого я стараюсь?

– Ну и для кого, интересно?

– Для тебя, конечно. Жду, жду. А ты все не едешь. Вот я и решил тебя заманить.

– Эх ты, заманилка! Вот убьют когда-нибудь. Будешь знать, как одному жить.

– Мать. Это не я один живу, а вы без меня. Ладно, пошли, там вкусненько пахнет. А вечером поедем в лес, если хотите. Возьмем сало, хлеб. Костерок разведем, сок березовый подставим. Поехали?..

Она обняла его, ласково потерлась щекой о его щеку и прошептала:

– Я так испугалась, что до сих пор не могу опомниться. Конечно, поехали, и дети будут рады. Только после обеда ты с ними сходи в город, а я тут хоть немного пыль поубираю, все твои охотничьи одежды стираю, а то они уже скоро всех диких зверей распугают, не только людей.

– Хорошо, договорились. Я на машине поеду, чтоб своей лысой битой головой больше никого не пугать.

Но после сытного обеда только прилег на диван – сразу уснул, а когда проснулся, на дворе уже были сумерки. Внизу слышался смех детей, музыка. Так хорошо, так спокойно, так уверенно и уютно стало на душе. Только сейчас заметил, что лежит под пледом, рядом на кресле его спортивный костюм, который он уже, наверное, полгода не одевал.

– Ну что? Отдохнул? Давай сегодня уже никуда не поедем? Я все перестирала, высушила и сложила. Что-то устала. Дети играют с соседскими детьми. Осталось только твои сумки переложить, я кое-что сложила в холодильник, в шкафы, остальное завтра сам посмотришь, что куда, – она присела на диван, обняла его за шею, припала губами к его губам:

– Ты меня любишь, Леша? Скажи честно.

– Я тебе сегодня об этом буду всю ночь говорить. Можно?

– Только сегодня?

– И не только сегодня. Всю жизнь – можно?

– Нужно, мой хороший, ты так редко мне это говоришь, мы так редко видимся, я так за тебя переживаю. А еще больше – ревную. Ты не изменяешь мне? Скажи честно, честно!

– Ну что ты, глупенькая. Конечно же, нет.

– А ты скажи, чтоб я поверила.

– А я так не умею, но ты же знаешь, что у меня кроме вас никого нет роднее. Ты же знаешь, веришь?

– Верю, но все равно чего-то боюсь.

– Не надо бояться, ничего не надо бояться, я знаю, что скоро-скоро мы все время будем вместе!

– Как я этого хочу. Столько лет мы как бы и вместе, и все порознь. Леша! Почему так? Я уже столько слез пролила, а толку? – голос ее задрожал, по щеке покатились слезинки.

Алексей поцеловал ее в эту слезинку, поцеловал ее глаза, стал целовать губы, шею.

– А папа с мамой закрылись в комнате и свет не включают. Спят разве? – сообщил младший Игорешка старшему брату, по каким-то своим делам пытавшийся проникнуть к родителям...

На подоконнике в кухне большой букет «котиков», поставленный в обыкновенную стеклянную банку с водой, с улицы казался большим, сказочной красоты золотым фейерверком. Вернувшиеся с улицы в темноте, дети застали родителей улыбающимися, накрывающими стол к ужину изысканными продуктами деревенской кухни в сочетании с заморскими фруктами и толстыми горячими блинами, подаваемыми Таней на стол прямо со сковороды. Дети, быстро насытившись и пользуясь тем, что в доме две ванных комнаты, живо отправились купаться. Алексей и Таня долго сидели за столом, смотрели друг на друга, улыбались, говорили, поругивались. Около полуночи вышли на улицу. Теплая весенняя непроглядная ночь окутала город и поселок. Тишина, ощутимая тишина, опустилась на мир, а они стояли, обнявшись, целовались и шептали нежные слова...

Как ни старался Алексей, засыпая под утро, проснуться первым, чтобы сотворить что-то типа кофе для любимой в постель, но проснулся он от прыгающего по нему Игорешки. Тани рядом не было, ее халатик лежит на кресле. Поигравшись с сыном и пообещав поездку в лес за березовиком и жареным на костре салом, быстро встал, ополоснулся и спустился на кухню. Таню застал на грядках с цветами: в невесть откуда взявшихся резиновых перчатках и в его старых кроссовках. Завидев его и Игоря, она весело улыбнулась:

– Проснулись, сони! А я, как жаворонок, с утра уже тут все твое хозяйство в порядок привожу. Курицу покормила, попоила, цветочки подрыхлила, подбила, завтрак вам собрала. Давайте минуток через пятнадцать собирайтесь к столу.

Позавтракав, решили в лес ехать ближе к вечеру, а день провести в «ничего неделании». Дети сразу запросили денег на кино, мороженое, игровые автоматы и на все это по два раза. Алексей быстро отдал им причитающуюся сумму, причем и не на два, а на три, а то и на четыре

раза. Они, пока мамка не спохватилась, быстро накинув куртки, умчались, пообещав вернуться сразу после обеда, потому что и время уже было близко к обеду, а Алексей с Татьяной заговорщически переглянувшись и, не убирая со стола, поднялись наверх. Казалось, что время остановилось, и весна, так быстро и неотвратимо сменившая холодную зиму, поселилась в их душах...

Затопали быстрые шаги на улице, захлопали двери. Дом наполнился детскими голосами. Счастливая Татьяна быстро вскочила, накинула халат и бросилась из комнаты:

– Одевайся. Быстро-быстро, Лешка! Ну!

Алексей, потянувшись, стал одеваться, догнал на ходу спускающуюся жену.

– Дети! Как дела?

– Отлично, папа! Мы в лес поедem?

– Конечно, дети, сейчас будем собираться.

– Пап, а там в машине еще один пакет. Там, кажется, какие-то пакеты с соком. Можно взять?

– Конечно, берите. И тут же в холодильнике еще стоят.

Игорь принес из машины пакет, достал и положил на стол пакет сока. Белый листок из блокнота, отклеившись от пакета, упал на пол, и никто этого не заметил и не обратил внимания.

До позднего вечера пробыли в лесу. Развели костер, собирали цветы, уже в сумерках полюбовались тягой вальдшнепа и стремительными, с потрескиванием, брачными полетами чирков.

Возвратились домой уже в темноте. Пока Алексей ставил машину, Таня с детьми вошли в дом. Она же и подняла с пола валяющийся листок, пробежала глазами и присела на стул, закусив губу. В дрожащей руке сжала записку, заканчивающуюся словами «... очень переживаю. Целую. Оля».

Алексей поставил машину, захватил охапку березовых дров и сразу стал растапливать котел отопления. Дети, быстро умывшись, отправились спать, и вскоре в доме наступила тишина. Он поднялся наверх, открыл двери спальни – Таня спала. Подошел к кровати – удивительно, но она, закутавшись в одеяло, не шелухнулась, даже не слышно дыхания. Поцеловав ее в щеку, принял ванну и, стараясь ее не тревожить, улегся рядом и быстро уснул, не слыша, как она поднялась, накинув халат, спустилась на кухню, села за стол, закурила, уставившись мокрыми от слез глазами на букет «котиков» на подоконнике. Так и просидела на кухне почти до рассвета. Лишь, когда увидела, что на улице стало сереть, сделала себе крепкого кофе, достала косметичку из сумочки, висящей на спинке стула, и отправилась в ванную.

Когда Алексей проснулся, Таня уже собралась в дорогу.

– Привет, Таня. А я так спал, что даже и не слышал, как ты встала. А ты что, в город собралась? Давай-ка я тебя свожу. Сейчас только машину прогрею, – потянулся поцеловать ее в губы, но она увернулась, и он неловко чмокнул ее в щеку. – Ты плохо спала? Вот, блин, извини, что-то сморило меня! Сейчас, сейчас кофею, и поедem.

– Леша! Мы сейчас поедem на вокзал. Не надо греть машину.

– Не понял. Что случилось?

– Ничего. Нам домой надо. Вот провели тебя. Слава богу, жив-здоров. Еще как здоров! – она закурила. – А нам надо ехать. Завтра на работу, детям в школу. Да и тебе надо сил набираться. Мало ли что!

– Мать! Я что-то не понимаю. Ты чего?

– Леша! Ни-че-го! Дети! – крикнула вверх по лестнице, – быстренько завтракать и поехали домой!

– Таня, – Алексей взял ее за локти, повернул к себе, – что случилось?

Она упрямо не смотрела на него, уставившись на цветы. Потом, освободившись от него, стала расставлять на столе тарелки и чашки.

Позавтракали молча. Удивленные дети молчали. Алексей же, пытавшийся сначала как-то шутить, устался в свою тарелку и молча ковырял в ней вилкой. Таня вообще есть не стала, глотнула кофе и поднялась собирать детские вещи.

– Ну, вот и погостили. Спасибо, Леша, все было хорошо и красиво, – она подошла к нему и поцеловала в щеку, – а цветы я заберу с собой. На память. Ладно? Можно? Это ж вы мне их рвали, собирали, нарезали? Ну, я их дома поставлю в вазу, буду о тебе, милый, вспоминать.

Слово «милый» она сказала с ударением, даже с некоторым сарказмом. Алексей недоуменно пожал плечами, вышел, завел машину и выгнал ее за ворота на улицу.

Вернувшись в дом, застал семью уже одетой.

– Таня, подожди. Дай-ка я хоть все эти продукты вам положу. Куда мне столько?

– Лешечка. Мы ничего брать не будем. Тебе надо поправляться. За тебя пе-ре-жи-ва-ют!

– Что ты несешь? Таня! Какая тебя муха укусила?

– Все, дети. Подъем. Поехали. Папка нас до автовокзала подбросит. Выходите, я тарелки помою.

Алексей с детьми пошел на улицу, захватил сумку с одеждой, незаметно всунув в нее банку с медом. Ненадолго задержавшись, следом вышла Таня, замкнула дом своим ключом, немного подумав, сунула ключ Алексею в руки:

– Держи. Мы теперь нескоро приедем. Если приедем.

Алексей молча взял ключ, положил машинально в карман, сел за руль.

Пока Таня стояла в очереди за билетами, он купил всем мороженое, а детям тайком сунул по несколько купюр денег. Те, довольные, быстро припрятали их в своих карманах. Достав из кошелька пачку денег, сжал в руке, глядя на подходящую жену:

– Возьми, пожалуйста. Не так уж много, но хоть что-то.

Она молча взяла деньги, положила их в свою сумочку. Подали автобус. Дети по очереди попрощались с отцом и быстро забрались в автобус. Таня и Алексей стояли молча, глядя друг другу в глаза.

– Ну, пора. Дай я тебя поцелую, Леша, – она придвинулась, поцеловала его в губы, – там, Леша, на столе у тебя дома ответ на все твои вопросы. Реши, Леша, как ты живешь, с кем живешь, для чего живешь и для кого. Не делай такие глаза, я это нашла на полу вчера вечером. Ну вот и все.

Она быстро вошла в автобус, зашипели двери, и замелькали в окошке ладошки детей на прощание. Проводив автобус до окраины города, вернулся домой.

Поставив машину, вошел в дом. На кухонном столе лежит букет «котиков» и записка. Развернул... и ахнул:

«Черт побери. Вот идиот! Бедная Таня! Что ж ты не сказала?»

Первым желанием было вскочить за руль, догнать автобус, остановить, все объяснить, вернуть. Ощущение боли, ощущение горечи, ощущение еще одной потери. Ощущение обиды. В воздухе еще витает запах ее духов, на столике стопкой посуда, еще влажная. Это она ее мыла. Чистота, свежие шторы, нет привычной пыли. Как хорошо было эти два дня! Он думал сегодня с ней поговорить о ее переезде назад, обратно, сюда. Он думал сегодня изменить их жизнь. Он думал сегодня о многом-многом с ней оговорить. А что теперь? Теперь – опять пустота, опять одиночество, опять работа, работа и работа. А, собственно, в чем он виноват?

Закурил. Нестерпимое желание догнать автобус усиливалось, но он знал уже, что не поедет, он понял, что и не позвонит первым. Весь день он маялся в одиночестве, к вечеру сходил в магазин за водкой. Несколько раз порывался позвонить. Но чем больше пил, тем больше одолевала обида на Таню за то, что ничего не сказала, ничего не спросила, ничего не прояснила. Ни для себя, ни для него. Бедные дети. Они уезжали так неохотно, в таком недо-

умении, в таком разочаровании. Игорек на прощание поцеловал в колючую щеку и тихо спросил: «Когда, папа, приедешь? А, может, насовсем нас заберешь к себе?»

А ее глаза, полные слез, на вокзале? Ведь, несмотря на слезы, она смотрела любя. С сожалением, с горечью, но любя. И поцеловала прямо в губы. Эх, Таня, Таня. Что ты делаешь? Как ты бережешь свою гордость, независимость, свою честь, свое собственное «я». Эх, Таня. А что теперь? А теперь все. Пусть уехала, пусть. А у меня есть работа. У меня есть она и всегда была, и никогда меня не кинут ни мой лес, ни мое зверье.

Вконец напившись, уснул на диване у включенного телевизора, но проснулся ровно в пять. Голова болит, тело ноет, а в душе пустота. «Надо срочно на работу!» – подумал, поглядел на себя в зеркало и отправился в ванную. Долго принимал душ, меняя воду с горячей на ледяную.

В семь утра Алексей Алексеевич раскладывал бумаги на рабочем столе в своем прокуренном кабинете...

* * *

Одиннадцать полосатеньких, рыженьких, с черными пятачками и черными глазками, прикрываемыми рыжими же ресницами поросенок, мирно посапывали и вздрагивали во сне, прижавшись к теплему, пахнущему болотом и молоком животу матери. Насытившись молоком, располневшими боками они согревали друг дружку. Мягкая подстилка из веток елей, мха и сухой травы сооруженного матерью гнезда не пропускала холодную сырость земли весеннего, еще не прогретого солнышком, леса. Мать, прикрыв глаза, чутко прислушивалась к шорохам леса, изредка втягивая ноздрями воздух. Тихое, спокойное ранее утро пробуждающегося леса...

Дневные птицы: дрозды, щеглы, зяблики, синицы наперебой возвещали о том, что наступает рассвет, о том, что они самые красивые, самые звонкие, самые любящие и любимые, о том, что вот эта территория, откуда доносится их песня, занята. Это их мирок, их жизнь.

Ночные звери и птицы возвращаются к месту своих лежек, дневок, в свои гнезда, норы, дупла. Их ночная охота закончилась и, усталые, и, как повезло: насытившиеся или голодные, они бесшумно, тенью скользят меж деревьев, меж ветвей, в траве и по кустам.

Прошмыгнула лисица, таща в зубах свою ночную добычу, тетерева, к своей норе, где ее ждут не дождутся голодные, испуганные одиночеством, прозябшие лисята, совсем недавно прозревшие и постоянно требующие еды. Лисица воспитывает четверых лисят одна: отца лисят застрелили охотники уже в начала весны, когда они вдвоем, уставшие от ночных любовных утех, грелись на взгорке под теплым мартовским солнцем. Подкрадывающегося в белом маскахалате из-под ветра охотника заметили они очень поздно. Первым вскочивший лис попал под заряд картечи. Высоко подпрыгнул и завертелся на месте, кусая себя за раненый бок. Лиса, метнувшаяся вниз с бугорка, услышала за спиной второй выстрел, но, не оглядываясь, стелась по рыхлому снегу, умчалась в спасительный лес. Ее лис к ней больше не вернулся. И, оставшись одна, она натаскала сухой травы в старую нору, где и вывела своих четырех слепых, беспомощных лисят.

Сейчас, когда детки прозрели, и ее молока уже не хватало им, она каждую ночь уходила на охоту. Ловила мышей, птенцов, зайчат, носила прикорм к норе и, уставшая, весь день спала на песочке у норы, беспрерывно терзаемая своими шустрými чадами.

Каждый раз, возвращаясь к норе, она останавливалась у лежки-логова дикой свиноматки. Поросята, такие аппетитные, такие упитанные, – желанная добыча для лисы; однако их мать очень чутко их охраняет, внимательно следит маленькими глазками за лисицей, а иногда рычит, страшно клацая зубами. Линяющая, облезлая, худая лисица в ответ огрызалась тьявканьем и скрывалась в порослях густого папоротника.

Живущая недалеко в осиновом дупле семья куниц не досаждала свиноматке. Она часто видела их, возвращающихся утром к своей осине: то с мышкой в зубах, то с птицей. Занятые свои делом, они, как и лисица, угрозы ее пороссятам не представляли. Частенько в поле ее зренья появлялись «беспризорные» ее сородичи. Свинья близко не подпускала к своему гнезду «родственников». Вскакивала и громко «чухая» и щелкая мощными зубами, прогоняла непрощенных пришлых диких кабанов...

Своих поросят она уже водила по лесу. Они с удовольствием рыли пяточками мох, доставая оттуда жуков, червяков, поедая вкусные молодые корешки. Она специально своим рылом разрывала муравейники или трухлявые пни: насекомые и их личинки тоже были лакомством для поросят. Быстро перебирая по мху своими копытками, они неотрывно следовали за матерью и при любой угрозе, о которой узнавали по громкому хрюканью или уханью матери, бросались ей под ноги или затаивались в густой траве.

Однажды к гнезду подошла волчица. Дикая свинья увидела ее бесшумный серый силуэт и сразу почувствовала резкий волчий запах. Она вскочила, резко ухнув, и сразу бросилась к волчице. Та ловко увернулась от зубов свиньи и от удара ее мощного рыла и кругами пыталась приблизиться к залегшим и притихшим пороссятам. Неизвестно, чем закончилось бы это кружение, если бы вовремя не появился секач. Громко урча и ломая кусты, он бросился на волчицу, низко согнув клыкастую голову, подняв на загривке всклокоченную щетину. Волчица, попробовав оскалить клыки на бросившегося секача, чуть не попала под удар неожиданно для нее резвого броска кабана. Валежина, через которую ловко прыгнула волчица, не позволила разъяренному секачу подцепить ее клыками. Мелкой трусцой, оглядываясь, словно дразня кабанов, волчица скрылась, а секач еще долго пыхтел, хрюкал, ворочая белками маленьких свирепых глаз. Успокоившись, он не стал подходить к выводку. Знал, что свинья не подпустит и его к пороссятам, которых, впрочем, он и не очень-то жаловал. Потершись боком о смолистый бок ели, секач, треща сучьями, удалился на свою лежку, расположенную не очень далеко от гнезда его семьи. Свиноматка, вернувшись к перепуганным пороссятам, еще долго слышала треск поломанных им сучьев, а его запах до темноты витал в воздухе окрест их гнезда. Больше волчица не приходила, но свинья не раз слышала тревожный и, как ей казалось, злобный и голодный вой волков на болоте с вечера и перед рассветом...

Каждый вечер она уводила поросят все дальше и дальше от места их лежки, но к утру они возвращались своей тропой «домой», в ельник у болота. Весна полностью вступила в свои права. Уже оттоковали глухари и тетерева, деревья покрылись листвой, дни стали дольше, а ночи наоборот – короче. Буйная растительность покрыла землю и в лесу, и на просеках, и на полях. Обходя осторожно опушками сельскохозяйственные поля, свинья учила поросят доставать из земли вкусные разбухшие семена гороха, пшеницы, кукурузы. Попутно удавалось добывать жуков, червей, коренья. В один из таких походов вышли на взошедшее поле картофеля. Сама проросшая картошка и ее ботва свиней не интересовали. Разрывая борозды мощным рылом, идущая впереди матка вырывала на поверхность проросшие клубни, а вот эти отростки, сладкие и сочные, пороссята с огромным удовольствием сгрызали, скусывали, наедаясь на весь предстоящий день. В эту же ночь на картофельном поле встретились несколько табунов диких кабанов. Ссоры и драки не произошло, хотя матки ревниво отгоняли от своих подросших чад приближающихся сородичей, боясь, что те могут из жадности укусить или даже разорвать малого поросенка. К утру кабаны разошлись своими тропами на места дневок, по пути заходя на только им знакомые водоемы запить сытный ночной ужин.

Приехавший утром на поле агроном схватился за голову: все поле было взрыто, потоптано дикими кабанами. Еще пару таких набегов – урожая не видать как своих ушей. Впрочем, как и премии. Что делать? Первая мысль, озвученная шофером, созвать несколько охотников и сеть в засаду. И свежина обеспечена, и урожай сохранен будет. Но, подумав, вспомнив историю о браконьерстве, прогремевшую на всю страну благодаря публикациям в центральных

газетах, решили, что в отличие от Алексашкина, заплатившего несколько миллионов рублей штрафа и получившего вместе с друзьями разные сроки, хоть и условно, им, работягам, платить нечем. Да и в суде таких адвокатов, как у Алексашкина, им не найти; точнее, денег таких не найти. Поэтому агроном сразу отправился к председателю и вместе с ним в райисполком: жаловаться на диких кабанов.

* * *

Алексей полностью ушел в работу. Выйдя из больницы, сразу попал в жесточайшую «мясорубку» по делу о массовом браконьерстве Алексашкина. «Прессовали» отовсюду: гаишники не давали по городу проехать без проверки; налоговая, финансовая, экологическая проверки прошли одна за одной. И хотя приказом по областному управлению был награжден грамотой и денежной премией в размере двух окладов, на ближайшей коллегии получил строгий выговор «за упущение в работе по борьбе с браконьерством». Одновременно необходимо было заниматься основной работой: провести посевную, не имея ни техники, ни хороших семян. Провел межрайонную выставку охотничьих собак. Успешно провели весеннюю охоту, даже умудрившись принять тур с участием иностранных (немцев) охотников. Добыли глухаря, заработав у. е. Егеря уже начали заниматься ремонтом имеющихся в обходах биотехнических сооружений. Да и этой самой борьбой с браконьерством не переставали заниматься: с водоемов «забрали» две электроудочки, кучу сетей. Приближалось лето, и с середины мая планировали открыть охоту на диких кабанов в местах потрав ими сельхозкультур. Для этого подремонтировали имеющиеся вышки, изготовили с десятков новых переносных вышек для их установки на путях диких животных. Алексей провел в кинотеатре собрание охотников. Это уже стало традиционным: перед началом охоты собираться, обсудить, принять во внимание, поорать, стуча себе кулаками в грудь. Охотники с удовольствием приняли инициативу Алексея собираться сообща для решения насущных и злободневных проблем. После окончания собрания, они, собравшись кучками, группками, продолжали «совещаться». Только уже где-нибудь в баре, «на природе», а то и просто в парке, где был расположен кинотеатр. Алексей в этих «продолжениях» участия не принимал. Уезжал сразу же на своей служебной машине, отпустив шофера пообщаться с друзьями-охотниками со всего района.

После отъезда Тани они почти не общались. Алексей обиделся на ее поспешное бегство, она же, проплавав неделю, решила, что ни за что больше к нему не поедет. Все их общение сводилось к нескольким минутным разговорам по телефону в основном о детях. Алексей один раз предложил ей приехать, обсудить, помириться, на что она язвенно ответила, что читать любовные записки, адресованные ему всякими Олями, не входит в ее планы. На этом разговоры о примирении и закончились и больше не возобновлялись ни одной стороной. Таня предложила, что хочет подать на алименты, на что он равнодушно согласился. Отношения все больше заходили в тупик. Алексей старался боль и обиду заглушить работой, а иногда и водкой. Выпив, все больше склонялся к мысли завести себе подругу. Любовницу. Он видел, что и желающие побыть с ним в его доме и «на природе» имеются. Оле не мог позвонить, хотя с удовольствием прочитал в нескольких газетах ее репортаж о его «героической борьбе и непримиримости к злу и живодерству». Только однажды все же позвонил ей, но толком они и не поговорили, так как она оказалась на какой-то то ли пресс-конференции, то ли презентации. Хотя на прощание бросила, что не оставляет надежды на встречу с ним в его «таежной избушке» – так она называла охотничье-рыболовную базу его охотхозяйства. Хотя в этой избушке имелись и баня с бассейном, и уютная гостиница, и озеро с лодками у причала. В большей степени охотбаза использовалась как кемпинг или лесная гостиница. Люди приезжали отметить праздники, отдохнуть, уединиться или, наоборот, вырваться своим коллективом из города. Гостиница приносила основную прибыль охотхозяйства, являясь и остановочным пунктом для охотников,

в т.ч. и иностранных, привозящих с собой так необходимую валюту. Порядок на базе поддерживали специальные рабочие – горничные, а при необходимости Алексей привлекал егерей. Там же на базе в холодильнике всегда хранился запас мяса дичи и рыбы. Части туш косуль, диких кабанов, оленина, неошипанная дичь: рябчики, тетерева, утки. Все это мог купить любой клиент, посетитель или отдыхающий на базе, тут же приготовить. В погребе-подвале в бочонках хранились маринованные огурцы и помидоры, моченые яблоки, квашеная капуста, соленые грибы. Эти продукты, по желанию посетителей, выдавались им на пробу сначала бесплатно, в качестве презента от охотничьего хозяйства, а потом шли на расхват к купленному мясу в качестве оригинального дополнения к гарнирам.

Удочки, лодки, ракетки, пневматические винтовки – все это было в дополнение к прекрасно оборудованным номерам гостиницы, правда, за дополнительные деньги. Алексей гордился своим творением: из заброшенного охотничьего домика он за год, с помощью друзей и спонсоров, оборудовал прекрасную базу, пользующуюся популярностью не только в районе, но и в прилегающих соседних районах. Доступный подъезд, разумные цены, качество обслуживания делали базу еще более привлекательной и востребованной, нежели серые, полупустые дорогие профилактории, имеющиеся в округе...

Сегодня Алексей устроил плановую проверку на своей базе. Приглашены все егеря, все горничные, рабочие. С утра провели «субботник», и, хотя вся территория выглядела ухоженной и облагороженной, вывезли почти прицеп разного хлама: сучьев, палок, травы. Подрыхлили вдоль дорожек землю, поубирая в сторону нападавшие шишки. С обеда провели свое совещание, на котором Алексей обычно демократично выслушивал все проблемы, жалобы, новые предложения; зато не давал спуска, если находил серьезные упущения. В самый разгар совещания вошел дежурный и пригласил Алексея к телефону, установленному в холле гостиницы.

– Председатель райисполкома, – многозначительно поднял палец вверх.

Алексей подошел к телефону:

– Добрый день, слушаю Вас.

– Алексей Алексеевич! У вас в машине есть рация?

– Да, а что?

– Я вас разыскиваю вместе с диспетчером лесхоза и моим секретарем уже целый час. А вы загораете у себя на базе. Совсем не понимаю, что можно делать в рабочее время на этой базе!

– Ну, Вы знаете: кто на что учился!

– Так, Вы совсем уже стали, Алексей Алексеевич, зарываться. Вам не кажется, что Вы уже не признаете никакого начальства?

– Признаю, еще как признаю! Можете у них поинтересоваться.

– А я для тебя уже не начальство?

– Начальство! – миролюбиво сообщил Алексей, – и я Вас внимательно слушаю, хотя у меня сейчас идет совещание с моими работниками.

– Ну, ну ладно. В общем, у меня здесь с утра было руководство колхоза «Победа». Там ваши кабаны вскопали всю молодую картошку. Кто будет отвечать?

– Я думаю, что отвечать должно это начальство. Кто на что учился! Или я не прав?

– Слушай! Давай-ка завтра в девять утра ко мне. Мы разберемся здесь: кто на что учился, зверолов. А до утра свяжись с «Победой» и решайте по картошке, не то я с вас обоих шкуры спущу. Без лицензии. Ясно?

– Ясно, будет сделано!

– То-то же. До завтра. И не забудь с собой мыло прихватить, ученый!

– По-о-нял. До завтра, – он положил трубку и вернулся в бильярдную, где и проводил свою планерку.

– Так, мужики. Сегодня все едем на «Победу». Вышки переносные, бумаги – все иметь всем. Можете пригласить два-три охотника. Там кабаны съели всю бульбу, надо бы двух-трех сегодня отстрелять. Лицензии взять с собой Козловскому и Пыркову. И я своих пару возьму. Встречаемся на поле в 18:00. До этого времени поставьте штук шесть переносных вышек. Антонович, поехали в город, есть еще дело!..

До шести вечера пришлось поколесить и по району, и по городу. Заскочил домой уже в начале шестого, захватил охотничий карабин с оптикой, патроны, бинокль и ровно в шесть все собрались в условленном месте. С егерями приехали двое охотников, желающих поохотиться с вышки. Строгий инструктаж по технике безопасности под подпись в журнале, проверка оружия, документов, оформление путевок заняли полчаса, и вскоре охотники разошлись, ведомые егерями, к местам охоты. Ветер сегодня удачно дул с леса на поле, хотя на опушке закручивал. Вышки установили как на опушке, так и на самом поле – в кустах.

Алексей забрался на переносную вышку, по жребью доставшуюся ему на поле. Пришлось делать круг, чтобы зайти на вышку не от леса, откуда должны появиться кабаны, а с обратной, по ветру, стороны.

Картофельное поле действительно было изрядно «потрепано» кабанами. Местами целые борозды поднятой вверх клубнями и отростками ботвы указывали на ночной разбой копытных. Алексей знал, не раз уже проверено, что раз повадились кабаны, кострами, «электропастухами» и дежурством просто от них не избавиться. Численность диких животных, благодаря охране, учетам и подкормке, резко увеличилась. Они уже не так боятся людей, как раньше. Дачи, дороги, мобильные грибники и ягодники, да и просто любители отдохнуть в лесу, весь этот так называемый антропогенный фактор, приучили диких животных к соседству с человеком. А сельхозполя стали неотъемлемой, значительной частью кормовой базы диких кабанов, косуль, оленей и других более мелких животных. Вкусные, питательные, легкодоступные корма на полях, возделываемых человеком, привлекают к себе диких животных, и они, непуганные, «становятся на прокорм» у человека. Поэтому и человек, используя их большую численность и учитывая тот вред, который они приносят этой своей численностью, использует их для своей цели: удовлетворению морально-эстетических потребностей в добыче диких животных, то есть в охоте...

Комары на вышке почти не докучают. С высоты трех метров хорошо просматриваются окрестности в наступающих сумерках. Раздвинув кусты, чтобы не мешали обзору в сумерках и в темноте, Алексей удобней устроился на скамейке вышки, положил карабин на перекладину впереди себя, предварительно оглядев окрестности через оптику. Дослав патрон в патронник и поставив на предохранитель, светанул фарой, закрепленной под стволом карабина вниз, в куст. Все работает исправно, можно приступать к просмотру «документального фильма» о природе, как он для себя называет ожидание зверя в засаде...

Опустившееся за верхушки деревьев солнце придает небу над лесом золотисто-малиновый оттенок, переходящий в глубокую бездну. Здесь в кустах и среди поля скачут по веткам перекликающиеся дрозды, не замечая или не обращая внимания на неподвижно сидящего охотника. Из леса доносится затихающее щебетание щеглов, зябликов, тех же дроздов. До леса около двухсот метров; достал из-за пазухи бинокль, посмотрел на соседние «номера». Двое охотников расположились на вышках вдоль опушки леса по двум противоположным краям картофельного поля, подходящего к лесу. Трое, включая его самого, сидят на поле на вышках-«кустарниках» среди поля. Двое егерей остались в машине с включенной рацией, на всякий случай, и Антонович за рулем...

Завтра нужно ехать за «пряниками» в райисполком. Да ладно, не в первый раз... А за поля, действительно, нужно серьезно взяться. Пока не поспела рожь, пока не поднялась и не взялась початками кукуруза, пока не начался массовый сбор ягод и грибов, на восходящих сочных полях необходимо бы хотя бы половину лицензий на кабана «закрывать», чтоб по лесу

меньше гонять зверя по осени. С собаками, с загонами, с криком. План охоты выполнять надо однозначно. Иначе кабаны не только сельхозполя уничтожат – в лесу поднимут весь мох, всю подстилку, лакомясь грибами, ягодами, в поисках жуков, червей, корешков. И мало зверей – плохо, и много – тоже хорошего мало. Вот и приходится регулировать. На носу охота на косулю, затем на лосей, дальше на оленей. Не за горами – охота на уток. А кроме охоты работы непростор. Собрания, выставки, испытания собак, бухгалтерия, взносы, путевки, различные коллегии, семинары, планерки, совещания. Выезды в рейды и последующие за ними вечные разборки с браконьерами на работе, в судах. О личной жизни не приходится пока думать. Хотя пора бы. В отпуске не был уже четвертый год. Может, плюнуть на все, взять отпуск хотя бы года за два, махнуть куда-нибудь на юга. Вместе с семьей. С семьей? А есть ли семья? Жена есть. Дети есть. А семьи нет. Даже любовницы нет. «Хм, что-то частенько я в последнее время об этом думаю, пора ехать на самом деле к Тане», – усмехнулся про себя.

Вернулся к мыслям о доме. Ожидания, что Таня первой подаст руку, приедет или позовет, затянулись. Как только он по телефону начинал разговор о встрече, она переводила разговор на другую тему или вообще проталкивалась, явно давая ему знать, что встречи с ним она не хочет ни там, ни здесь. А в ушах стоят тихие, ласковые и грустные вопросы младшего Игоря: «Папа! Чего ты не приезжаешь? Когда ты приедешь? Ну, как ты там один?» Если старшему только по душе было отсутствие жесткой отцовской руки в воспитании, то Игорь явно скучал без отца. Алексей это видел, и сердце его сжималось от обиды. Он пообещал его забрать на каникулы. Таня не стала возражать, и Алексей считал дни до наступления лета, чтобы забрать детей или хотя бы одного из них к себе. Уже и программу продумал, серьезно подумывал купить компьютер, чтоб не так скучно было им здесь, у него дома в его отсутствие. Хотя знал, что Игорь с удовольствием целыми днями будет кататься с ним на машине, куда бы он ни поехал и где бы он не остался ночевать в пути, по делам. А там, смотришь, и мамка приедет сына проведать. Тут уж никуда он не денется, соскучится, да и повод будет.

Треск в лесу, повторившийся несколько раз, вернул его к охоте. Сумерки сгустились, птицы стихли, лишь где-то за полем на болоте бекас, неутомно токуя, продолжал пронизывать воздух своим «беканьем» и «тиканьем», да где-то в лесу горлинка несколько раз прогурчала. Треск вновь повторился: уже ближе к опушке. Алексей замер с биноклем, сердце учащенно забилось. Сколько лет, почти всю жизнь, он охотится, но ощущение ожидания выхода дикого зверя всегда поднимает адреналин, заставляя учащенно биться сердце не только где-то в груди, но, кажется, и в горле, в голове. Все мысли, кроме охоты, кроме охотничьей страсти, улечиваются, пропадают, как исчезают куда-то назойливые комары, неудобства сидения неподвижно, как исчезает ощущение реальной жизни, реального мира. Все внимание заостряется на шорохах, потрескиваниях, других звуках, вплоть до еле уловимого писка вдалеке что-то не поделивших мышей. Кажется, нет и не было проблем, нет цивилизации. Есть дикий зверь, приближение которого ощутимо по каким-то особым признакам. Зверь очень осторожен. У него есть слух, есть обоняние – нюх, есть острое зрение, есть сила, мощь; он осторожен и пуглив. И вот этот зверь на подходе. Руки, облепленные комарами, сжимают бинокль, глаза присматриваются к каждому кусту, каждой кочке, к любому движению в высокой траве на опушке.

Треск вновь повторился. Да, это точно идет табун диких кабанов! Одиночка идет абсолютно беззвучно, порой тише зайца. Вот с писком вспорхнула пара пичуг и понеслась вдоль поля. Резкий, с сопом, вдох мощных легких большого сильного зверя и... мертвая тишина. Алексей представляет, как по команде вожака стада, все кабаны замерли. Она, вожак в своем стаде, сейчас где-то на опушке. Она внимательно прислушивается и принимает к теплому ветерку, гуляющему вдоль опушки, вбирая в себя все запахи, и из их сотен старается уловить – нет ли опасности. Тишина затягивается, сумерки сгущаются, из-за гула комаров и шума бие-ния собственного сердца ничего не слышно в лесу.

Однако легонько треснувшая веточка под копытом какого-то неосторожного подсвинка свидетельствует о том, что стадо здесь, и оно уже готово высыпать на такое желанное картофельное поле под прикрытием сумерек и высокой травы.

Так оно и есть! В бинокль видно, что трава в разных местах резко зашевелилась верхушками. И вот наконец-то через мощную оптику удалось заметить и самих кабанов. Один за другим, они юрко пересекают пространство между лесом и полем и скрываются в ботве поля. Это поросята. Более крупные кабаны более осторожные, более пугливые. Они пойдут только тогда, когда убедятся, что с поросятами все в порядке, и никакая опасность не угрожает никому, в том числе и им. Алексей спрятал на левом боку бинокль и стал рассматривать кабанов сквозь оптику прицела карабина. Вышли дикие кабаны и у левого фланга поля. Это уже другое стадо. Всего насчитал более чем сорок голов. Это с учетом того, что мелких «полосатиков» не видно в бороздах из-за ботвы. Оба стада медленно продвигаются вглубь поля, приближаясь к вышке, на которой сидит Алексей. Он уже выбрал себе цель. Прошлогоднего выводка подсвинок почему-то сторонится стада: роет картошку на отшибе или собирает остатки из уже объединенных впереди идущими. Ожидая, когда кабаны приблизятся к другой вышке, на которой с ружьем сидит городской охотник, купивший разрешение на добычу, Алексей приготовился к своему выстрелу. «Своего» кабанчика держит в перекрестии прицела, затаив дыхание: снял с предохранителя карабин, палец на спусковом крючке. Ориентируясь по хрюканью, предполагает, что кабаны должны быть уже у второй вышки. Краем глаза замечает, как вспыхнул свет подствольного фонаря на соседней вышке, и через секунду прозвучал выстрел. Не включая своего фонаря, – оптика карабина позволяла и так хорошо прицелиться – плавно нажал на «спусковой крючок», непрерывно держа перекрестие прицела на передней лопатке застывшего на мгновение подсвинка. Отдача и отблеск пламени из ствола на мгновение уводят прицел от цели. Привычно возвратил прицел на место – пусто. Значит, попал точно. Лежит под ботвой. Прикинул расстояние – около ста пятидесяти шагов от своей вышки в направлении выделяющейся верхушки ели на опушке. Еще два выстрела прозвучало на левом фланге поля. Окинул поле взглядом через оптику – пусто. Все кабаны галопом умчались в лес и сейчас уже уходят все дальше и дальше вглубь леса, подальше от ставшего роковым для некоторых из них поля. В памяти запечатлилась свиноматка, мечущаяся по опушке, громким «чуханьем» собирающая с поля затаившихся, залегших в бороздах испуганных поросят.

Звенящая тишина опустилась на темное поле, лишь майские жуки за спиной, громко жужжа, атакуют нежные листочки одинокой березки, возвышающейся своей кроной над серыми стволами ольшаника.

Достав из бокового кармана рацию, включился в эфир:

– «Жасмины!» Кто слышит, ответьте по-возрастающей! Я первый!

– Второй на связи. Мы в машине!

– Третий на связи. У нас «поле»!

– Четвертый на связи. У нас тоже «поле»!

– Пятый на связи. Пусто.

– Понял всех. Я первый. «Второй», выезжайте на опушку. Заберите «третьего» и подъезжайте ближе ко мне. Я скажу по связи, где стать. Надо будет пройти в мою сторону от дороги метров сто с фонарем. Я буду с вышки корректировать. Как поняли?

– Поняли. Выезжаем.

– Четвертый. Вы на месте?

– Да! Мы будем ожидать с «полем» на дороге.

Вскоре Алексей увидел свет фар УАЗа. На краю поля у первой вышки свет потух, захлопали двери. Вскоре УАЗ опять беззвучно пополз вдоль поля «на подфарниках» в сторону вышки, на которой сидел Алексей. Разрядив карабин, он включил подствольный фонарь и «отмаяковал» свое местоположение. Затем, выключив свет и дождавшись, пока свет подфар-

ников сравняется с высокой верхушкой ели, выделяющейся на фоне ночного неба, обратился по рации:

– Стойте! Так! Сейчас метров сто идите ко мне, там будем искать. Если что, я буду корректировать.

Он дождался, пока свет фонариков приблизился к нему и к тому месту, где стоял перед выстрелом подсвинок, вновь обратился по станции:

– Здесь! Первый от меня фонарь, пройди шагов десять вперед!

Свет фонаря продвинулся вперед, «щупая» лучом землю, и остановился. Не включая станцию, Антонович прокричал: «Есть. Нашел!»

– Хорошо, Антонович! Я спускаюсь и иду к вам, – Алексей слез с вышки и, прихрамывая на затекшую ногу, закинув карабин за плечо, направился к свету собравшихся вместе фонарей. Пока дошел, егеря перерезали горло, обескровив тушу еще теплого подсвинка.

– Прошлогодок. Пуда на четыре потянет. Что надо! С полем Вас, Алексеич! Удачный выстрел. Поздравляем! – Антонович протянул руку, пожимая холодную ладонь охотоведа.

– Поздравляем, Лексеич! Печенку жарить будем? Начало сезона есть!

– А что в машине?

– Такой же. Кабанчик. Инженер с маслозавода, Иваныч, добыл. Он в машине. Ждет. Довольный. Сразу из рюкзака пузырь достал.

– Ну, хорошо. Потасили и мы своего, поедем дальше.

Они потасили подсвинка к стоящей у кромки поля машине.

Счастливый, довольный инженер в который раз подробно рассказал Алексею о своих впечатлениях: и о комарах, и о зайце, и о луне, и о главном – о кабанах. Возбужденно размахивая руками, он делился впечатлениями, периодически похлопывая лежащего у машины дикого кабана. Несколько раз снимал шапку и проверял наличие веточки, еловой лапки, которую ему прикрепил как удачному стрелку охотовед, поздравляя с метким выстрелом и пожимая руку.

На месте в машине заполнили бланки разрешений на добычу и двинулись за остальными егерями и охотником, которые уже второй раз вызывали их по рации. Поздравив добытчика с трофеем и ему к кепке прикрепив веточку, заполнив третье разрешение, отправились к ближайшему леснику свежевать туши.

Пока егеря снимали шкуры, еще не ложившаяся спать хозяйка поджарила печенки, в сковородку заложила ребрышки, грудинку, сердце. Хозяин, тоже охотник, обрадованный визитом инженера лесхоза, поставил на стол закуски из погреба: капусту, огурцы, грибы. Картошка в кастрюле, оставшаяся с ужина хозяев, тоже пошла на стол. В замешательстве лесник отозвал Антоновича в сторону. Тот, пошептавшись с ним, заулыбался во весь рот, подошел к Алексею:

– Алексеевич. Вот печенка уже поджарена, стол почти накрыт. А чего-то не хватает! А кто проставляться должен? И за открытие охоты, и за удачный выстрел?

– Ты это на что намекаешь? А где я тебе ночью что возьму?

– Так вот, Гришка готов выставить, да боится начальство, т.е. тебя, Алексеевич.

– А я, что – милиционер? Если есть сивуха, пусть ставит. Я не буду, у меня утром совещание. Так что, тебе, Антонович, можно сказать, повезло. Давай, если хочешь, я машину поведу сам и развезу вас по домам. Пейте, правда ж праздник!

– О, Лексеич. Спасибо. Я с удовольствием под свежину выпью. А завтра пока вы на совещании, я мясо на рынок свожу в лабораторию. Так?

– Так, так! Договорились. Бумаги я оставлю в планшете. Разберешься. Не впервой. Ну, пошли за стол.

За столом охотники просидели почти до двух ночи, наткнувшись на «неиссякаемый источник» хлебосольного хозяина, которому, кстати, счастливые «проштрафившиеся» стрелки отрезали солидные части разделанной туши.

Закончив ночную трапезу, устало расселись в машине. Алексей развез всех по домам, машину оставил себе: оружие, документы, туши. Так что спать лег около четырех утра, в шесть уже принимал душ, брился, одевался в парадную форму. По пути в райисполком заехал в лесхоз, поговорили с директором, «согласовали» позиции и уже на директорской «Волге» поехали в исполком.

Совещание продлилось до обеда. Попало и охотоведу, и директору лесхоза. Заодно райинспекции по охране природы и заместителю председателя по сельскому хозяйству. Алексей уже привык «отгребать» на таких совещаниях, знал, что лучше промолчать и «принять к сведению». Начальство – оно и в Африке начальство. Председатель, «выпустив пар», в конце совещания все же несколько смягчился, приказав выделить некоторое количество топлива на охрану сельхозполей от потрав дикими копытными. Алексей недвусмысленно переглянулся с директором. Тот одобритительно кивнул, мол – молодец. Это он и о топливе, и о пламенной речи Алексея в оправдание диких животных и безалаберности и разгильдяйстве «разных там специалистов», которые не в состоянии оградить свои поля от потрав.

На стоянке у райисполкома Алексея уже ждал Антонович на вымытой, чистенькой машине. Хотя сам крепко спал, положив голову на руки, лежащие на руле. Алексей открыл дверь:

– Здоров, Антонович. Спишь?

– Нет. А что?

– А ничего. Молодец, новую машину, где взял?

– Какую?

– Ну, вот эту!

– Алексеевич, ты что, сам спишь? Это ж наш УАЗ.

– Да ну? А я и не узнал – такой чистенький, аккуратненький!

– Ну ты даешь, Лексеич! – водитель окончательно проснулся и заулыбался золотыми коронками, – я все сделал, как вчера обещал. Мясо проверил, штампы поставил. Две туши отдал, а что делать с третьей?

– Я сам заберу. Оплачу сегодня в кассу разрешение. Дома – хоть шаром покати, да и своим хочу что-нибудь подбросить. Поехали в контору, а потом подкинешь меня домой и свободен.

Заехав на работу, сдал деньги в кассу, сделал несколько звонков, но только к пяти вечера вышел из кабинета.

– Ну, что, Антонович! Поехали, наконец, подкинь меня до перекрестка, дальше я сам.

– Нееет, Алексеевич. Только до дома. Хватит.

– Ты это брось, за няньку что ли?

– Алексеевич. Я ж хочу, как проще. Довезу до калитки и передам курочке Рябе прямо... в... короче передам и все.

– Ты мясо в морозильную камеру занес? Не в службу, Антонович, отруби мне шею и переднюю прострелянную лопатку. Я заберу сейчас к себе. Завтра делаю себе отгул – буду что-нибудь вкусненькое готовить. Не приглашаю, ты знаешь: не люблю после гостей хату прибирать, посуду мыть. Сам из одной тарелки ем, и то не мою, только облизываю...

Антонович рассмеялся, пошел в гараж, где стоит большая морозильная камера, завернул кусок мяса в пленку и бросил на заднее сиденье. К машине подошел охотовед:

– Антонович, я передумал. Ты на машине? Ну и хорошо. Я поеду сам, может, завтра к вечеру куда проеду, но ты к вечеру тоже будь готов, что значит – знаешь! До завтра.

Он сел за руль, проверил по стрелке бензин. Один бак полный, другой наполовину – хватает.

Через полчаса он уже входил в «свой» гастроном. Девчата приветливо улыбнулись:

– Алексей. Алексей Алексеич! Вам, как обычно?

– Да, девчата. Кроме пельменей.

Они уложили в пакет бутылку водки «Оригинальная», бутылку светлого пива «Охотничье», две пачки «Союз», два грейпфрута, батон, пачку чая с кардамоном, два мороженого «Пломбир». Алексей попросил пакет пшеничной муки, специи для мяса, уксус и, к удивлению их, бутылку дорогого красного вина.

– О, Алексеевич! Вы же вино не пьете, никак гостей ожидаете? – заведующая магазином вопросительно и кокетливо и, как показалось Алексею, слегка ревниво кивнула головой в сторону поупок. – А к этому вину мясо надо!

– Да вот есть и мясо, только угощать некого!

– Что ж Вы так, молодой, симпатичный, при звездочках и пригласить Вам некого? Может, не дай бог, здоровье?

– Ну, на здоровье не жалуясь, да вот кому я нужен такой непутевый?

– Чего это непутевый? Еще как «путевый».

– Вы так думаете?

– Я в этом уверена, – Лена пошла в атаку, – за таким мужиком многие женщины согласились бы в любой путь!

– Да Вы что? – Алексей сделал изумленное лицо, – вот это новость. А Вы?

– Что, мы?

– Не мы, а Вы, Лена, согласились бы?

– На что?

– Ну, хоть бы не в любой путь, а для начала на прогулочку!

– А вы забыли, Алексеевич, что уже пообещали мне эту прогулку? На природу.

– Ни в коем случае. Не забыл. Так я сегодня предлагаю. Но, правда, не на природу, а ко мне в гости! Как, слабо?

– Чего-то слабо? Но я женщина порядочная. Разве ж я могу пойти в дом к женатому мужчине?

– Ну вот, а говорили «в любой путь». Так вот всегда. А где это вы видите женатого мужчину? – он деланно удивленно оглянулся, – не вижу!

– А колечко, Алексеевич, у Вас обручальное. И на правой руке.

– Колечко напоминает, что где-то у меня есть жена. Но где – я и сам уже забывать стал. А дома у меня – ну хоть как, а жены точно нет.

– Да, мы знаем. Не понравилось Вашей Татьяне у нас. Что тут – провинция. Правильно сделала, что уехала. Все-таки хоть и не столица, но область. И магазины, и театры, и зарплаты. Не то, что здесь. Женщина она у вас серьезная, красивая. Не боитесь, что может...

– Не боюсь! – перебил ее Алексей.

– А чего это?

– А потому, что я – колдун. Я ее заколдовал!

– Ой, а как это, вправду, что ли?

– Истинно говорю. И Вас, Лена, заколдовал!

– Ой, перестаньте, Вы что!

– Ведь правда, что мы сегодня поужинаем у меня дома? – теперь он пошел в атаку, видя, как покраснелась Лена под взглядами смолкнувших щебетух-коллег.

– Я, может, и соглашусь сама поужинать, только не надо колдовать, пожалуйста! – она жалобно скрестила руки на груди.

– Ну вот! Я пойду готовиться, в восемь Вы закрываетесь, я буду ждать здесь. Хорошо?

– Ой, я даже не знаю. Надо маме позвонить, чтоб за дочей присмотрела. Вы же меня домой потом подбросите?

– А как я подброшу? Мы же будем мясо жареное, дичь готовить. Ну, следовательно, придется выпить. Звоните домой, что задержитесь подольше. Если что, прогуляемся пешком, сейчас такая красота! А если что, у меня дом большой – места хватит.

– Можно подумать Вы меня собираетесь в отдельной комнате спать уложить?

– Нет, конечно, но нас внимательно подслушивают, поэтому я поехал. В восемь я жду! Хорошо? Здесь же?

– Только потому что Вы колдун, я согласна, – «горестно» вздохнув и надув красивые полные губки, Лена выдохнула, – до вечера!

Алексей загнал машину, занес в дом продукты, занялся приготовлением ужина. До восьми оставалось полтора часа...

* * *

Собрав к себе испуганных поросят, свиноматка, громко ухая и грозно треща сучьями и ветками, устремилась за стадом. Что такое выстрелы и запах пороха, она знала хорошо. Проверить, все ли поросята на месте, времени не было: нужно как можно быстрее уходить от опасного места. Остановившись на минуту, прислушалась. Погони нет, поросята жмутся под ноги. Испуганные, запыхавшиеся, они затихли, чутко поводя ушками, прислушиваясь к каждому шороху. Наконец свинья двинулась вперед; скоро к ним с разных сторон стали прибавляться другие дикие кабаны, разбежавшиеся по лесу после выстрелов. Матка обнаружила, что следом за ней собралось большое стадо из своих и чужих кабанов. Беспокойство за своих чад заставляло ее угрожающе рычать на приближающихся сородичей, но инстинкт хозяйки стада заставил ее вести всех к месту дневной лежки. По пути к выбранному ею месту дневки, она подвела стадо к лесному озеру, где кабаны вдоволь утолили жажду, и уже на рассвете она привела табун к моховому болоту. Здесь место безлюдное, тихое: высокий еловый лес с густым подростом на краю болота – надежное пристанище на день для всего стада. Свинья остановилась, громко ухнула. Поросята сразу забились под живот к матери, другие свиньи стали выбирать себе место для лежки. Кто-то сразу улегся в ароматный мох; кто-то разрыл мох до грязи и, с удовольствием похрюкивая, улегся прямо в грязь; кто-то отправился в болото поискать лягушек, птенцов, вырыть свежих вкусных корешков или просто для изучения местности.

Рассветный лес наполнен пением проснувшихся птиц. Дрозды, зарянки, зяблики, щеглы, синицы, поползни, малиновки – все они, приветствуя восходящее солнце, весело, звонко, задорно оглашали утренний лес на разные лады. Где-то на острове среди болота забормотал и стих тетерев. Комары, мошки, оводы роем нависли над каждым диким зверем. Отбиваясь от наседающего гнуса, огромный черный лось с мохнатыми еще рогами, выбрался из чащи, и, немного постояв, устремился вглубь болота, где ветерок хоть немного отгоняет мошкарку и можно забиться где-нибудь в болотину, в грязь, прячась от вездесущих кровососов, уже изрядно изгрызших и искусавших уши, морду, глаза лося. Из-под ног лося с криком выскочил вальдшнеп, заставив того остановиться и недоуменно уставиться на хромающую и периодически бьющуюся дрожью и трепетанием крыльев птицу. Лось понял, что эта птица, изображающая то раненую, то большую птицу, старается привлечь к себе внимание. Она, жертвуя собой, своей жизнью, старается убедить неожиданного гостя, что она – легкая добыча. И все это ради четырех большеголовых, большеглазых, длинноклювых и длинноногих вальдшнепят, затаившихся в траве на пути лося. Лось фыркнул, осторожно продолжил свой путь, не обращая внимания на поднявшую такой «гвалт» птицу. И вскоре большая, с виду, неуклюжая рогатая махина скрылась в болоте. Кукушка в очередной раз отметила свое пребывание в утреннем лесу несколькими глубокими, похожими вблизи на квохтанье «ку-ку», вызвав переполох среди мелких птиц, явно не одобряющих ее появление.

Но мир, спокойствие и безмятежность оказываются лишь красивой картинкой для случайного здесь зрителя... Болотный лунь все же успел высмотреть зазевавшегося на клюквенной кочке рябчика, промелькнул серой стрелой среди редких чахлых сосенок и закувыркался по кочкам с зажатой в острых крепких когтях птицей. Ежика спешит к своей норке, где ее ждут голодные ежата и несет в зубах пойманную мышь. Почувствовав тепло, распрямилась гадюка, бесшумно и плавно заскользила по теплому лишайнику к малиннику, где встревоженно защелбтали птахи, увидев напозающую беду для своих еще только оперившихся желторотых птенцов. Мощными челюстями прокусил насквозь короюда стремительный шершень и потащил в свое гнездо в дупле старой осины. Муравьи поймали пеструю гусеницу, облепили ее, извивающуюся и растопыривающую во все стороны свои щетинки, прогрызли ее нежную кожу, сбрызнув образовавшиеся раны кислотой своих желез...

Волчица осторожно, под ветерок, ползком подкралась к стаду диких кабанов и затаилась. Вот – добыча, вот – охота, вот – пропитание для нее самой и ее вечно голодных щенков. Но это и опасность, это и борьба.

Цепким внимательным взглядом волчица выбирает жертву, и поединок уже неизбежен: чья-то смерть сохранит жизнь, но и чья-то жизнь породит смерть. А солнце поднимается все выше. Запахло прелостью болота, хвойной смолой, редкими цветами, грибами, багульником. Но волчица уже не обращает внимания на эти запахи. Она выбрала цель и сейчас видит, слышит, ощущает только свою жертву...

Еле уловимый запах, ненавистный, ни с чем несравнимый запах волка, почудился дремавшей свинье. Пристроившиеся у теплого, пахнущего молоком, травой, болотом, живота, полосатые поросята мирно спят, изредка вздрагивая во сне от жалящих острых укусов оводов или слепней. Свинья подняла длинную морду, потянула шумно воздух. Услышав ее громкий вздох, насторожились и другие дикие кабаны. И в следующее же мгновение острый дикий визг подвинка прошлого года, расположившегося на лежку чуть в стороне от основного стада, заставил все стадо резко вскочить и броситься врассыпную по ельнику. Свинья вскочила, громко ухнув, бросилась в сторону визга, но, опомнившись, резко остановилась; поросята тут же сбились у нее под животом. Вокруг пронеслись дикие кабаны, не понимая, откуда грозит опасность. Несколько полосатых маленьких поросятков, потерявших в суматохе нерадивую мать, с испуга забились под защиту злобно ухающей свиньи. В другой ситуации она прогнала бы их и даже могла бы разорвать своими мощными челюстями. Закон выживания не позволяет выживать слабым, неорганизованным, беззащитным детенышам, оставленным родителями. Но этим поросятам повезло. Сильная, здоровая, опытная матка, ради сохранения к зиме сильного же стада, разрешила чужим детям спрятаться у нее под ногами. Визг поросенка перешел в хрип и вскоре вовсе затих. Свинья неторопливо увела поросят вглубь леса, замечая по пути, как за ней пристраиваются растерянные испуганные сородичи. Несколько раз, громко треща сучьями, грозно урча и хрюкая, к стаду приближался секач, собирая всех под опеку свиноматки. Наконец остановившись, сама свиноматка громко заурчала, засопела, грозно оглядываясь по сторонам. Свиньи, собравшись кругом, чутко водили ушами, прислушиваясь к звукам леса. Погони нет, а отсутствие одного из своих собратьев почувствовала лишь молоденькая свинка, его сестра по крови. Но и то, недолго выискивая его испуганными глазами среди сородичей... Отведя стадо подальше вглубь леса, матка, сделав полукруг под ветер, определила новую дневку. Чужие поросята, опасливо поглядывая на новую мамку, потянулись к соскам, толкаясь худенькими полосатыми боками с ее родными детьми. Громко засопев ноздрями, матка аккуратно улеглась на бок, закрыла глаза. Молоко было, она это чувствовала по набухшим соскам, которые, жадно тыкаясь зубами и пяточками, быстро захватили поросята. Теперь пусть сами борются: выживает сильнейший...

* * *

В восемь вечера Алексей подошел к магазину. Непонятное, юношеское волнение закралось в сердце и сжимало его пульсирующей мягкой тревогой. «Да, блин, – думал он, – что-то волнуясь, как мальчишка. Да еще эти цветы!» Он уже и не помнил, когда и где в последний раз и кому дарил цветы. А тут вдруг что-то нашло – нарезал на своей же клумбе цветов, которые, кстати, насадила его жена. В конце концов, не удержался и аккуратно опустил букет цветов на подоконник магазина – пусть лежат, может, кому и понравятся.

Заходить в магазин не стал, пройдясь по высокому крыльцу, остановился у дверей, развернулся и, потоптавшись, опять спустился по ступенькам...

Ему казалось, что каждый проходящий мимо покупатель и просто прохожий внимательно и придирчиво приглядывается к нему, оценивает его или попросту уже и обсуждает в уме его свидание с Леной. Наконец инкассаторы уехали, подозрительно, как ему вновь показалось, покосившись на него: в кроссовках, джинсах и свитере. А Лены все нет нет.

– Здравсьте, Алексеич! А Вы Лену ждете? А чего не заходите? А Вы давно здесь? – шустрая кассирша, кажется, Алла, остановилась на ступеньках и, улыбаясь и размахивая сумочкой, беззастенчиво разглядывает Алексея. – А мы только кассу сдали. Пока все проверим, закроем. Вы бы лучше зашли, чего тут топтаться.

– С чего это ты взяла, что я тут околачиваюсь. Мало ли у меня дел?

– Ой, ой. И нет мне никакого дела! Только Леночка наша, Валерьевна, весь вечер от зеркала не отходит. Такого с ней что-то мы раньше и не замечали.

– Ладно, ладно, я зайду тут купить что-нибудь, уговорила! Бежи домой!

– Как купить? Мы уже все закрыли. И кассы сдали. Так что, извините, Алексей Алексеевич, раньше надо было, а то приходят все после восьми, а на дверях вон написано...

Алексей не дослушал девушку. На крыльцо магазина вышли продавцы, среди них и Лена. Он быстро развернулся, отошел от крыльца, закурил, поглядывая, как они закрыли магазин, немного потоптавшись, и, попрощавшись, начали расходиться. Лена, улыбаясь, подошла к Леше:

– Я задержалась, извините. Пойдем?

– Ничего, ничего. Пойдем, конечно.

Он нерешительно сделал шаг к ней, готовясь подставить локоть, однако она не приняла его джентельменского жеста, пошла рядом.

– Я сама себя не узнаю, Алексей. Мне кажется, что во все окна смотрят только на нас. Зря, наверное, мы это затеяли?

Алексей все же обнял ее за талию:

– Лен! Мы идем ужинать ко мне. Кому какое дело? Мы имеем право жить так, как считаем нужным для себя. Может, кто-то и позавидует, но я уверен, по-хорошему. Так что мы уже и пришли, здесь никто не подсматривает.

– Не знаю, не знаю, мне как-то страшновато.

– Входи, – Алексей открыл металлическую калитку.

– Ой, кто это, – изумилась Лена, показывая на преградившую путь Рябу.

– Это мое хозяйство. Пошли, я потом тебе расскажу.

Они прошли к дому, Лена остановилась у клумбы:

– Какие красивые нарциссы. Это ваша жена все эти цветы рассадила? Я здесь давно не была. Раньше этой красоты здесь не было.

– Да, это она клумбы разбивала, – ответил Алексей, краснея, вспоминая свой букет, оставленный на подоконнике магазина. – Но мы же с тобой, Лена, вроде на «ты»?

– Да, да, конечно, Леша, – спохватилась она, неловко взяв его за руку. – Извини. Я не подумав, ляпнула. Ой, а вот и Ваша... то есть твоя машина стоит! Я ее уже издали научилась отличать вот по этой фаре. А что это? Зачем?

– А мне приятно, Лена, что ты мою машину узнаешь. Наверное, и что-то думаешь при этом. Скажи?

– Ну, я думаю, что... вот, мотается человек и днем, и ночью. Дерется с браконьерами. Могут убить, и никто знать не будет. А вот, думаю, поехал мимо магазина и не заехал. А что дома? Один! Кто кушать приготовит? Ну и разное такое, а что?

– А просто интересно. Что думают такие красивые женщины о таких бестолковых мужиках! А эта фара, чтоб ночью светить в разные стороны. Машина едет прямо, а мне нужно что-то увидеть сбоку, вот я и свечу этой фарой по сторонам.

– А я думала – чтобы ослепить всех, кто что-нибудь неправильно делает. Ночью.

– Ну, и это иногда приходится делать. Хм. Но сегодня – сто процентов, я думаю, она не пригодится!

– Это как сказать, как посмотреть, товарищ охотовед, – Лена игриво повертелась перед ним, – а я тоже думаю, что сегодня она не пригодится. Ну, нас сегодня будут кормить? Кто обещал ужин?

– Ох, – спохватился Алексей, – извини. Заболтался. Проходи, – он толкнул незапертую входную дверь.

– Ты дверь не замыкаешь всегда? – заметила Лена, проходя на веранду.

– Сегодня не закрыл, потому что здесь близко. А вообще, запираю на ключ.

– А у жены ключ есть?

– Лена!

– Ладно, Леша, не сердись, я же просто так, из любопытства. Мне же тоже интересно, как живут «холостые женатые».

– Проходи, смотри!

– Спасибо!

Она прошла в прихожую, глянула на вешалку. На вешалке висит только камуфлированный бушлат и бинокль в футляре.

– Может, мне плащ снять?

Алексей помог ей, повесив ее легкий плащ подальше от «военной» формы. Повел ее показывать дом.

– Это кухня.

– Слушай! Какой стол! Ты сам готовил? Столько всего... и вкусно пахнет!

– Так, может, сразу за стол? Вон там чуть дальше за лестницей ванная. В общем, ты пока здесь разберешься сама, а я пойду, свое хозяйство покормлю и приду. Ладно?

– Только не долго. Иди.

Алексей быстро вышел на улицу, покрошил батон своей Рябе, сел на ступеньки, закурил. Ну что ж. Лена, скорее всего, останется. Они смогут, наконец, остаться наедине. И он понял, что хочет этого, что давно хотел этого, но все откладывал. Почему? Сам он так и не нашел ответа. Ему просто стало хорошо, тепло, уютно, немного тревожно, и хотелось, чтоб она осталась. Хочется ее обнять, поцеловать, шептать ей что-то. Они не будут пропускать ни минуты отведенного им вечера. Об остальном думать не хочется. Он бросил сигарету в урну, немного подумав, все же сорвал цветок и вернулся в дом. Лена ждала его в зале на диване, держа в руках пульт телевизора.

– Ой! А я загадала сегодня: подарить ли ты мне цветы или нет? Спасибо, все сбылось.

– Сказать честно?

– Ну, говори.

– А я приносил тебе цветы в магазин.

– И что?

– И ничего. Оставил у входа на подоконнике. Что-то переклинило.

– Бедненький! Я же в окно видела, как ты с этим букетом пришел. Так обрадовалась, а потом выхожу, а тут «бац» – цветов-то и нет. Оказывается, ты такой стеснительный? Вот не сказала бы никогда, – она засмеялась и вдруг неожиданно поцеловала его в щеку, – спасибо, Леша, ты очень славный...

Смутившись, Алексей потянулся к ней, но она легонько остановила его:

– Ты не спеши, ладно?

– Конечно, пойдем к столу, там мне еще твоя помощь понадобится.

– Вот как? Пошли, говори, что тут у тебя за беда?

Совершенно неожиданно и безобидно затренькал телефон. Алексей прошел в прихожую:

– Да! – долго молчал и все больше хмурился, – А что в милиции сказали конкретно? Не их территория? Ясно. Ждите там, где ты говоришь. Через полтора часа кто-то будет. Я не знаю, не могу я сегодня, не могу. Все я сейчас организую, держите все под контролем, не высывайтесь больше. Ждите... Я сказал, точно кто-то будет, черт возьми... Все, молодцы, ожидайте...

Он положил трубку, оглянулся. Лена застыла с виноватой улыбкой.

– Что-то случилось? Тебе, наверное, нужно ехать? Что ты молчишь?

– Думаю, мать. Эх, черт... Ну подожди чуток, я сейчас по телефону поговорю и подойду. Ладно?

– Я пойду на кухню, посмотрю там, что тебе надо было помочь.

– Там в духовке стоит чугунная «утятница». В ней мясо, надо его как-то оформить, или как?

– Я посмотрю, решай свои вопросы. Время же у нас есть!

Лена ушла на кухню, Алексей набрал телефон водителя.

– А дед уехал, его нет дома, – ответила внучка и бросила трубку.

Позвонил Пыркову, Козловскому – все на работе в лесу, еще не вернулись и будут только к ночи.

Теплые нежные руки неожиданно легли на плечи; он не услышал, как подошла Лена:

– Леша. Тебе надо ехать? Я же вижу. Наверное, твой большой фонарь на машине опять понадобился. Ты не расстраивайся. Если так получается, значит не судьба... Езжай!

Она нежно прикоснулась к его щеке своей щекой:

– Я так боялась, что что-то должно было произойти. Оно и произошло. Тебе надо ехать, собирайся, наверное. А если хочешь, я тебя подожду... Я все равно сказал дома, что не приду, – вдруг, краснея, призналась она.

– Ты умница, – он поцеловал ее в уголок губ, в губы, в шею, – часам к двум я вернусь, ты успеешь отдохнуть. А завтра возьмем отгулы. Ты и я, отключим телефон, спрячем машину, или сами спрячемся. Только не уходи сегодня, пожалуйста. Не уйдешь? Я так хотел этой встречи, я так хотел.. нашей... дружбы. Я так... хочу тебя! Ты останешься?

– Да.

Он стал целовать ее, прижав ее лицо ладонями до тех пор, пока она, опомнившись, мягко отстранилась:

– Едь, тебя, наверное, ждут. Только береги себя, я тоже... хочу хоть немного... побыть с тобой. Я так давно об этом думаю. Намекаю. А ты, слепой, ничего не замечаешь. Иди, иди. Я буду ждать. Тебя ждут. Эх ты! Где же ты раньше был? Я так долго ждала. Ты ничего не подумай..., я знаю, что у тебя семья, и мне много от тебя не надо, точнее... мне нужен ты, а остальное пусть будет так, как есть. Ты меня понимаешь? – она перешла на шепот, – возвращайся поскорее. Я тебя очень прошу: береги себя.

Алексей крикнул, отвернулся. Медленно прошел на веранду, открыл шкаф, переоделся в полевую форму. Поднялся на второй этаж, забрал оружие, документы, прибор ночного видения; все уложил в рюкзак, подошел к стоящей у окна Лене:

– Постарайся почувствовать себя так, как будто мы с тобой сто лет знакомы. Здесь ты – у меня дома. Будь хозяйкой, делай, что хочется. Если я задержусь – отгадай, где моя кровать и ложись. Ключ у меня есть, дверь замкни на замок. Попробуй отдохнуть. Извини, что так получается. Я исправлюсь. Наверное. Может быть. Постараюсь...

Он поцеловал ее коротко в губы и быстро вышел, захватив свои вещи. Заурчал мотор, и вскоре УАЗик проплыл мимо окна уже с включенными подфарниками. Вдруг яркий свет ослепил окно, у которого стояла Лена, Алексей моргнул ей светом включенной фары...

* * *

Помощник дежурного РОВД приподнял тяжелый зад от стула:

– Я же говорю: людей нет. Опергруппа на выезде. Участковый не отвечает. Кого я тебе дам?

– Садись сам. Пусть дежурный подежурит.

– А он отдыхает, я – за него. Так что, Лексеич, ничем помочь не могу. Не обессудь.

– Ну вы в курсе. Завтра область будет знать, как вы работаете!

– А ты не пугай, охотовед, – неожиданно раздался громкий голос из-за спины. Алексей оглянулся – сам начальник районной милиции, явно под хмельком, – вы зарплату получаете, как и мы – из бюджета. У тебя двенадцать егерей-бездельников, оружие вам дали, машина есть, рации, бинокли. Так вам еще охрану подавай! Привыкли чужими руками жир загребать!

– Насчет жира чужими руками, вы, товарищ подполковник, лучше поинтересуйтесь у вашего зама, которого недавно сняли. Я ему говорил. А теперь и Вам лично говорю. Моими, как Вы говорите, бездельниками обнаружена группа браконьеров. Восемь человек на двух машинах. Устанавливают сети по всему озеру в Сельце. Я не уверен, что они трезвы и без оружия. И Вы прекрасно знаете, что я не имею таких полномочий, как у Вас...

– Еще бы тебе такие полномочия! И так полрайона на уши поставил. Таких людей из колеи выбил из-за рыбешек своих, куропаточек. Ты головой своей думаешь, что творишь?

– Короче, я понял. Не фиг с Вами здесь мне время терять. Я поехал, но завтра я обещаю вам концерт.

– Ты потише будь, герой. Выражаешься. Сейчас протокол за хулиганство в плечи получишь. И вообще, – он обратился к помощнику, – может, его на алкоголь проверить. Машина в руках, оружие, и, наглец какой, выражается здесь нецензурно, хамит, грубит. Что это такое? Угрожать вздумал? Ты знаешь, что тебе за угрозу полагается, да еще при исполнении? Ну-ка позови сюда группу выездную. Где они?

– Отдыхают, товарищ подполковник.

– Ладно, пусть отдыхают, смотри, егерь, зверушками своими командуй, а здесь будешь голос повышать – моментом самого на цепь посадим. Понял меня?

– Мне Ваш помощник сказал, что опергруппа на районе, Вам же говорит, что они отдыхают. Вы отдаете себе отчет, что творится?

– Так, составляй протокол на него за хулиганство, – рявкнул мент помощнику, – группу сюда!

Помощник в микрофон объявил сбор группе оперативного реагирования. Через несколько минут стали появляться заспанные лица милиционеров. Завидев начальника и охотоведа, на ходу застегивают пуговицы, подтягиваются.

– Что, черти, не высыпаетесь? Я вас научу работать! Быстро оформить этого на сутки за хулиганство, и угрозы, и оказание сопротивления.

– Товарищ подполковник, – возразил один из оперативников, – это же Алексей Алексеевич – охотовед района. Разрешите, мы с Вами отойдем в сторонку!

– Какую, мать вашу, сторонку? Выполняйте свою работу!

Алексей усмехнулся:

– Ладно, мужики-начальники. Мне нужно срочно ехать. Давайте-ка тест на алкоголь.

– Да что Вы, Алексеевич?

– Давайте-давайте, а то действительно завтра будет делов. А так и мне сподручней.

– Алексеевич! Вы не обижайтесь, мы тут сами разберемся, – охотник Рыженков, он же старший лейтенант милиции, усиленно моргает глазом, – вы езжайте или как-то на минутку... Мы должны поговорить по служебным делам с товарищем подполковником.

– Я очень тороплюсь. Даете мне сотрудников или нет?

– Езжай отсюда, пока браслет не одели, – начальник сменил тон, поняв, что перегнул палку, – развелось начальников, понимаешь!

Алексей махнул рукой, выскочил из РОВД и, хлопнув дверями УАЗа, рванул по вечернему, в огнях фонарей, городу.

По дороге к озеру деревни Селец захватил сонного егеря Ивана Тимофеева. Иван, подгоняемый Алексеем, собирался медленно, метаясь по хате под ворчание жены:

– Нет покоя. Ни днем, ни ночью. Бульбу окучивать надо, сено косить корове, дрова заготавливать, а он из леса не вылезает. Что это за время такое настало? Десять лет работал – все хорошо было. И волки сыты, и овцы целы, или лоси те. А теперь ни дня, ни ночи нету. Надо бросать эту работу и переходить в колхоз. Хотя и зарплата меньше, зато дома хоть порядок будет...

Алексей не стал выслушивать упреки, адресованные явно не Ивану, а ему.

– Давай быстро, Иван. Оружие не бери. Я жду на улице.

Болохин Саша выскочил под колеса УАЗа, идущего по лесной дороге «на подфарниках».

– Ах, мудака, – процедил Алексей, резко нажав на педаль тормоза. Тормоза закрипели, запищали, как показалось, на всю округу.

– Ты чего, как заяц, скачешь?

– Пока разглядел, кто это едет: вы – не вы.

Алексей заглушил машину, закурил:

– Ну, Саша, ну, Петрович! Говори, что тут у тебя, и как ты здесь очутился?

– Леша! Мы с Мишей сюда прикатили на моем «Минске». У меня есть информация, что соседи здесь орудуют на наших границах. Мы ж сюда редко заглядываем. Ну мы и приехали, прошлись по полям. Посмотрели следы. Новое стадо кабанов голов на тридцать прошлось по горохово-овсяной смеси. Свиноматка, по следам, крупная, а с ней поросята, штук пятнадцать! Не поверишь – спроси у Миши. Мы считали-считали, не меньше пятнадцати. Как тебе?

– Здорово. Дальше давай.

– Заехали на озеро. Там две иномарки. Перебирают сети, а сетей – два багажника. Две лодки резиновые, одна из них с электромотором. Всего их восемь человек. Сети перебрали и стали ставить, а на берегу стали монтировать электроудочку. Я оставил Мишу караулить, сам на мотоцикле в деревню – тебе звонить. А чего ты не взял милицию?

– А ладно, потом с твоей милицией. Где Миша?

– Там, на берегу. Он их пасет. А я тут решил вас встретить, чтоб не спугнуть их.

– Ну, встретил! От моих тормозов тут на десять километров все живое разбежалось. Что они там, не слышат?

– Да они уже все бухие. Я видел: целый ящик водки достали из багажника. И сразу же пить начали. Двое почти не пьют. Под передней машиной ружье лежит. На мох глазах достали, расчехлили и положили под машину.

– Ого! Молодец, Петрович. Ты, как всегда, на высоте. Что еще?

– Два топора у костра. Дерево, сволочи, срубили сырое, на уровне груди. Елочку красивую загубили. Долго не могли костер разложить. Один из них в милицейских штанах. Я в бинокль разглядел лампасу. Почти не пьет именно он. Один из них «крутой» – с сотовым телефоном. У нас в городе такие только стали появляться. Ну, этого я видел, с маленькой антенной, но разговаривает он по нему часто с кем-то. Эту штуку, Алексеевич, нужно как-то сразу забрать.

– А как ты заберешь? Это ж не орудие браконьерства, Саша! Ты же – мент, законы лучше меня знаешь. А если его притопить, так он, наверное, по цене, как мой УАЗик будет. Живут же люди. Номера машин записал?

– Конечно. Соседские. Областные. Крутые «перцы» наехали к нам, поэтому и вызвал тебя, Алексеевич. А ты занят был?

– Я? Эх, Петрович. Лучше б ты не спрашивал! Ладно. Выкладывай план.

– Судя по всему, люди с достатком, крутые. Брать надо только с поличным. Я уже фотографий с десятков сделал по-светлому.

– Во, блин. Ты, что, подходил к ним?

– Зачем? Подползал. Там вдоль берега кусты, ивняк. Я по кустам метров на двадцать подполз, снял машины, номера, сети, морды их. Как ружье собирал и под машину ложил.

– Ну, молодчага, Саша. Давайте, мужики, Пыркова снимайте с дозора, ты, Иван, посидишь немного с биноклем, а потом уже все вместе вчетвером будем их брать под утро. Своди, пожалуйста, Саша, нас на место, глянем в ПНВ, я взял с собой. – Алексей достал из рюкзака прибор ночного видения, настроил. Через полчаса они нашли Мишу, который, стуча зубами, показал на периодически появляющуюся светящуюся моргающую точку на озере:

– Бомбят, гады, электротоком. Что делать, Лексеич?

– Ничего. Ждать. Мы ничего не можем сделать. Надо брать на берегу, пока снимать сети будут и с рыбой приплывут к машинам.

– Это ж, сколько рыбы выбьют, – сокрушенно пробормотал Иван.

– Да, мужики. Но если их сейчас не взять с доказательствами – будут бить и дальше, и больше, поэтому и ждем утра.

Алексей отошел в сторону, пристроился к дереву и стал рассматривать озеро в прибор ночного видения.

Где-то тревожно закрикала кряква. Чирки-трескунки с треском пронесли над водой. Выпь протяжно «гудит в свою бутылку» – глухо и утробно. Лягушки неутомно предвещают дождь. Комары к полуночи затихли. Теплая ночь, ароматная, тихая, темная, влажная, окутала озеро. Только костер браконьеров то затухает, то вновь озаряется искрами, вспыхивает от подбрасываемых сухих веток и сучьев. В лесу темно, хоть глаз выколи. Зато в ПНВ хорошо видны поплавки выставленных нескольких десятков сетей по всему озеру. Кое-где поплавки «скачут», отбивая круги по воде: здесь в сетях уже сидит запутавшаяся рыба. У костра пьют водку и размахивают руками шесть человек. Еще двое на резиновой лодке плывут по краю озера с электроудочкой. В прибор Алексей видит, как периодически вспыхивает под водой луч подводного фонаря и, метнувшись из воды, опускается в лодку сачок с битой током рыбой.

«Сволочи, никак не нажрется», – шепчет сквозь сжатые зубы Алексей, а мысленно то и дело возвращается в свой дом, к Лене. Как она там? Что делает? Может, обиделась и сразу ушла? Завтра в глаза будет стыдно глянуть. Точнее, уже сегодня. Пообещал приехать, но, судя по всему, до обеда делов будет по горло. Скоро уже двое суток на ногах, но спать не хочется. Какие у нее вкусные губы! А глаза! Не глаза – море! Озеро! Океан! Небо! Вот бы ей сказать все это раньше. Уже тридцать пять скоро, а вел себя как мальчишка. Она, небось, усмехается – пацан, лох. Привел женщину в дом, можно сказать, сама пришла, и бросил, сбежал. Да... А вдруг она поднялась наверх, нашла специально им оставленную на кровати его синюю боль-

шую рубашку? Улыбнулась – все поняла. Разделась, расстелила кровать и улеглась, включив радио. Или, наоборот, выключив.

А Таня? Где она? Где-то очень-очень далеко: и в жизни, и в мыслях, и в пространстве. А есть ли она у него? А есть ли он у нее? А что она делает сейчас? Спит? Одна или не одна? Лучше не думать: ревность, обида, невысказанная боль опустошают душу, и без того сухую, черствую от одиночества...

Ближе к рассвету браконьеры спустили на воду вторую лодку, в то время, как первая, с электроудочкой, причалила к берегу. Мужики на первой лодке принялись снимать сети, оставшиеся на берегу – выгребать из лодки битую рыбу, которой было не меньше двух мешков. Всю рыбу сложили в пластиковые корыта, отнесли от берега поближе к машинам.

Алексей, Болохин и Миша подкрались к лагерю браконьеров и незаметно затаились в кустах метрах в двадцати от машин. Иван остался за рулем УАЗа и ждал команды по рации на подъезд к берегу.

Небо на востоке заалело, звезды поблекли и стали исчезать. От озера веет сыростью и прохладой, над водой поднимается небольшая испарина – туман. Утки, кулики оживились, где-то за озером прокликал журавль. Из тумана показалась лодка, нагруженная горой сетей. Алексей внимательно следит за ситуацией, Болохин щелкает фотоаппаратом.

Гору сетей браконьеры выгрузили на берег и вновь отправились на озеро за сетями. Замерзшая, озябшая компания на берегу, опохмелившись в очередной раз, принялась перебирать сети, быстро вытаскивая запутавшуюся рыбу и бросая в траву поближе к ванночкам. Вскоре там образовалась серебристая поляна из набросанной рыбы.

На востоке показался край диска восходящего солнца. Комары, словно очумелые, вгрызались в любой открытый участок тела.

– Иван, как слышишь?

– Слышу хорошо.

– Давай, жми. Побольше рева на первой передаче. Помнишь?

– Есть, помню, ждите!

Вскоре в лесу послышался рев приближающегося мотора их УАЗа. Браконьеры насторожились, но, увидев мелькающую среди деревьев зеленую машину с включенным фонарем, в панике стали метаться по берегу. Кто-то стал вбрасывать мокрые сети в лодку, кто-то просто потащил их в воду; кто-то стал накрывать рыбу валяющимися в беспорядке куртками, телогрейками.

Один из браконьеров схватил электросистему с сачком и бросился в кусты, где попал в руки к Пыркову. Ловким ударом в лоб тот «вырубил» браконьера.

– Один есть! – крикнул он.

– Мужики, вперед, – выкрикнул Алексей, сам же выскочил на поляну и громкоскомандовал:

– Всем на месте. Инспекция!

Болохин, как и уславливались, сразу же нырнул под джип, достав ружье, быстро снял цевье и разложил ружье:

– Внимание! Милиция! Всем оставаться на местах.

Выскочивший на поляну и громкозаскрипевший тормозами УАЗ и вовсе обескуражил на некоторое время браконьеров. Пырков и Алексей вытащили на берег лодку с сетями, подогнав в спину к центру поляны двух испуганных браконьеров. Иван же, открыв дверь УАЗа, выходить не спешит, двигатель не глушит. Тоже условленный и проверенный прием. Тем временем Болохин из-под сиденья «Джипа» достал огромный самодельный нож, еще два ножа подобрал у костра. Вместе с двумя топорами, ружьем вбросил в открытую дверь УАЗа.

Браконьеры стали приходить в себя:

– В чем дело? Ваши документы, – первым опомнился трезвый хозяин сотового телефона, висевшего у него на шее поверх золотой цепочки, чуть ли не в палец толщиной, – старшой, покажи ксиву!

Пока Алексей и Пырков приволокли из кустов электросистему, Болохин, успев их сфотографировать, предъявил документ и представился.

– Але, мужики. Какой-то старшина лесной нас на понт берет, а вы сопли пустили. Ну-ка, дружище, иди сюда!

Бугай бросился к Болохину с кулаками, но тот, увернувшись, крикнул:

– Предупреждаю. В случае сопротивления будем применять оружие.

Бугай вновь бросился на Болохина, а опомнившиеся браконьеры стали обступать Пыркова и Алексея. Болохин выпустил заряд электрошокера прямо в живот нападающего. Тот, охнув, грохнулся в траву.

Алексей снял с плеча ружье, выстрелил вверх:

– Стоять, буду бить по ногам, – и выстрелил под ноги ближайшим двум браконьерам. От неожиданности те высоко подпрыгнули, отскочили назад, где Болохин электрошокером заставил «отдыхать» еще одного нападающего.

Тем временем Пырков бросился вперед и, пока Алексей перезаряжал ружье, схватил за руку и, вывернув ее, потащил к лежащему на земле еще одного, пьяно рычащего браконьера. Ударив его по ногам, заставил сесть.

– Ну, что? Будем дергаться! – Алексей прицелился под ноги двум оставшимся браконьерам и нажал на курок. Подпрыгнув, те бухнулись на землю и заорали дикими голосами:

– Не стреляй, гад! Что творишь, ментовская морда, по бесу людей губишь, урод.

Алексей вновь дослал патрон в патронник:

– Петрович, не забывай щелкать на память! Забери сотовый, оформим изъятие как во время оказания сопротивления. Саша, не забывай про свою «электроудочку» – классно работаешь, мне б такую!

Обыскав всех браконьеров, нашли самодельный малокалиберный пистолет и в бардачке машины газо-дробовой пистолет.

– Вот это рыбаки, вооружились, как на «гоп-стоп», – не удержался Миша. Двух браконьеров он заставил сложить в кузов УАЗа бады с рыбой, сети, лодки. Рыбу пришлось пересчитать не только поштучно, но и по видам. Для протоколов, которые на капоте УАЗа и на капоте джипа составляли Алексей и Болохин. Каждый свой.

– Алексеевич, а ты пишешь за дерево, елку зеленую, что срубили, скоты?

– Пишу, Миша!

– А за костер на торфянике?

– Пищу, Миша!

– А за то, что машины ближе стоят пятидесяти метров до воды?

– Пишу, Миша!

– А еще за что, Алексеич?

– И за сети с рыбой в период нереста, и за электроудочку в период нереста, и за въезд на территорию заказника, и за оказание сопротивления работникам госинспекции при исполнении, и за незаконное хранение и ношение оружия в охотугодьях, т.е. охоту. Ну что, Михаил, хватит пока?

– Конечно, на них хватит, а ты что, Петрович, пишешь?

– За оказание сопротивления работнику милиции. У меня свои дела, Миша.

– Ну тогда ладно, а что с ними дальше будем делать, – показал он на сидящих на земле под «прицелом» Ивана восьмерых любителей «покрысятничать».

– Отпусти, Миша, нафиг они нам. Пусть дальше менты вон ими занимаются и суд. Тут иска только по рыбе на 5 тысяч баксов, не меньше. Это так, на глазок – шестьсот три головы рыбы, одиннадцать видов, в пятикратном размере за лов в запрет.

– Да, в старые времена, говорят, во время нереста даже в колокола не звонили...

– Командир, – отозвался хозяин телефона, – отдай мобилу. Ты законы знаешь. Зачем нарушаешь? Мне звонок положен. Адвокату!

– Знаю я ваших адвокатов. Телефон скоро отдам. Потерпи. Еще назвонишься. А хотя, бери, – Алексей швырнул ему под ноги сотовый, – звони!

Тот быстро поднял трубку и, отходя в сторону, не обращая внимания на насторожившегося Ивана, набрал номер:

– Алло, Иваныч, здоров. Я в лесу. Чего, чего? Отдыхал, никого не трогал. Понаехало каких-то в форме ублюдков, избili дубинками, шокерами. Еле живыми оставили. Хотят на нас какую-то рыбу повесить. Да! Неет. Не знаю. Походу, это тот гад с области, что Костю «спалил». Минуточку. Он повернулся к Алексею:

– А как тебя зовут, старшой, кто ты?

– Сейчас будешь протокол подписывать – прочитаешь!

– А ничего я подписывать не буду. И читать тоже не буду. Сам на себя наговаривать не собираюсь.

– Ну, тогда поедешь с нами в город в багажнике, для выяснения.

– Каком багажнике? Я на машине.

– А машина тут постоит, за ней на такси приедешь, если от нее что-нибудь останется к тому времени.

– Во блин, Иваныч. Это тот, точно, я его видел в газете. Заставляет какие-то бумаги подписывать. Не подписывать? Говорит, силой в город повезет. Понты? Понял, Иваныч. А что делать? Так тут мент с ним есть! Да, старшина. Тоже что-то пишет! Писатели! В отказ? Понял, Иваныч, от души. До встречи, отблагодарю, как положено...

Он вернулся к своим товарищам.

– Так, мужики, ничего не подписываем. Имеем право, идем в отказ.

– Я предупреждаю вас всех, что вы имеете право отказаться от подписи моего протокола. Только в суде это будет признано отягчающим вашу вину обстоятельством. Так отделаетесь просто штрафом. Большим, конечно, но штрафом. А при отягчающих обстоятельствах: сопротивление при задержании, отказ от подписи, запрещенное время – нерест, запрещенное место – заказник! Сядете в тюрьму на пару годиков. Имейте это в виду. Более того, у троих из вас нет документов. Тебя, тебя и вон того – я забираю с собой в город для выяснения личностей. Так что хотите, подписывайте, хотите, не подписывайте – это дело ваше, мужики. Но я вот официально предлагаю всем сначала прочитать протоколы и внизу написать: согласны или не согласны. По своему усмотрению каждый.

– А можно нам самим посмотреть?

– Конечно, держите, читайте. Но не рвите. У меня еще есть бланки, перепису, а если порвете – еще один эпизод сопротивления. Вам и этих хватит, не берите больше греха на душу.

Алексей протянул им протокол, подошел к Болохину. Тот тоже заканчивал свои бумаги, разложив изъятые из бардачков и карманов различные документы: права, пропуск на завод, разрешение на оружие, студенческий билет.

– Ну что, Саша? Поехали? Троих забираем, будут упираться – придется опять пугнуть.

– Да, Алексеич, зови Мишу. Поехали.

Алексей подошел к браконьерам:

– Ты, ты и ты – в машину. И без фокусов. А вы следуйте за нами на своих машинах. В отделе заберете своих друзей, если посчитаете нужным.

– Командир, может, лучше кто-нибудь из вас к нам пересядет. И так вон рессоры у вас выгнулись.

Алексей оглянулся:

– Да, действительно. Двое моих егерей поедут на ваших машинах. Миша и Иван – садитесь вдвоем в одну машину. А вы, двое – ко мне в УАЗ. Протокол подписали все?

– Нет. Не все.

– Ну и ладно, егеря и ты, Петрович! Черкните!

– Командир! Можно на пару слов, – хозяин телефона с фамилией Марушков, частный предприниматель, подошел к Алексею.

– Пошли. Слушаю.

– Командир. Алексеевич! Мы деловые люди. Пока ты приедешь домой – тебя ждет штука баксов. Говори, куда доставить? Я при тебе позвоню.

– Еще что?

– В смысле? Ну, коньяк – ящик, водка, селедка – все будет. Говори.

– Знаешь, Марушков, есть такой авторитет Зяблик. Ты в курсе?

– Конечно! Кто не знает Зяблика?

– Ты вот ему позвони, расспроси, если хочешь, за меня. Он тебе даст весь расклад. Ты понял?

– Ну, нифига себе! Зяблик ментов уже крышует?

– Мент – это ты, Марушков. А мне крыша не нужна. Я не скажу, что мы с ним в корешах, но он сам предложил мне в случае чего сослаться на него. Вот ему «штуку» свою и завези. За твое барыжное, за твое крысятничество на воде – ты Зяблику сам скажешь? Или мне тебе помочь? С твоим Иванычем, или как там его?

Марушков молча, задумавшись, неспеша отошел в сторону. Алексей глянул на часы. Девять утра. Вдохнул, огляделся по сторонам:

– Ну, поехали. Ничего не забыли, никого? Иван, сойдешь на перекрестке. Два дня – отгул. Коси сено. Спасибо, Иван, на добром слове. Премия, скажи жене, будет хорошая. Все. Поехали.

Сел за руль – УАЗ действительно просел под тяжестью груза сетей, рыбы и людей. Но хорошо отрегулированная машина, скрипя пружинами амортизаторов, плавно покатила по лесной дороге. Впереди, гордо выпрямив спину, скакал на «Минском» по ямкам Болохин.

У здания РОВД, куда они приехали спустя час, Алексей сразу обратил внимание на две иномарки с «блатными» исполкомовскими номерами из соседней области. Невесело ухмыльнулся, поглядывая в боковое зеркало на плетущиеся за ним «арестованные» машины.

Сменившийся новый дежурный отозвал Алексея в сторону:

– Алексеевич. Тут такой переполох! Кого Вы там уловили?

– Давай-ка по-деловому прими у меня груз: оружие, сети, рыбу и браконьеров. Я протоколы везу сразу в прокуратуру, ты копии сними, опиши оружие, чтобы не было вопросов потом. Ищите, куда рыбу деть. Я по пути взвесил – сто восемьдесят шесть килограммов. Пусть райзаг или горторг заберут, иначе испортится. В общем, давайте закончим работу, и я поеду спать. А вы тут, как хотите. Можете всё сразу отдать, – он увидел идущего к нему начальника РОВД:

– А! Лесная охрана! Я уже наслышан. Наловили жуликов!

– Не жуликов, товарищ подполковник. Жуликов вы пасёте. А я задержал вооружённых браконьеров, доставил их, орудия браконьерства и продукцию в РОВД. Принимайте.

– Да, да, Алексеевич. А где протоколы?

– У меня!

– Ну, давай, и можешь ехать! Быстрее!

– Сейчас. Сниму копии и отдам.

– Нафига мне копии, оставь их себе, мне в дело нужны оригиналы.

– Нет, оригиналы я отдаю в прокуратуру.

– А причём прокуратура?

– Очень крупный, особо крупный ущерб. А они уже пусть решают: самим раскручивать их или вам сюда отдать.

– Не, послушай, что творит! Если ты из области приехал, ты не наводи здесь свои порядки, у меня. Ко мне привёз нарушителей – будь добр, все бумаги мне на стол. Нет? Увози их отсюда. У меня и без вас делов выше крыши...

Алексей поморщился, как от зубной боли:

– Мне позвонить нужно в область, в УВД? Пойдёмте, позвоним из Вашего кабинета.

– Дежурный! Что стоишь? Принимай браконьеров и сети и отправляй этих натуралистов отсюда. Позвонить идите к себе на работу, у меня не узел связи.

До обеда Алексей оформил бумаги, заехал в прокуратуру, к себе на работу, откуда всё же позвонил своему старому знакомому – заместителю начальника УВД, которому подробно рассказал о произошедших за сутки событиях. Тот пообещал на днях заехать и лично поставить начальника РОВД на место.

Солнце по-летнему щедро палило воздух. Ноги в резиновых сапогах уже горели огнём. Глаза стали слипаться. Алексей чувствовал, что устал, но ехать домой не хотелось. Позвонил Тане на работу. Вытянул из неё понемногу о детях, выслушал упрёки, что о детях вспоминал раз в месяц, а о их поездке к нему сейчас нет и речи. Если только к концу июня, после школьной практики.

– А ты не хочешь приехать на недельку хотя бы?

– Нет. Ни на недельку, ни на денёк. Не хо-чу, Лёша, быть кому-то помехой.

– Ладно, Таня, пока. Не хочешь, как знаешь. Захочешь – позвони.

– А что, просто без звонков приехать уже и нельзя?

– Нет, Таня, без звонка лучше не приезжать.

– Почему? Мешаю?

– Думай, что хочешь. Я сказал всё, почти всё. Поговорить надо, пришло время. Ты будь готова к серьёзному разговору. Я сам приеду за детьми.

– Ты, Лёша, что, пугаешь?

– Тебя? Нет. Я думаю, что ты не боишься меня? Ну и хорошо. Пока...

Не дослушав её, он положил трубку. Тело, искусанное комарами, подстывшее в росистой траве за ночь, просило, требовало ванной. Горячей ванной и в постель.

Но как не хочется ехать в пустой дом. Может напиток? Вспомнил, что дома стоит водка, вино. Вспомнил, а точнее поймал себя на мысли, что постоянно думает о Лене. Как неудобно получилось. А может, всё к лучшему? К чёрту все эти мысли, надо ехать, напиток и уснуть. На сутки. Хотя знает, что четыре-пять часов, и он уже на ногах.

В кабинет вошёл Антонович.

– Алексеевич, машину заправил, вымыл. Сами поедете, или я поведу?

– Иди, Антонович, домой. Поеду по-тиху домой сам. Что-то устал я. Как конь. Четыре года без отпуска, Валентин. Может, и вправду уйти в отпуск?

– А Вы уже третий год собираетесь, а толку? Вон, в профкоме путёвки есть на курорты. Поехали бы, Алексеевич: море, вино, женщины. Вам надо бабу хорошую, иначе пропадёте тут у нас в глухомани. Хотите, познакомлю с соседкой. Разведена. Пятый размер...

– Не надо мне, Антонович, пятый размер. Ты езжай, я ещё посижу с бумагами и поеду. До завтра, жди меня часам к десяти здесь. Если что-нибудь, позвоню – будь готов. Пока!

Водитель ушёл, Алексей закопался в бумагах, потом бросил их в сейф, захватил в рюкзак и пошёл к машине.

У машины топчутся двое неизвестных мужиков.

– Здрасьте, – щурясь на солнце произнёс один, – Вы – Алексей Алексеевич?

– Я, слушаю.

– Вам просили передать, чтобы Вы уезжали отсюда. В течение этого месяца. Иначе будет плохо. Совсем плохо.

– Кто просил?

– Они дали нам бутылку водки и сказали, чтоб мы не говорили. А если Вы дадите бутылку, мы скажем номер машины.

Алексей достал деньги, сунул в протянутую руку:

– Ну?

– Это иномарка, джип. Вот номер, – он протянул кусок газеты, на которой коряво нацарапан ручкой номер машины, задержанной им сегодня на озере. Усмехнувшись, он достал ещё одну бумажку:

– А это на пирожок к пузырю. Благодарю, мужики!

– А Вы – егерь?

– Да, мужики. Я – егерь.

– Давите их, гадов, Алексеевич. Давите этих барыг. Ну, а за пузырь и пирожок – спасибо. Мы не ждали халявы, но выпить уж очень нужно. Ну, и за Ваше здоровье выпьем, чтобы побольше таких смелых мужиков было. Мы за Вас слышали – правильный Вы мужик, без понтов.

– Ну и добро. Поехал я, бывайте, мужики.

Он выехал на центральную улицу, машин почти нет. Усмехнулся, вспомнив движение у себя дома.

...Хм, дома. А где он, этот мой дом? Родители умерли, и в том доме хозяйка – его сестра. В другой квартире – жена и дети, но и это не его дом. Здесь двухэтажный пустой дом. Его дом? Наверное. Но разве таким должен быть родной дом? Разве не должно туда тянуть? Разве не должны ждать там родные люди его возвращения? Разве должны раздаваться глухие одинокие шаги под звук круглосуточно работающего радио? Разве должен сидеть на диване плюшевый мишка: месяц, два, никем не тронутый? Разве это дело опять что-то готовить, стирать, ползать с пылесосом? Или вообще переехать жить на базу в маленькую комнатку? Вообще, эта навязчивая идея давно вертится в голове. Но далековато от города, жалко топливо жечь.

А может, начать возить проституток? Опять же водка-селёдка, уборки. Гонорея и прочие гадости. Разговоры соседей. Эх, Лена, Лена! Как я облажался! Столько раз думал пригласить. Пригласил. Зачем? Обидел. Как обычно. Сколько женщин он обидел, бросил в жизни. Десять? Ну да, около того, не считая студенческие годы. Да, в общем-то, и позже... Были разные истории. А сейчас вот – один, совсем один... Повернул на свою улицу. Магазин. Заехать? Надо, хоть и не хочется встречаться с глазами Лены, но не прятаться же? Что поделывать, если у него работа такая? Чтобы сегодня они без него сделали? Конечно, Болохин попробовал бы поднять шум. Но браконьеров-то восемь, и они с Мишей вдвоём. И они нашли его; не милицию, а его, потому что верят ему, доверяют. И он не мог их подвести, не мог вот так просто бросить их, кинуть. Рассказать об этом ей? Да она просто не будет слушать, отмахнётся. Но зайти всё равно нужно. Ведь он мужчина!

Остановив машину у крыльца. Увядший букет так и лежит на подоконнике. «Куда смотрят уборщицы?» – пробормотал сквозь зубы, взял букет и бросил в стоящую у крыльца урну. Потянул дверь – закрыто. «Обед», – с облегчением вернулся к машине, сел и, не оглядываясь, поехал к дому. Загнал машину во двор, закрыл ворота, закинув рюкзак за спину, поднялся по ступенькам к двери и остановился... В дверях стоит и улыбается Лена:

– Не ожидал? А я с работы позвонила в лесхоз, у меня там в бухгалтерии подруга. Говорит, что ты банду изловил какую-то крутую. И жив, и здоров, и уже в кабинете, а машинка чистенькая под окном, значит, домой собираешься. А у нас обед. Вот я и решила тебе ключ отдать лично, Лёша.

– Ключ? А я, дурак, думал, что... Ну, ладно, хорошо. Ключ, так ключ. У меня ж запасной есть. Отдала бы потом...

Он поднял на неё глаза – она улыбается. Открыто, искренне, честно. Улыбается ему.

– Лена! Ты меня извиняешь?

Она молча вышла на крыльцо, обняла его, прижалась к его щеке своей щекой.

– Я так переживала. А ещё я нашла твою кровать!

– По рубашке?

– Дурачок. По подушке!

– Как по подушке?

– Она тобой пахнет. Я её обняла, так и уснула с твоим запахом, как с тобой.

– Ты здесь ночевала?

– А где же? Я тебя честно ждала до утра, как обещала. Вечером позвонила с твоего телефона домой. Мама ругается, а я все равно осталась. Я знала, что ты надолго уедешь, но не ожидала, что так буду переживать... Мне на работу пора. Все продукты в холодильнике; мясо, что ты приготовил, я попробовала, как в ресторане. Можно я тебя сейчас покормлю? Мне так хочется посмотреть, как ты будешь есть.

– Ничего себе. Серьёзно? – он засмеялся. – Я что, на тигра похож?

– Чего на тигра? Ты – сильный, красивый. Ты – мужчина. И ничего здесь нет смешного, пошли в дом, а?

– Конечно, пошли. Только обедать будем вместе, а я буду смотреть на тебя.

– Ещё чего. Тогда я есть не буду.

Они прошли на кухню, Алексей обнял Лену за плечи:

– А почему я на тебя не могу смотреть, а ты можешь?

– Эх ты, зверобой. Я же женщина. На меня надо любоваться, а не смотреть, как я ем.

– Ну, а я?

– Всё, ты абсолютно одичал, Лёша. Как всё запущено. Хоть раздевайся, хоть умывайся: через двадцать минут к столу. Я подогрею пока, ладно?

– Нет. Двадцать минут – это много, давай прямо сейчас.

– Ну и хорошо, иди, мой руки.

Алексей сбросил камуфляж, сполоснулся под душем и вышел к столу запросто, в спортивном костюме. Лена хлопчет на кухне в невесть откуда взявшемся переднике. «Наверное, с работы захватила», – удовлетворённо заметил про себя Алексей и остановился в пороге.

– Ну вот. Всё готово. Ты ешь, а я побежала на работу. Может, тебе налить чего покрепче?

– Ох, нет. Я и так уже отрубаясь. Присядь, пожалуйста.

Лена сняла передник, села напротив. Глаза их встретились.

– Ты после работы сегодня придёшь сама ко мне?

– Ты думаешь, это нормально. Можно разве?

– Я думаю, что это не только нормально, но и нужно! Я собирался с тобой провести ужин, а не получилось. Вот и повод есть у нас. У обоих, правда?

– А вдруг опять что-нибудь?

Алексей опустил глаза, глухо сказал:

– Может быть и такое. Значит, не судьба. Давай загадаем?

– Давай. Я постараюсь прийти, а ты ложись отдыхать. Хорошо? И отключи телефон. Он у тебя звонит через каждые пять минут.

Он принялся за еду, а она так и сидела, подперев подбородок руками, и молча смотрела на него задумчивыми глазами. Спohватившись, засобиралась на работу. Стремительно подошла к нему, ничего не говоря, поцеловала в висок и так же стремительно ушла.

Алексей, не убирая посуду со стола, еле доплёлся до спальни и, не раздеваясь, бухнулся в кровать. Сразу же и уснул.

* * *

Поросята растут быстро, молока на такую ораву, с учётом прибудившихся поросят, стало не хватать, и свинья в поисках хорошей кормовой базы увела стадо ещё дальше от болота, поближе к сельхозполям и людям. Посетив ночью еще молочной спелости овсяно-гороховые поля, она уводила стадо на водопой и на лёжку оставляла стадо тут же, у водопоя. В грязи дикие кабаны спасались от кровососов, защищались засохшей грязью на коже от паразитов. Холодная грязь приносит и блаженную прохладу в жаркие летние дни. Людей здесь почти не было. Лишь редкие грибники иногда проходили, громко окликая друг дружку. Их кабаны не боялись. Запах грибников – это запах различной парфюмерии, табака, вина и дома, человеческого жилья, кабаны отличали от запаха охотника: убийственного запаха ружейной смазки, пороха, обувного крема. Волки сюда не добирались, жили где-то там, на болоте, и свиноматка иногда слышала вой возвращающейся с охоты к логову волчицы. Настороженно и испуганно вскакивали дикие кабаны, хрипел и клацал клыками в чащобе секач, забивались под брюхо матери испуганные поросята. Затихал вой, успокаивалось стадо. Кормов хватало, и свиньи выходили на поле уже не так осторожно, как в первые дни. Свиноматка, метаясь по опушке, фыркала, рычала, но маленькие поросята: и свои, и чужие, не слушались старшей свиньи, шустро выскакивали на поле, жадно поедая незрелые колосья овса и зелёные стручки гороха. Совы бесшумно зависают над стадом, в поисках спугнутых кабанами мышей. Где-то на краю поля затыкала лисица, а ей в ответ с лесной делянки отозвался самец косули. У них скоро гон, и самец грозным полурёвом, полурыком обозначает свою территорию, привлекает самочек. Свинье знакомы все эти звуки, запахи, шорохи. Она спокойно жуёт колосья, зорко наблюдая за поросятами, за другими дикими кабанами и прислушиваясь к дальним, далёким шумам.

Свет фар появился совсем неожиданно и двигался вдоль опушки леса. Самой машины из-за света кабаны не видели, поэтому замерли в ожидании, пока это явление, тихое и на вид не опасное, пройдёт мимо них. Неожиданно свет встрепенулся и пополз по полю, прямо к настороженным кабанам. Когда луч света выхватил в овсе первых кабанов, источник света замер на месте, луч метнулся влево, вправо и вновь остановился на молодой свиноматке, впервые явившей на свет семь полосатеньких своих чад. Предупреждающе ухнув, она собрала поросяток у себя под животом и, ослеплённая, недоумённо и слепо уставилась на прожектор. Другие кабаны бесшумно стали углубляться в поле, подальше от непонятого светила. Молодая свиноматка почувствовала, как кто-то из поросят тянет её зубами за пустой сосок. Задней ногой она толкнула его легонько, отгоняя от потрескавшихся, едва налитых молоком сосков и вновь уставилась на фару, настороженно водя ушами. Что-то подозрительное щёлкнуло, и свинья уже собралась сорваться с места, но... резкий удар, жгучая боль. Ноги подкосились. Последнее, что успела заметить, – высокое звёздное небо над нависшими колосьями. Жизнь оборвалась. Гулкое эхо ночного выстрела покатило по ночному лесу. Ничего не понимающие поросята жмутся к ещё горячему животу: им из-за высоких стеблей не видно, как уносятся в лес их собратья – дикие кабаны, напуганные до безумия выстрелом. Они ждут свою мамку, которая несколько раз забилась в страшных конвульсиях, едва не покалечив попавшего под копыта одного из них, и затихла. В свете фар замелькали длинные тени, – поросята слышали приближающиеся шаги, увидели мелькающие в свете прожектора тени и, не выдержав, бросились врассыпную, прячась в овсе.

Люди подошли к свинке, полоснули ножом по горлу, обескровливая добытую дичь. Повернув свинку на спину, разрезали ножом кожу по животу. Вдруг скрипучий приглушённый голос прохрипел:

– Вот, черт. Свинка подсосная – молоко с кровью брызнуло. Где-то «полосатики» будут рядом. Может, собак из машины выпустить? Пусть подавят молодняк – все равно волкам достанутся.

– Не надо! Срочно смываемся. Выбрасывай потроха, и потащили, – второй охотник махнул рукой: свет погас, он достал фонарик, осветил.

– И вправду подсосная. Я, когда стрелял, поросят не видел в траве. Грех взял на душу, мамку положил.

– Да ладно тебе, Костя. Сколько ты уже нагрешил, давно на сковороде тебе место приготовлено. Пошевеливаемся, да поедем печёнку жарить, свежевать. У деда самогон хороший! Попируем сегодня...

Они быстро выпотрошили добытую свинью, волоком подтащили к машине, и вскоре на поле наступила поистине мёртвая тишина.

До рассвета перепуганные поросята прятались в траве, однако страх, холод заставил их начать поиски матери. Там, где они растались, две лисицы, злобно фырча и оскаля кровавые зубы друг на друга, растаскивали останки выпотрошенной их матери. Облезлые, ещё не вылинявшие, они было бросились к оторопевшим поросьятам, и наверняка хоть одного из них растерзали бы, но набитые их желудки не позволили им гнаться за убегающим лакомством. Так мать сослужила последнюю службу своим чадам, оставшимся один на один с этим грозным миром. Сбившись в стайку, во главе которой стал самый большой среди них хрячок, они наконец выбрались в лес, где ещё держался еле уловимый для их пяточков запах ушедшего стада. Подняв хвостик торчком, хрячок повёл своих братьев и сестёр по следам стада, вздрагивая и шарахаясь от любого треска, шума. Лишь на рассвете они нашли стадо, залёгшее на днёвку. И здесь их постигло новое несчастье. Завидев лежащих в грязи и просто на мху кабанов, поросята бросились в стадо в поисках матери, в поисках тепла и приюта. Однако, нарвались сразу на молодую свиноматку, у которой её девять поросят уже изрядно потрепали, погрызли до крови соски. Чужие поросята, почуяв запах тепла и завидев мирно спящих полосатых малых сородичей, бросились было к дремавшей свиноматке. Та, всполошенная таким наглым и нахальным поведением чужих поросят, за которыми почему-то не доглядела мать, не раздумывая, перехватила поперёк туловища первого попавшегося чужого поросёнка. Тот завизжал, задёргался. Свинья сжала челюсти, раскусив поросёнка, мотнула головой, разбрызгивая кровавые пятна вокруг, и бросила под ноги то, что только что было поросёнком. Ещё раз схватила и, дико вращая глазами, бросила ошмётки в сторону и потопталась по ним копытами. Её родные поросята, сбившись друг к дружке, застыли от ужаса, а пришлые – чужие в панике разбежались по стаду, шарахаясь от любого движения грозных сородичей. Без мамки любой из них мог повторить то же самое с ними. Они остались абсолютно беззащитными сиротами даже в своём родном стаде. Беспомощно метаясь, они не знали, куда им уйти из стада, которое они нашли с таким трудом...

Заслышав визг поросёнка, хозяйка стада, матка-вожак, вскочила, насторожилась. По предсмертному хрипу поняла, что поросёнка убили свои и уже собиралась лечь обратно на бок к своим поросьятам, когда заметила мечущихся чужих поросятков. Она сразу узнала их. Это поросята молодой свинки из её стада. Именно она, эта молодая мамка сегодня не вернулась с поля после выстрела. Значит, это её поросята сами пришли сюда в стадо по их следам и тут же поплатились за свою доверчивость. Матка сделала несколько шагов из-под ёлки, где она лежала. Шесть поросят остановились перед ней, уставившись чёрными испуганными глазками на большую, с виду очень грозную и страшную свинью, готовые в любую минуту сорваться с места и спрятаться в густых зарослях малинника.

Свинья тихо заурчала, несколько раз хрюкнув, копнула рылом мох, в поисках молодого корешка или червяка. Ещё раз хрюкнула, приглашая поросят порыть мох вместе с ней. Маленький хрячок опасно сделал несколько шажков к ней, остановился. Свинья подошла ближе

и вдруг легла набок животом к пороссятам. Те, почувствовав запах тепла и тёплого молока, такого родного, как у мамки, не раздумывая, бросились к соскам. Свинья терпела их жадные покусывания. Молока было мало, но её родные и «приблудные» пороссята уже умело добывали себе подножный корм: грибы, ягоды, коренья, улиток. А эти поменьше и совсем тощие. Она закрыла глаза – пороссята уже большие, пусть остаются с ней; она их будет охранять, учить, воспитывать, и к зиме они уже будут самостоятельными членами её стада, продолжателями их рода. Сегодня она стадо не поведёт на поля. Стало опасно, придётся несколько дней питаться в лесу, благо, кормов летом достаточно. А когда исчезнет с неба луна, она опять поведёт кабанов из леса на поля: там столько всего вкусного и для взрослых, и для маленьких членов её стада. Только нужно быть очень осторожным, и она это прекрасно знает. Самые голодные, самые неосторожные, самые дерзкие погибают первыми. Своих же пороссят она будет учить осторожности в любой ситуации: на лёжке, в пути, на кормёжке. И они вырастут все, больше никто из них не должен погибнуть, она за это в ответе перед самой природой.

* * *

Старый лесник Михаил Сидорович, проезжая по своим делам вдоль поля, заметил на краю поля, на верхушках елей, скопившихся воронов. «Не иначе учуяли падаль», – сам с собой разговаривая, повернул коня. Крумкая и громко хлопая крыльями, вороны неохотно взлетали с деревьев, отяжелённые обильной пищей. Сидорович привязал коня, закинув за спину одностволку, прошёлся по дороге вдоль поля. Ездил УАЗ, вот его свежие следы. Вот здесь что-то тащили с поля. Не иначе дикого кабана. Точно. Кое-где на положенных в одном направлении стеблях овса бурые пятна. Дед растёр пятно меж пальцев – кровь. Прошёл по потаску и вышел к останкам, растерзанным лисами и вороньём. Постоял, покряхтел, обнаружив рядом следики копытиков пороссят. «Эх, гады. Матку привалили. Надо ехать на ферму, там телефон. Срочно звонить Алексеевичу. Что-то давно он ко мне не приезжал, а тут вот кто-то на УАЗе нашкодил».

Лесник вернулся к коню, погнал коня в деревню. Телефон Алексея не отвечает, позвонил Болохину – то же самое. «Ну что ж, надо вечером будет позвонить. Видать нет никого дома» – решил он, и сам поехал в соседнюю деревню. Есть там один «аматар». К нему частенько приезжают городские браконьеры в баньке попариться, машины оставить на время охоты. Авось, что и узнать доведётся. Первым делом зашёл в магазин...

– Здорово, Петровна. Эх, вот смотрю на тебя – и налюбоваться не могу. Мне б годков сколько-нибудь скинуть, я бы тебя увёл от твоего хозяина!

– Здравствуйте, Сидорович! – крепкая белозубая продавщица приветливо улыбнулась леснику – Вы и так, слава Богу, жених хоть куда! Да и Александровна Вас на поводке держит ого-го! Попробуй, сунься – враз космы повыдирает! А я не хочу в парике ходить, так что лучше мы с Вами платонической любовью будем жить, – залиvisto засмеялась, видя недоумённый взгляд старика.

– Это, что любовью – так это здорово! Но вот всякие «камасутры», мать не по мне. Это вы видиков-шмидиков понасмотрелись, ишь ты: любовью, да ещё платоновской. Дай-ка мы лучше по-нашему: на сеновале, али на воздухе у меня, на природе. Вот это – любовь, а то – «платоновской».

– Да не платонской, Сидорович, – платонической. Это значит, просто так дружить. Без сексу.

– Что ж это, Мариночка Петровна за любовь без сексу? Уже, вроде, и жизнь прожил, да не знаю дружбы помеж бабы с мужиком, да ещё без сексу!

– Так это Платон этот так придумал.

– Этот Платон, Петровна, не нашей породы будет, значит... этот... Как его, мать его в душу... недоразвитый мужик, разве что?

Петровна опять расхохоталась, а Сидорович не на шутку разошелся:

– Короче, я хочу сказать, что он никто, и звать его никак. Дай-ка лучше мне, Мариночка, бутылку водочки, давненько я её не пробовал. А вот же пьют и «чарнила» и «максимку», и никто ещё не помер, а пьют с утра до утра. Вот тебе и платоновская любовь и платоновское питьё-пойло. Это точно. Такого «чернила» с «максимкой» пить каждый день – и взаправду платоном станешь.

– Это ты, Сидорович, точно говоришь. А что они могут нонче, мужики-то? Пьют эту гадость, и ни на что уже не годны. Как ты, дед говоришь, никакой «ринтаии».

– Во-во, я ж тебе и говорю, Петровна, «старый конь борозды не портит»!

– Сидорович! А глубоко ли пашет? – опять зашла смехом Мариночка Петровна.

– А я хвалиться не буду. А вот доказать могу – только глазом моргни мне!

– Ладно, Сидорович, я подумаю. А ты водку берёшь-то?

– Так и быть, ты мне бутылку водки «на вексель» дай. А то у меня только и есть на хлеб и сигареты с собой. А я с пенсии отдам. Или вон к Панкрату заеду, одолжу.

– Сомневаюсь я, Сидорович, что б ты у Панкрата одолжил! Гости у него уже второй день. Баню топят – дым коромыслом. Так что вряд ли, что тебе стоит туда ехать. Бери водку и не обижайся – я тебе ещё в придачу три банана положу. А то их привезли, а никто не берёт. А мне потом плати за порчу. А ты своей Александровне подарок из леса привезёшь!

– Хорошо, хорошо, ложи. А кто это к Панкрату наехал?

– А это племянш его с города. Костя Алексахин. А с ним наш участковый и ещё кто-то, я не знаю этого человека. Они у меня сегодня десять бутылок водки взяли. Говорят, «под шашлычок». Видать, из города барана привезли, Панкрат же не держит хозяйства, ни кур, ни баранов.

– Ого, пол-ящика водки закусить – и вправду барана надо. Ладно, Мариночка Петровна, спасибо за бананы. По дороге придумаю, на какой ёлке они у меня растут, обрадую свою Сан-ну. А с конторы на неделе буду ехать, завезу должок, Мариночка, и медку тебе привезу. В сотах. Беленького, сеголетнего. Специально для тебя, сладенькой, нарежу.

– Ой, спасибо Сидорович, заезжай! Я всегда рада, когда ты к нам приезжаешь из своей глухомани.

Сидорович быстро вышел из магазина, прошёлся якобы ненароком возле дома Панкрата. Так и есть, из-за неплотно закрытых дверей сарая виден бампер Алексахинового УАЗа с блатным красным номером.

«Они, твари. Больше некому. Надо срочно дозвониться в лесхоз, а лучше лично Лёше. Он не спустит им греха: матку с поросятами бить».

Лесник уехал к ферме и решил там дожидаться, когда появится Алексей или Болохин у себя дома. Больше инкогнито позвонить было неоткуда. Поехал домой уже в темноте: на том конце провода никто не брал трубку. Выпив полбутылки водки, закусывая бананами, он вполголоса ругал на чём свет стоит и охотоведа, и Болохина: «Ну, только попадитесь мне на глаза, ну только приедьте – получите по полной программе». Не знал, Сидорович, что в это же самое время и Алексей и Саша разрабатывают план задержания восьмерых браконьеров, устанавливающих сети и бьющих рыбу электротоком. Злой на весь белый свет и на треклятую «платоновскую» любовь, приехал он в темноте домой, распряг коня, не забыв положить ему овса и налить воды и сел на скамеечку у калитки. Александровна тихо выглянула в окно и, по-видимому, пошла спать, убедившись, что всё в порядке, хозяин дома. Кот запрыгнул на колени, настойчиво мурлыкая, требуя к себе внимания и немного ласки. В хлеву конь хрустит овсом, вздыхает корова, а вокруг тишина опускающейся ночи. Где-то в лесу ухнула сова, тьякнула

лисица и опять тишина, лишь дрозды неутомонно с криком перелетают с дерева на дерево, да запоздалый майский жук на берёзовых ветках над головой усаживается на листок.

В глазах у старого лесника – стоптанные, окровавленные стебли овса и маленькие отпечатки копытиков осиротевших поросят. «Ведь погибнут поросятки: собаки, лисы, волки – всяк для них сейчас хозяин и царь, всяк норовит сожрать. Вот беда, вот горе», – вздыхает старик, поглаживая мурлыкающего кота.

ГЛАВА 2

Алексей проснулся от прикосновения к лицу. Сквозь сон почудилось – Таня! Открыл глаза, смущенно улыбнулся... На кровати рядом с ним сидит Лена и задумчиво смотрит на него. Увидев, что он проснулся, резко убрала руку и так же смущенно улыбнулась!

– Я не хотела тебя будить. Ты так сладко спишь, и я уже засобиралась домой...

– А ты давно здесь?

– Уже десять вечера, а я пришла сразу после работы.

– Ну, дела! А что ж ты сразу меня не растолкала, – он приподнялся на локти, потянулся к ней, приобнял за плечи, – да еще домой собралась!.. А что это так вкусно пахнет?

– Я разогревала ужин. Только что. Может, пойдешь, поешь? Ты же уже вторые сутки так ничего почти не попробовал, что сам и готовил.

– Конечно пойдём, – он вскочил с кровати, обнял ее, тоже вставшую, притянул к себе, – ты такая хорошая, ты просто молодчина, что пришла! Я так хотел этого, я так ждал этого!

Стал осторожно целовать её в шею, за ухом, в кончики губ. Она не сопротивлялась, потихоньку расслабляясь, закрыв глаза, обняла его:

– Не надо, не надо. Потом, у нас времени много. Я опять отпросилась у мамы. Ну что ж ты? – и она сама стала отвечать ему сначала робкими, а затем и более смелыми и страстными поцелуями, – пойдём вниз, пошли же!

И все же Алексей бережно уложил ее на смятую кровать, зарылся лицом в ее роскошные черные волосы, закрывающие грудь под расстегнутыми им пуговицами блузки...

Уже совсем стало светло за окном, уже перестали кукарекать соседские петухи, когда Лена чуть ли не силой заставила Алексея хоть немного поспать. Она уютно умастилась у него на плече, закрыла ладошкой ему глаза.

– Засыпай, хоть чуточку поспи – вон уже и утро, и мне на работу. Я так хочу, чтобы ты немного поспал, а я буду смотреть на тебя, гладить, может, и целовать. Только так, чтобы ты не проснулся, – ласково шепчет она ему, убаюкивая и завораживая своим шепотом. Алексей уснул и не увидел, как по щеке Лены покатились и упала на подушку слезинка. Лена прижалась щекой к плечу Леша, закрыла глаза, продолжая поглаживать его по курчавым волосам на груди. Алексей говорил, что у него сегодня отгул и на работу не пойдет. Она вздохнула, взглянула на его часы. Шесть утра. Тихонечко встала, набросив его рубашку, прошла в ванную. В семь утра она всегда уходила на работу, и в это утро хоть так и не хотелось, но она все же, переселив и сон, и слабость, приняв душ, подвела ресницы, скептически углядев в зеркало синеву под глазами. Долго держала ключ в руках. Со вздохом положила его на кухонный стол, предварительно убрав с него посуду, вымыв и поставив ее в шкаф. Достала из сумочки блокнот ручку, написала несколько строк и, улыбнувшись, поднялась в спальню. Алексей безмятежно спал. Она положила записку на его одежду, поцеловала его в припухшие губы и, улыбнувшись, тихонько ушла.

Алексей, проснувшийся ближе к обеду, прочитал записку, улыбаясь, порвал ее и, приняв душ, занялся завтраком и обедом одновременно: благо вкуснятиной заставлены все полки в холодильнике. И только сейчас обнаружил, что телефонный провод отключен от розетки. Подсоединив телефон, позвонил на работу, передал, что сегодня у него отгул, будет завтра с утра. Секретарша пыталась узнать, чем он там занимается, так и забыла сказать, что звонил старый Сидорович с самого утра уже несколько раз. Алексей забросил в стиральную машину скопившуюся одежду, улегся на диване, притащил с собой телефонный аппарат и тарелки с едой на подносе, который поставил прямо на пол у дивана.

Лена сразу подняла трубку:

– Леша? Ты уже проснулся? Чего ж ты? Спал бы да отдыхал. У тебя же отгул!

- Я так хорошо отдохнул! Мне так хорошо давно не было. Спасибо тебе, Лена.
- За что Леша? Это тебе спасибо. Я весь день на крыльях летаю, представляешь?
- Представляю! Скоро обед у тебя, прилетай ко мне!
- О-о! Нет, Леша. Я не смогу, да мне сегодня пораньше домой. Ты не обижайся, родной. У меня тоже есть дом, дочь, мама. Мне и так сегодня выслушивать нотации и от мамы, и от дочери. Так что сегодня – никак.
- А когда?
- Леша! Мне очень хорошо с тобой. Я потом тебе все-все расскажу. Только давай не будем торопить события, ладно?
- Ладно, Лен, тогда до завтра. Но если передумаешь, звони.
- А звонить обязательно? А если я так приду?
- А зачем ты ключ оставила?
- Я же тебе написала, ты читал?
- Конечно, читал. Со смеху чуть не упал. Хорошо, я сделаю, как ты пишешь – ключ будет под кирпичом у порога; конспиратор ты мой!
- Все, Лёшечка, мне надо работать. Я целую тебя крепко в твою небритую щеку!
- А чего ж так мало?
- А ты меня?
- Мне нравится с тобой целоваться, приходи, докажу.
- Нет, нет. Не соблазняй бедную женщину, а то я опять все брошу и прибегу.
- Так ключ я все-таки кладу, имей в виду!
- Всё, Леша, – она чмокнула в трубку, и они оба положили трубки, и телефон зазвонил почти сразу же.
- Алексеевич! Здорово! Это Болохин. Звонили лесники из Подречья. Так волки задрали дикого кабана на краю болота. Может, поедем, посмотрим?
- Здорово, Петрович. Ты откуда звонишь?
- Я из конторы.
- Ну, жди, я перезвоню тебе через десять минут. Вообще, Саша, собирай человек пять, едем. Я буду через час!
- Вот это дело! А то я сразу испугался, «перезвоню», – передразнил он, – ждем. Я беру станции, флажки, звоню в лесничество, чтоб кто-то ждал. Так, Алексеевич?
- Да, да, Петрович. Собирайтесь, и я по пути заберу Антоновича, позвони и ему, пусть собирается!
- Я уже позвонил! Он едет сюда на своей машине!
- Хорошо. Еду. Ждите, – Алексей положил трубку, минуту молча сидел глядя на невключенный телевизор. Взяв с подноса остывший голубец, съел его за два приема, с сожалением глянул на так и неначатую бутылку водки. Вздохнув, поднялся и уже через полчаса его УАЗ остановился у гастронома. Издали заметил табличку «закрето».
- «Наверное, обед уже, ладно» – успел подумать, как двери открылись и на крыльечке магазина появилась Лена в фирменном магазинном халатике. «Как же она хороша!» – с удовольствием разглядывал приближающуюся Лену, подумал и вышел навстречу из машины.
- Ты куда, Алексеевич? – Лена озабоченно оглядела его камуфляж, а он вспомнил о включенной стиральной машинке в ванной.
- Ах, черт, – пробормотал про себя.
- Ты чего, Лёша?
- Я забыл в машинке шмотки, неохота возвращаться, а придется.
- А ты куда? На охоту? В рейд? – глаза её широко открытые и удивленные, смотрели по-детски наивно и по-взрослому беспокойно.
- Я еду на работу. Позвонили. Ночь буду в лесу, а там машина, я забыл.

- Леша, может... если хочешь... ну, я схожу.
- Там у меня автомат. Тряпки только достать надо, а то я не знаю, когда приеду – затухнут.
- А ключ?

Алексей заулыбался, взял ее за плечи:

- Ключ под резиновым ковриком. Я кирпичи не нашел.
- Я прямо сейчас схожу, разберусь. Едь, если так надо.
- Я ж тебя звал. А ты что сказала? Не могу. Говорила?

– Ну, а сейчас у меня причина!

– А то, что я просил – не причина? Вот сейчас поцелую при всех – что будешь делать, причина?

– И не вздумай! И так они уже шепчутся.

– А мы, что – дети? Или у кого-то спрашивать буду?

Лена потупилась:

– Ты женатый. Не надо, Леша! Не надо!

А он все же прижал ее к себе, поцеловал прямо в губы, сел в машину и уехал, оставив ее в изумлении у крыльца.

Болохин, Антонович, Пырков уже ожидали в полной готовности. Загрузили флажки, забрали рюкзаки и через полтора часа прибыли в лесничество, где лесник-охотник рассказал, что выследил следы волков, которые где-то на болоте живут, видимо там логово, потому, что он уже несколько раз слышал в той стороне вой, и на днях волки загрызли подсвинка, и следы опять ведут в болото. Алексей развернул карту, лесник быстро сориентировался, показал на карте кварталы, о которых только что говорил. Алексей карандашом стал чертить линии, подробно расспрашивая лесника обо всем, что только могло представлять информацию: во сколько слышал вой и где; какая была погода; где видел следы и какие они: круглые или продолговатые, видел ли, может, следы волчат; видел ли подранный когтями мох, землю; пугают ли волки домашний скот; где были и пропали, ушли косули, кабаны? Опрос занял почти час, в результате у Алексея сложилась картина, относительно места логова волков. Это участок около десяти квадратных километров в моховом болоте на границе его хозяйства, куда егеря редко навешивают. Егеря молча и сосредоточенно слушали разговор охотоведа и лесника, изредка курили и перешептывались.

– Ну что, мужики? По коням? – Алексей еще раз оглядел карту, сложил ее в планшет.

– Едем, Антонович, прямо на Глиницу. Помнишь то урочище?

– Чего бы я его не помнил? Сколько раз там висел «на мостах».

– Погода сухая, может, прорвемся. Все берите по станции, буду вабить сегодня ночью.

На месте разберемся, кто и где будет сидеть на подслух.

– Меня возьмите, – запросился лесник, – я еще ни разу логова не брал.

– Поехали, Дмитрич, поехали. Тесновато будет, но ладно, лишним не будешь, – Алексей похлопал по плечу обрадованного лесника, – только давай, быстро собирайся – десять минут тебе и не забудь сало захватить.

– А сало навшта? Хиба волков манить?

– Нет, Дмитрич. Сало для других целей. Бери и не жалея.

– Добра, добра – подтвердил Дмитрич, подставив ухо что-то хитро шептавшему ему Антоновичу, – ага, понял, понял, зраблю!

– Антонович, ты что там уже вымышляешь? За рулем сегодня и завтра ты, имей в виду! – Алексей уловил хитрый взгляд шофера.

– А я что, Алексеевич? Я всегда готов, да вот комары жару дают, грызут, противоядие надо бы! А до утра прочухается!

– Никаких сегодня «противоядий», – открыто оборвал охотовед, – завтра, другое дело, и то – будет видно. Поехали!

Пыля по песчаным дорогам, разбрызгивая невысохшие лужи, нагруженный УАЗ ползет к намеченной цели. Солнце уже начало скрываться за верхушками деревьев, когда бригада охотников прибыла на место. Дальше на машине уже не проехать, а время поджимает. Захватив с собой катушки с флажками, бригада двинулась вдоль болота. В одном месте лесник показал на кабаньи лежки недельной давности и место, где волки загрызли подсвинка. Об этом свидетельствовала только рассыпанная по изодранному мху рыжая и черная щетина кабана и недоеденный копыт.

Здесь Алексей достал свою карту, сориентировал ее по компасу, оглядываясь по сторонам, задумался на минуту, подошел к кромке болота и, постояв там в тишине и в одиночестве минут десять, вернулся к ожидающей его бригаде.

– Так, мужики, – полушепотом начал он инструктаж и указывая рукой точку на карте, – мы находимся вот здесь. Вон там, – он указал на островок деревьев в болоте – остров. За ним есть еще один. Я полагаю, что логово на втором острове. На первый остров пойдет самый опытный – Болохин Саша. Сядешь так, чтобы ветер был на тебя со второго острова и на болото не выходи из-за деревьев. Сидишь тихо до четырех утра. В четыре я буду вабить второй раз. Первый раз завою около полуночи. После четырех ты, Саша, в любом случае останешься на острове, но перекрой путь от леса ко второму острову. Если будут идти отсюда волки, они тебя не увидят, не учуют! С номера я тебя сниму лично около шести утра. Все включают радиостанцию только в пять утра ровно. Кто не включит, мы будем знать, что у него что-то на виду. Всем сидеть тихо, стрелять только в исключительном случае, на сто процентов добычи.

В полночь я буду вабить с поляны на Микитовом лугу. У меня ПНВ, если волк самец где-то будет близко, он обязательно придет на поляну меня прогнать. Там я его и замечу. Если выстрелю, волчица сразу уйдет на логово, она далеко сейчас не уходит. А в четыре я завою волком. Должна коротко отозваться волчица или волчата. Если никто из взрослых волков утром не отзовется, я дам вабу волчицей, тогда точно отзовутся щенки. Саша ты их обязательно услышишь. Вот и весь расклад. Сейчас ветер с болота на нас. Значит, волки на охоту пойдут на ветер, т. е. отсюда в сторону железной дороги и реки. А обратно кругом будут возвращаться здесь. И пойдут на «Сашин» остров или на Мишу, которого я усажу отсюда метрах в трехстах. Антонович сядет на перекрестке квартальных линий, где они отмечают свою границу. Тоже смотри ветер! А я и Дмитриевич пойдём по полукругу на поляну, Микитову, как ее здесь называют. Там их, волков, путь где-то в середине их маршрута, то есть они там будут около часу ночи. Флажки бросаем здесь. Рации давайте проверим. Патроны, документы, оружие...

Все молча и сосредоточенно выполнили указание. Проверили оружие, патроны, документы, фонари, рации. Всё, как всегда, в порядке. На месте остался один Болохин, все остальные бесшумной цепочкой скрылись в подлеске. Болохин, постояв несколько минут, откатал сапоги и по воде меж кочек пошел к первому острову, предварительно зарядив и поставив на предохранитель ружье. Вскоре вышел на край острова и по кромке обошел остров справа до выступа в болото, выбрался на сушу, осмотрелся. Второй остров находился в полукилометре и угадывался по верхушкам старых елей, торчащих над чахлым сосняком верхового мохового болота. Пройдя метров сто вглубь острова, наткнулся на старый волчий помёт: черная, с шерстью косули, «метка» говорила о близости логова. Волки у логова не гадят, уходят на двести – триста метров. Болохин это отметил в уме, вернулся на свой клочок и приготовил место себе для засидки на всю ночь. Для этого пригодился старый пенёк с пышной моховой шубой, окруженный густыми зарослями папоротника. Убрал из-под ног сучки и шишки, достал бинокль, фонарь из рюкзака, глотнул крепкого кофе из термоса. Рюкзак поставил на пенёк. Сел, встал несколько раз, тихонечко сломал несколько стебельков рябины, мешавших обзору, особенно в сумерках. Решив кемарнуть, пока суть да дело, лег прямо на траву у пня, засунув руки в рукава бушлата и накинув наглухо капюшон на голову: до полуночи еще больше двух часов; ветер на второй остров от него – зверь не пойдет оттуда; а с леса не должен: там много следов

и запахи еще от их присутствия остались. Можно смело поспать час-два, сбить сон на ночь. Вездесущие дрозды весело и задорно обозначили заход солнца, одинокий бекас «проблеял» несколько раз и стих. Что-то мелкое прошуршало совсем рядом – мыши обеспокоены появлением нежданного гостя. В полудреме Болохин жестко терся щеками о стенки капюшона: комаров он жестоко ненавидел, в отличии от последних, которые норовили пролезть в каждую щелку, чтоб не только укусить и насытиться его драгоценной кровью, но и хотя бы позлить его своим ужасным пискком... Мазаться или опрыскиваться каким-либо репеллентом категорически запрещено. Где-то далеко громко треснула ветка. Наверное, лось мечется. Над головой просвистел крыльями селезень кряквы. Самке сейчас не до полетов – утята. Незаметно пролетело время, и Болохин сквозь щель капюшона заметил, что уже совсем стемнело – пора вставать. Тихонечко встал, всполошив дремавших на рябине пичуг. Огляделся в бинокль – все тихо. Снял с предохранителя ружье и затих. Сидеть придется долго. Очень долго: всю ночь до рассвета. Опять в лесу треснула ветка, а где-то совсем далеко раскатисто рывкнул самец косули. И вновь тишина. Совсем стемнело и уже в десяти шагах ничего не видно. Вдруг со стороны второго острова явно донеслось злобное тьяквань-подвзвизг. Сначала подумал, что показалось, но снова явно и отчетливо послышалось повторное взвизгивание. В ночном лесу, среди болота, на острове! Сразу стало жарко, руки вспотели. Болохин ни разу не искал логова, не забирал волчат. А сейчас, дважды услышав тьяквань и взвизг не-то собачат, не-то волчат, опешил. Тревога, волнение, мелкий озноб пронзили и тело, и мозг одновременно. Сон, как рукой, сняло. Ох, это таинство дикой природы! Где-то цивилизация, где-то войны, где-то свадьбы, любовь. А тут! А тут дикая жизнь: как была сотни тысяч лет, так и осталась. Волчата, оставшиеся без опеки родителей – голодные напуганные, холодные. И грызутся меж собой, кусаются и визжат. Вот они! Болохин в очередной раз удивился и порадовался прозорливости, интуиции, опыту и чутью охотоведа Алексея. Не ошибся, хотя здесь был, может, раз, может, и два. Вот молодчага. А раз волчата грызутся – они одни. Взрослых волков с ними нет. Они на охоте! И здесь не проходили. Пошли по кругу под ветер, как и предполагал Алексей. Значит, они где-то у реки по пути к Микитовой поляне, где сидит с карабином Алексеевич.

Вдруг ночную тишину леса пронзил далекий протяжный высокий вой. Так воеет переярок: молодой одинокий и голодный волк. «Мурашки» побежали по телу у Болохина. Он знал, что это Алексеевич, но совсем оторопел от услышанного воя в ночном лесу. Спустя секунд десять, где-то в той же стороне завыл еще один волк, потом еще. Завыли, запищали, затявкали волчата. Болохин думает, что сердце сейчас выскочит из груди от этой ночной симфонии. Внезапно волчата смолкли, и до Болохина донесся низкий голос волка, резко оборвавшийся на подъеме. Все затихло в ночном лесу. Видимости – ноль даже в бинокль. Лягушки, и те затихли.

Выстрел заставил Болохина вздрогнуть. Хоть и ждал он его. Резкий, раскатистый, изда- лека отраженный эхом от тысяч деревьев, он показался оглушительным, хотя и прозвучал в нескольких километрах от охотника. И вновь тишина.

«Ну, Алексеевич! Начал!» – думал Болохин, не переставая дрожать от возбуждения и волнения. Через полчаса возобновили свою монотонную песнь лягушки, где-то ухнула сова, и вот явно Болохин услышал всплески на болоте. Всплески легкие, ночные, бесшумные приближались к острову со стороны леса. И дрожь, и учащенное сердцебиение, и дыхание: все исчезло, превратилось в слух. Тьма июньской ночи не позволяла видеть чуть дальше вытянутой руки. Шаги приближаются, и Болохин замер с ружьем у плеча, не зная, как быть. Светануть фонарем нет смысла, брать бинокль – тоже. Он замер, пропуская мимо себя буквально где-то в пятидесяти шагах осторожное и быстро передвигающееся животное. Он представляет, как волк или волчица прыгает с кочки на кочку, изредка попадая в воду, он сжимает ружье, но, сколько не вглядывается, ничего не видно; зверь уходит ко второму острову. В стволах картечь: сыпануть на звук, и все дела – зверь ляжет! Но нельзя. Табу стрельбы на звук уже в крови, при любой ситуации. Даже по неясно видимой цели Болохин стрелять не будет. Дис-

циплина и строгое выполнение инструктажа по техники безопасности побеждают азарт, волнение, охотничью страсть. Сердце вновь возвращается на место, появились пропавшие куда-то комары. Шаги, прыжки, плеск стихли. И вдруг ясно услышал с острова грызню волчат и одинокое тьякканье; так же все и стихло. Болохин точно понял, это мимо прошла волчица. А, может, и волк. Он знал, что Алексеевич не промахнется из карабина с прицелом ночного видения. Сразу стала ломить спина, заболели ноги в резиновых сапогах, еще больше «загорелись» руки и лицо от укусов комаров. Но нужно сидеть до утра. Она, если это была именно волчица, может вернуться, может своим же следом повести волчат. А может, по ее или его следам пойдет еще один волк. И Болохин сидит, вглядываясь в непроглядную темень. И вот уже забрезжил рассвет, появились очертания деревьев на болоте, протянул вальдшнеп где-то на опушке леса. Наступило утро. Радию не включил, знал, что где-то в пять утра будут вызывать, а раз он не отвечает, значит у него «что-то есть». А есть – еще как есть! Настроение улучшилось. Не отрывая глаз от болота, осторожно глотнул уже остывающий кофе. Все внимание сосредоточил на соседнем острове. Вот глухарь-одиночка мелькнул черной тенью среди деревьев острова, вот сойки затрещали на соседнем острове. Очень хочется включить радию, послушать как там дела. Но сейчас ничем нельзя выдать свое присутствие. Вот бы догадался Алексеевич сразу с флажками прийти. Обтянули бы весь остров, а потом занялись бы поиском логова.

Словно откликом на его мысли, послышался всплеск шагов со стороны леса. И тут же он увидел цепочку охотников, быстрым шагом идущих к нему. Он встал на затекшие ноги, и охотники сразу заметили его издалека. Замыкающий колону егерь Пырков махнул ему шапкой, а вот у Алексея на шапке Саша разглядел еловую веточку: «Все-таки добыл Леша волка», – немного ревниво подумал, разглядывая его сосредоточенное лицо в бинокль. Где-то недоброволю «зачуфыкал» самец тетерев, явно не одобряющий появление здесь, в его вотчине, людей. В лесу кукушка начала кому-то наивный отсчет чего-то.

– Ну что? Можно поздравить? – Болохин, протягивая руку, спросил у охотоведа.

– Да, Саша! Матерый есть. Волчица не показалась. Ты не видел?

– Слышал, Леша! Я тут такого наслушался, – и он подробно рассказал Алексею о проведенной ночи.

– Все почти ясно, – так же шепотом объявил собравшимся кругом охотникам Алексей. – Будем вслепую обкладывать флажками вон тот остров. Опять я с карабином останусь здесь. Мне будет удобно стрелять на открытом пространстве. А вы быстро обходите слева и справа остров и развешивайте флажки. Снега нет, потому высота нитки – пояс. Тяните больше по открытому, траву притаптывайте. Начинайте с торцов этих двух мысов, а проход ко мне загородите последним. Волчица напугана. Услышит вас – сразу уведет волчат. У нее два пути отхода: под ветер к реке и своим следом через меня. Сразу отрезайте ей от реки, если пойдут на меня, я их не пропущу; здесь как в тире. А когда обложим, я подойду, и все вместе будем решать, как брать логово. Всё мужики, время против нас. Вперед...

Охотники также максимально бесшумно направились к острову и, не дойдя метров сто до него, разделились и двумя парами, с катушками за плечами, стали обходить остров с разных сторон. Дойдя до острых углов острова стали растягивать флажки и скоро исчезли из вида. Алексей забрался на вывороченный корень старой ели и стал всматриваться в противоположный остров через увеличивающий прицел карабина. Пока все идет по плану. Волчица у логова с волчатами. Наступающий день на руку охотникам: она, в случае чего, неохотно будет срываться днем от логова. Через час охотники вернулись к началу размотанных флажков и затащили последнюю прореху. Оклад закрыт. Нужно идти.

Алексей слез с дерева и, не таясь уже, пошел к острову. Вспотевшие, явно уставшие охотники улеглись на сухом взгорке, пригрелись в лучах взошедшего солнца. Выглядят все уставшими, опухшими от укусов, разомлевшими. Лесник Дмитриевич вообще храпит и сопит во сне. Алексей подошел, улегся на траву. Тело действительно ноет от усталости. Рабочий день

впереди. И до машины еще топтать километров пять отсюда. Но... Надо вставать. Волчица уже точно ищет выход из флажков, волчата еще не боятся: просунуться под флажками, и ей ничего не останется делать, как, млея от страха, лезть под бесконечно страшные, смертельно опасные для ее сознания флажки, пахнувшие человеком. Проверять, правильно ли егеря развесили флажки, уже нет ни сил, ни желания.

– Подъем, мужики, – негромко скомандовал Алексей. – Ну, что? Где у нас настойка допинга?

– Так, Алексеевич, в машине, я не брал своего рюкзака! – Дмитриевич, как и не спал, растерянно развел руками.

– Ну и ладно. Вот мой термос. Здесь чай с чабрецом и зверобоем. Давайте по глотку, а я пока подумаю, как лучше нам сработать...

Егеря по очереди хлебнули из крышки термоса горячего чая, и Алексей уже принял решение.

– Я и Болохин пойдем внутрь искать логово. Если найдем – потрубим в стволы, тогда всем включить рацию. Я скажу, что делать дальше. А пока, Антонович, расставьте на номера. Вы вдвоем с Мишей прикрывайте отход здесь у болота на первый остров, а Дмитриевич, знающий эти места, пусть идет в тыл и станет там где-нибудь на пути к реке, где волки шли сегодня, то есть вчера с вечера. Ясно? Оружие зарядить картечью. В первую очередь стрелять волчицу. Пошли, Петрович, лопатка у тебя с собой?

– Да, я всегда ее ношу.

– Ну и хорошо. Пошли.

Они углубились в островную чащу. Бурелом, ветровалы, непролазные заросли малиника, высокая трава с папоротником на более или менее открытых участках, по колено и даже выше кустики черничника, вперемежку с багульником: остров встретил их неприветливо. Кое-где все же опытный глаз следопыта находил примятую траву на тропе, кое-где своеобразный помет, кое-где конкретный отпечаток волчьей лапы. Вдруг раз за разом раздалось два выстрела в противоположной стороне острова и какой-то крик.

Алексей немедленно включил рацию:

– Я «Жасмин», я «Жасмин»! Кто слышит, ответьте!

– Алексеевич! Я «Жасмин-1», – он услышал взволнованный голос Антоновича. – Вы стреляли?

– Нет! Скорее всего, лесник. А кто кричал?

– Не знаю! Но где-то тоже в его стороне.

– Вот черт, – ругнулся вне радиозфира Алексей, – Антонович! Снимайтесь с номеров и идите туда срочно. А мы отсюда, с центра, тоже идем к вам. Конец связи...

Они бросили поиски логова и напролом пошли на выстрелы. Вскоре, выйдя на край острова, заметили всех егерей что-то бурно обсуждающих и явно ругающихся. Алексей и Болохин подошли ближе.

– Ну, все, Алексеевич. Просрал лесник волчицу вместе с выводком. Заколдовала она его, мать его в душу! – Миша Пырков смачно выругался, показывая пальцем на смущенного лесника.

– Что здесь происходит? – Алексей строго уставился на всех охотников, – Дмитриевич, говори!

– А что говорить, Лексеич. Все равно никто не верит, – лесник в сердцах махнул рукой.

– Говори мне, Дмитрич. Я поверю.

– Ну так вот. Сижу я вот на том пне за флажками. Слышу, что-то сзади хрустнуло. Оглядываюсь – глаза! Не глаза, а глазища! Вот сейчас у меня перед глазами они стоят. Вот тебе крест, Алексеевич, я всю жизнь охочусь, а такого не было! Вижу: в пяти шагах от меня глаза и зубы желтые. Меня и парализовало. И что ружье в руках – забыл! Все мышцы свело, волосы

на голове дыбом стали. И эти глаза прямо меня жгут огнем. Сколько так было – не помню. А потом опомнился – нету глаз. Я шевелиться начал, а руки и ноги, как вата. Не слушаются. Тогда гляжу – по болоту волки идут. Далеко уже от меня, вон, около той коряги, – он махнул рукой в сторону коряги без коры, торчащей из болота более чем в ста – ста пятидесяти метрах от них, – так вот. Вижу: впереди шесть щенят прыгают по кочкам, за ними облезлая волчица, хвост меж ног. Прыгает и в мою сторону оглядывается и, вроде, как улыбается, скалится, значит. Вот я со злости и выстрелил по ней два раза. Да только картечь по воде секанула около них. Брызги полетели, видел сам. Заговоренная она, Алексеич, заколдованная... свят, свят, свят... – перекрестился он опять, – вот такие глазищи! А там, облезлая вся, невылинявшая. Вот такие дела, Алексеич. А они вон драться лезут, говорят, что с бодуна я. Я с вами уже второй день – и ни росинки, кроме чая. Чего они, Алексеич нападают?

– А и правда, мужики, чего напали на человека? Кто из вас видел вблизи волчьих глаза? Никто? А глаза волчицы? Тоже никто? И не дай вам Бог, хлопцы, увидеть глаза дикой волчицы ближе десяти метров!.. Я видел, поэтому и говорю. Помоложе я был. Тоже вот так, только зимой, оклад флажками поставили. Тоже вот так сидел, а волчица сзади подошла неслышно и стала. Пока я под ее гипнозом сидел, раненый волк и переярок ушли под флажки, а она у меня на глазах – за ними. И ружье заряженное у меня в руках, и спиртного, вы знаете, на охоте не беру. Только, когда следы по снегу опытные охотники увидели, то и подтвердили: загипнотизировала меня волчица.

– Алексеич! Вы же биолог! Разве может животное человека загипнотизировать? – Миша Пырков не мог простить деду его оплошности.

– Может, Миша. Не любой зверь и не любого человека. Но страх за жизнь для всех одинаков. Волчица спасает свою семью и готова броситься на человека. А природа ей шепчет: «Человек. Нельзя. Табу». А человеку природа шепчет: «Замри, не шевелись. Иначе – смерть!» Ясно? Вижу, не понял ты, Миша? Инстинкт выживания заложен в мозгу у всех. И в данном случае – вам пример! Чтобы выжили волчата, волчица готова была пожертвовать собой, нарушить Закон неприкосновенности человека, данный ей Богом при сотворении. И жизнь её волчат ей дороже собственной жизни и дороже Закона Природы, то есть Закона Божьего. Ну а человек? Здесь сработал тот же закон сотворения. Хочешь жить – не дергайся. Это, мужики, свыше! Материнский инстинкт и инстинкт самосохранения. Кто говорит от Бога, кто – от Природы. Теперь ясно? Это одно и то же!

– Ясно-то, ясно, Алексеич. А теперь из-за этого инстинкта и волков упустили, которые пол-леса сожрут, и флажки сматывать, до машины тащить, его еще в деревню везти. А сил уже нет!

– Всё у нас есть, Миша! А вот флажки сматывать не будем. Завтра я позвоню лесничему. Или сегодня. Он отправит сюда пару-тройку лесников во главе с Дмитричем. Они и флажки снимут, и логово отыщут. Нам это логово еще пригодиться в будущем. А пока пошли к машине, скоро уже и обед, и правда, пора домой.

Усталые, к обеду они добрались до машины. Болохин первым делом осмотрел матерого волка. Худой, невылинявший, с черным от запекшейся крови пятном на лопатке и вывалившимся сквозь желтые клыки языком, он и в таком виде вызывал уважение и поклонение перед своей мощью, хоть уже и бывшей. Петрович приоткрыл пасть волку:

– Ого, Алексеич, трофей на серебро, сто процентов, тянет!

– Я смотрел, Саша. Да, на серебро точно, может, и на малую золотую. Завезем в город, я отдам одному человеку, он и займется трофеем.

– Алексеич, это я не к тому!

– А что еще?

– А проставляться, кто будет за такую красоту?

– Куда я денусь, поехали до магазина.

– Поехали!

Они забросили тушу волка в «собачник» и тронулись в молчаливом, усталом и сонном встряхивании на бесконечных ямках, ухабах и выбоинах.

Домой Алексей приехал уже при свете фар. Антонович остановил машину у самой калитки.

– Все, Антонович. Устал, как конь. Завтра – день в конторе. Заедь за мной поутряне.

– До завтра, Алексеевич. Отдыхайте. Я буду, как всегда, в полседьмого.

– До завтра...

Устало добрел до двери. Ключ под ковриком. Не стал его доставать. Открыл дверь своим ключом, вошел в дом. Бросил в шкаф форму и в одних трусах прошел на кухню. На столе стоит в вазе букет цветов с его клумбы, на стульчике – стопка выглаженной одежды. Улыбнулся. На душе стало тепло и уютно. Включил колонку, долго отмокал в горячей ванне, и уже после контрастного душа усталость совсем исчезла. Легкость, тепло, уют, цветы на столе. Открыл холодильник, не разогревая, съел несколько кусочков мяса. Хлебнув холодной водки из кружки, потому что так вдруг захотелось именно из кружки, почувствовал, что сил осталось только подняться по лестнице до спальни. Медленно добрел до кровати, развернул одею и провалился в сон

* * *

Не дозвонившись домой Алексею, Сидорович позвонил в приемную лесхоза и попросил секретаршу о том, чтобы она, если появится охотовед, обязательно передала ему, чтобы тот срочно приехал к нему домой, т.к. в лесу завелись злодеи. Бросив трубку, постоял в раздумье, отвязал коня и, усевшись на возу, направил коня к магазину. Не доехав до магазина, все-таки свернул заглянуть: стоит ли браконьерский УАЗ? Ворота плотно закрыты, но во дворе слышен оживленный разговор. Остановив коня, Сидорович прислушался.

– Ну, прощаться не буду, – лесник узнал по голосу Костика Алексашкина – коммерсанта из города, которого недавно, как писали в газетах, судили за браконьерство. Много штрафа заплатил Костик, об этом долго судачили в деревне. И вот, похоже, вновь за свое взялся!

– Там заедь, Костя, в делянку возле маяка. Там лось, лосиха и два лосенка живут. С твоим винторезом ты легко их посчитаешь. Потом, если что, заедешь, я пособлю, – это уже говорит хозяин дома, узнал лесник, подойдя ближе к калитке.

– Открывай ворота, поехал я. Лосятины как раз не достает к свинине. Хороший фарш получится на колбасу! Надо бы вчера проехаться, да пропьянствовали здесь с тобой. Ладно, поехал я, открывай...

Не успел Сидорович отскочить – калитка распахнулась и в проеме показалась отекая физиономия хозяина. Взглянув на лесника, сходу заорал:

– А ты что здесь пасешь, старая колода? Подслушивал? Костя, -кликнул он во двор, – иди, глянь на чудо! Общественный инспектор явился и ухо клеит!

На улицу вышел Алексашкин в камуфляже и незнакомый мужчина, тоже в камуфлированной форме.

– Вот тебе и раз! Сидорович! Какими судьбами? Может, зайти хочешь или сразу тебя здесь на улице загасить, старый черт. Ты что, опять стучишь своему охотоведу?

– Ничего и никому я не стучу, а ты аккуратней со старшими, пацан. Я тебе не то чтобы в батьки, в деда гожусь!

– А что ж ты, дед, под калиткой тусуешься? Что тебе здесь надо?

– Я ни у кого не спрашиваю, где мне ходить, ясно?

– Давай, дед, вали отсюда, пока я тебя и коня твоего в фарш не перекрутил, ясно?

– Как ту свинку, что вчерашней ночью на горохе убили. И поросенок без мамки оставили? Так?

Алексашкин оглянулся:

– Ты что несешь, гнида? Какую свинку?

– Такую! Я видел следы. Это твой УАЗ, что стоит вон там, в сарае, только вы никак нажраться не можете! Кишкoblуды! Хотите красть – крадите! Вам закон не писан, и я вам не указ. А чего в лес претесь? Лес – это общее. А кто из общего крадет – тот крыса. А вы хуже крысы. Матку подсосную убили и жрете. Как она вам в горле поперек не стала! Только что водкой запили, чтоб не подавиться, ироды. И не вылупливайся на меня. Будет и на вас управа! Мало заплатил? Так вообще в тюрьму сядешь, и там у тебя и спросят, что ты на воле делал, с чего жил, чем кормился? Будет тебе и там жизнь, увидишь!

– А ты меня жизни будешь учить, ты меня пугать вздумал, прихвостень лесхозовский? Ну-ка пошел вон, козел, пока тебе на месте голову твою дурную не открутил и собакам своим не скормил, – замахнулся на деда Алексашкин, но его удержал хозяин-пасечник...

– Подожди, Костя. Ну, мелет старый, пусть и мелет. Пусть брешет себе. Собака лает – караван идет. Не трогай его – сам скоро сдохнет где-нибудь в лесу. Или дерево на него упадет. Ехал бы ты домой, Костя!

Они вернулись во двор, затворили калитку. Сидорович постоял, сел на телегу и дернул вожжами, повернув коня к дому.

«Вот Леша приедет – все ему расскажу. Я вас, сволочей, начисто поставлю, я найду на вас управу!» – бормотал он, подгоняя коня. Сердце сильно защемило. Приехав домой, выпил валерианки, прилег. Хозяйки дома нет, с утра на велосипеде уехала к родственникам в соседнюю деревню. Проснулся от сигнала машины.

«Наверное, Леша приехал», – обрадовался старик.

Взяв на руки спавшего в ногах кота, вышел на улицу. У калитки стоит незнакомая машина – большая, черная иномарка.

«Что это еще за гости?» – тревожно мелькнуло в голове.

Вышел из калитки. Стекла в машине такие черные, как и сама машина. Вдруг двери распахнулись, и из машины выскочили шестеро молодых парней.

– Ты, дед, вчера на гороховом поле на коне ездил?

– Я ездил, а что?

– А то, дед, что у нас там пропала коза.

– Я не видел там никакой козы, о чем вы?

– А вот мы знаем, что козу нашу ты, старый пердун, стырил. А на других людей стрелки переводишь. Было такое?

И только тут Сидорович обратил внимание, что номерные знаки на машине обмотаны тряпкой.

«Костик бандюг подослал», – пронеслось в голове.

– Ты, дед, слишком много знаешь и слишком много болтаешь. А живешь на отшибе. Как ты думаешь, быстро твоя хата сгорит? Не знаешь, молчишь? А вот мы сейчас проверим...

Один из парней вытащил из машины канистру, пнул ногой калитку и вошел во двор, не обращая внимания на заходившихся в лае собак. Облил стены дома содержимым канистры, и до лесника донесся запах бензина.

– Что делаете, ироды. Я же вас сейчас перестреляю, сволочи. Отойти от хаты!

– Перестреляешь? Чем? – один из бандитов подошел к леснику. Схватил у него из рук кота и, зажав за задние лапы, ударил того головой о столб. Швырнул к забору мертвое тело с окровавленной головой.

– Ты хочешь, чтоб и тебе так сделали? – он подошел к деду, подставив ногу, ударил в грудь. Сидорович упал.

– Сегодня мы твою хату сжигать не будем, но если ты еще раз нашу козу тронешь... мы тебя, дед вместе с твоей бабкой в этой хате самих зажарим. Ты понял? Седи, старый, дома и наслаждайся жизнью. И не лазь по чужим дворам, и не вздумай жаловаться, а то... – он достал из кармана зажигалку, – чирк... и все, дед. Пожалей свою бабку. Еще раз «стуканешь» – пеняй на себя. Будет как этому коту... – они заржали, сели в машину и уехали.

Сидорович долго лежал у калитки, поднялся, вытер слезу, подошел к мертвому коту. По небритой щеке опять покатила слеза.

«Скоро хозяйка твоя придет. Что я ей скажу?.. Скажу, что сошел в другую деревню? Скажу, что видел тебя там на ферме? Попереживает и успокоится. Ничего ей рассказывать не буду», – решил дед, разговаривая над котом.

Взял во дворе лопату, поднял кота, ушел в дальний конец огорода и закопал у забора. Сравнял землю, чтоб не бросалось в глаза. Слез уже не было. Застыли они солью на морщинистом лице, застыли болью в выцветших глазах, застыли добавившейся сединой в путавшейся шевелюре...

Александровна приехала уже в сумерках.

– Дед, а что-то у нас во дворе бензином воняет?

– Это не бензин. Я хату обмазал маслом отработанным, чтоб шашень¹ не грыз.

– Чего ты сегодня какой-то захворалый, а? Никак приболел? Говорила тебе, не мотайся ты день и ночь по белу свету. Сидел бы уже дома на печи. Нет, нейметса ему...

– Александровна, – ласково обратился он к ней, – как помру, с кем будешь ругаться?

– Ай... помру! Я первой тебя помру! Пошли-ка спать. А где-то кот наш запропастился?

Что-то нету «хозяина».

– А где ему быть? Я сегодня, вроде, как его аж на ферме видел.

– Ну, это значит дня три по «девкам» гулять будет. Весь в хозяина пошел! Правильно в народе говорят: какой хозяин – такая и скотина. Да, дед?

– Пошли-ка спать, мать. Что-то я устал. Завтра договорим.

Александровна быстро расстелила постель, исподтишка поглядывая на мужа. Тот разделся, лег и повернулся к стене и, казалось, уснул.

Но не спал Сидорович. Сжав кулаки и скрипя вставными зубами, обдумывал план. План мести.

* * *

Кормов в лесу хватало, поэтому свиноматка несколько дней не водила свое большое стадо на поля. С наступлением сумерек дикие кабаны снимались с дневной лежки и, растянувшись, бродили по лесу, болоту, собирая грибы, зеленые ягоды, вырывая из земли корни, разоряя гнезда, муравейники и мышьи норы. Приблудные поросята прижились с новой мамкой и неотступно следовали за ней. Она же ревностно их охраняла не только от пытавшихся подкрасться к ним лисам, енотовидным собакам, но и от сородичей, особенно молодых бездетных свинок, так и норовивших воспользоваться случаем, чтобы разорвать будущего конкурента как в кормовом плане, так и в плане захвата территории. Матка всегда была начеку, поросята росли и из «полосатиков» начали превращаться в рыженьких, покрытых шелковистым пухом и прорастающей черной щетиной любопытных и вездесущих неслухов. Волки больше не появлялись; люди в этой глуши тоже были редкостью. Стадо мирно осваивало лесные уголья, постепенно забывая о настоящей опасности, которая подстерегает диких животных в их мире, в их жизни.

¹ Шашень (белорусск.) – личинка короеда.

Дикие кабаны любили летом заходить на свою зимнюю подкормочную площадку, устроенную для них людьми. Егеря соорудили в лесу небольшое дощатое хранилище, в которое по осени завозили зерно, желуди, соль. Рядом с хранилищем устроен навес, под который завозились по осени отходы зерна после сортировки, картофель. До зимы картофель подгнивал, превращаясь в сладковатое лакомство для диких кабанов зимой. Недалеко от навеса стоит кормушка с сеном и вениками для косуль, еще дальше в болотине вырыт прудик, который дикие звери используют как водопой. Кабаны с удовольствием грызли соленую землю под корытом, оборудованном в спиленной осине. Летом ковырялись в остатках кормов, находя для себя там полезные добавки к своему лесному рациону. Но основным для них оставалась соль. Соли диким зверям в лесу не хватает катастрофически, поэтому они с наслаждением лакомились на подкормочной площадке и соленой землей и просоленной древесиной от разломанного ими же ящика с солью под кормушкой для косуль. Насытившись, они тут же убежали к водопою.

В этот вечер, как и в предыдущие, дикие кабаны высыпали на подкормочную площадку, едва лишь только стемнело в лесу. Свиноматка со своими поросятами замешкалась немного, отстав от основного стада. Вдруг резкий визг сначала одного, затем и еще одного диких кабанов заставил ее вздрогнуть, напрячься, готовясь к обороне; а чуть позже и вовсе, собрав всех своих соплеменников, галопом умчаться от дикого, разрывающего ночную тишину леса визга и хрипа.

Умчавшись от непонятной опасности, кабаны остановились отдышаться, прислушаться: нет ли погони? Погони не было, но еле слышный визг продолжался. Затем последовало два хлопка, и вдруг визг прекратился. Лес вновь тревожно затих. Свинья ухнула, подав сигнал всем остальным к движению. К утру стадо было уже далеко от злополучной подкормочной площадки, не дождавшись двух своих собратьев, о судьбе которых они так никогда и не узнают.

* * *

– Костян! Третью ночь выезжаем. Может, бросить эту затею. Поедем на поле с фарой, и делов-то, – закадычный друг Кости Алексашкина, – Сергей, залпом выпив рюмку, крикнул, захрустел, закусывая сушкой.

– Сегодня ночью придут. Ты видел, что следы свежие. Там матка очень ушлая. Видно, что почуяла наши следы и не пустила стадо. А сегодня никуда не денутся. Соль им позарез нужна. Придут. А десять петель, что мы установили на подкормочной – это тебе не по полю мататься, инспекторов дразнить. Тихо, мирно пара – тройка кабанов в петли влезут. Сами влезут, того и гляди...

Договорить он не успел. Со стороны подкормочной площадки раздался визг попавших в петли кабанов. Браконьеры быстро выскочили из УАЗа, захватив оружие и фонари. К подкормочной площадке подошли в темноте с подветренной стороны. Два диких кабана, визжа, дергались в петлях, сделанных из многожильного стального тросика, хватая зубами окружающие их кусты.

– Есть, голубчики. Чем бить будем, Костя?

– Давай с «мелкашки». Ты свети, я стрелять буду под ухо. По головам свети, мудака, что ты бока высвечиваешь.

Алексашкин с близкого расстояния дважды выстрелил в ослепленных мощным светом кабанов, завалившихся и захрипевших в агонии после выстрелов. Достав из-за голенища нож, Костя быстро перерезал горла еще живым зверям. Вытер нож об их шкуры.

– Классно! И тихо, и без пыли и грязи. Молодец, Костян, это ты здорово придумал!

– А что ты думал? Знаешь, сколько я бабок потерял? Наверстывать надо. Давай фляжку. За удачу!

Они по очереди хлебнули из горлышка без закуски.

– Что теперь? Машину подгонять?

– Давай, гони. Посветишь фарами, освежаем тут же. Пусть ищут, легавые, мать их. Пока они здесь появятся, лисы и воронье все растащат, а мясо в столице в кабаках уже сожрут. Ищисвищи, Алексей Алексеевич!

За час они освеживали туши, загрузили в багажник машины и к полуночи уже были в деревне. Быстро разгрузили мясо в холодильную камеру, установленную подпольно в дровнике. Забросали двери дровами, отъехали на машине к речке. Целый час ушло на мойку машины, чтоб ни кровинки, ни волосинки не осталось. Тут же на реке отмыли обувь, ножи. Ружье, уложенное в чехол, лежит в сейфе. Придаться не к чему, не то, что в прошлый раз, расслабились.

Пока сохла машина, распаковали сумку, уложенную «на речку» хозяином. Сало, хлеб, лук, яйца вкрутую, пара толстых блинов и бутылка самогона. С удовольствием опустошили бутылку. Уже собирались ехать домой, когда у Кости зазвонил сотовый.

– Да, слушаю! Понял! Кого убили? Кота? Фу, черт, ты же не пугай так. А дед не помер? Нет. Облили? Не подожгли? Ну и хорошо! От души, хлопцы, приеду – рассчитаюсь. А вы хоть намекнули, что и зачем? Ну, ясно, ясно. Все, отбой!

Обернувшись к приятелю:

– Давай, дружище за водителем в деревню, я тут посижу. Привези еще литр, есть желание и настроение. Хороший сегодня день. И ночь. Завтра можно и отдохнуть, а послезавтра повторим. Всё. Гони...

Машина уехала. Костя сел на берегу, закурил. Да, здорово его подкосил охотовед. И не возьмешь его голыми руками, гада. И связи большие, и компромата нет, и подсунуться невозможно. Но ничего. Сейчас надо деньги вернуть, заодно хорошо проработать план ликвидации охотоведа. Чтоб наверняка. С нескольких сторон. Хорошо бы бабу ему подложить. Один, зараза, живет. Может, импотент? Жена, вон, уехала. Ну, ладно. Жену, скажем прямо, спровадили мы. Думали и сам за ней махнет. Нет. Остался, сволочь. Не импотент. В райсполкоме у него есть кукла одна – люди видели ночью. Но она разведена. И они не встречаются, во всяком случае, никто не видел больше. Взятки не берет. Пьяный за руль не садится. Зарплата высокая. Замминистра – его друг, да и среди «авторитетов» у него друзья. Как же его взять, волчару хитрого. Может, подбросить домой дичь и ментов вызвать. Это – идея! Раз! Бабу подложить – два! Напоить за рулем – три! Пару жалоб от населения – четыре! А то и припугнуть еще раз. Прошлый урок ему, дуболому, не пошел впрок. Быстро оклемался. Этот вариант надо повторить, только, чтоб не убили. А то ведь спросят. Менты – нет, а Люди могут спросить. И тогда никуда не денешься. Разденешься, и по миру пустят. Нет. Этот вариант последний. А пока надо заняться первыми четвермя, да и среди егерей надо будет пошерстить, шестерку подкупить. Это тоже один из главных этапов в свержении этого набродня.

Костя встал, потянулся, выбросил в реку окурков. Поступил заказ на крупную партию дичи для столичных кабаков, а по осени просят пару сотен шкур бобра на Питер. Это уже копейка. На безрыбье и рак – рыба. Ресторан отобрали по суду. Продали, правда, его же другу: и за его же деньги друг выкупил кабачок на аукционе. Но денег дома почти не осталось. Надо работать и охотоведа надо убирать. Любыми путями, любыми средствами, иначе действительно «век воли не видать», как говорит Серега, дважды уже побывавший в зоне. Серега молодец, туповатый, правда, но бескорыстен. Покажи ему «зелень», он Алексеевича завалит без зазрения совести. Может, и этот вопрос замутить. Только как-то хитро их сравить. Серегу только на понятиях можно раскрутить на «мокруху». Это уже... «пять» или «шесть» – запутался Костя, ну все, вон уже и фары его машины светятся по лугу вдоль реки.

– Ну, что, Костя? Быстро я? Вот банка литровая, вот огурчики-помидорчики бочковые, блины и картошечка, еще теплая, лук зеленый, на грядке сам нарвал, сейчас в речке ополосну, – Серега быстро все выложил на капот машины, за рулем которой сидел «шкаф» Паша. Нелюди-

мый, неразговорчивый, но покладистый и преданный, как пес, личный шофер Алексашкина. Даже обанкротившись, он не уволил его, оставив при этом емусолидный оклад, естественно, в конверте.

– Паша, ты можешь музыку включить нам громче?

– Угу, бут сделано, ваше право, – буркнул Паша и включил на всю мощность автомагнитолу.

Водку он не пил, в пьянках и загулах не участвовал, по девкам не бегал – семьянин! Да и жена у него, хоть и маленькая, но въедливая, ревнивая, крикливая, плаксивая. Костя не заходил к ним домой из-за претензий его жены к вечно опаздывающему на ужин мужу, из-за «прихоти его хозяина-Кости».

– Слышал, Костя? Охотовед соседей накрыл с электроудочкой?

– Да, знаю. Никто же его, гада, не закроет самого!

– А это, Костян... И правда, впалду электроудочкой или динамитом рыбу долбить. Другое дело – бредень потаскать.

– Потеплеет, тебя за бредешок Леша без штанов штрафами оставит.

– Да ладно! Нашел фраера. Давай еще по сотке. Да поедем домой, Костя, холодно здесь на берегу.

– Конечно, у меня в кабаке было теплее. Да просралаи мой кабак!

– Кто, Костя, не ты ли сам барыгой заделался, жаба тебя заела, вот и прозевал ты за этой жабой свой кабачок. А хорощее, теплое место. Эх!

– Ладно, не в вывеске дело. Ты ж знаешь, что он мой. Почти!

– Ну, конечно, знаю. Только «почти» Костя, это понты. Это – «почти». Ты это знаешь лучше меня. Давай замнем, а с охотоведом мы поговорим, как ты просил. Сказал бы тогда привалить его, сейчас бы и не вспоминали. А так... Вот сейчас из-за берега хлебало свое высунет – и я не удивлюсь, Костян! Работает он. Вот завтра в кинотеатре собрание.

– Какое еще собрание?

– Охотников Леха собирает. Районное собрание, значит. В районной газетке написано. И по радио я вчера слышал утром, как он всех приглашает. Кино какое-то будет крутить. Бесплатно. Вот, Костя, значит, чем он берет. Люди к нему и тянуться. Завтра с бабами, с детками за ручку придут. А ты? А ты всех паленой водочкой травишь, да дикое мясо в котлеты-антрекоты подсовываешь. И хочешь, чтоб тебя любили? И если б не охотовед, ты депутатом бы стал. А вот он станет, посмотришь. Колхозники за него и проголосуют, не за тебя – барыгу.

– Стихи, морда пьяная! Разошелся! Поехали, Паша, все настроение испортил, оратор. Посмотрю, что ты завтра заговоришь, когда курить не за что будет купить. А воровать-то уже разучился. А меня барыгой крестишь! С чьей руки хаваешь, говнюк? А может, Паша, его пешком отправим?

– Как скажешь, шеф. Можем и притопить здесь в речке, пусть раки жрут!

– Ты еще, фраер, обозвался! «Притопит он», -обиженно засопел Серега, – смотри на дорогу и крути баранку, топила хренов.

В машине наступила тишина, и вскоре Костя и Серега уснули, пьяно толкая на ухабах друг друга плечами.

* * *

В семь утра Алексей, свежий, выбритый, уже сидел в своем кабинете. Работы бумажной скопилось, как всегда, много; кое-какие бумаги по срокам уже находились «на грани» сроков исполнения. До обеда занимался именно этими делами: отчеты, списание ГСМ, проверка ведомостей, составленных егерями, выписка разрешений на добычу диких животных, квитки по дому охотника и рыболова и многие другие важные отчетные документы привел более или

менее в порядок. Периодически отвечал на звонки или звонил сам. Несколько раз вызывал к себе директор.

Не заметил, как опустел лесхоз – все ушли на обеденный перерыв.

Антонович кашлянул:

– Алексеевич, может, я на обед отскочу на служебно машине?

– Езжай, я не пойду никуда. Чаю здесь выпью. Работы много, хочу до пяти все с большего завершить.

– Там я видел три машины с соседнего района – приехали охотники. Человек пятнадцать.

– Так пусть найдут, позови.

Антонович ушел, спустя время в дверь постучали.

– Входите.

В кабинет вошли четверо незнакомых мужчин:

– Здравствуйте, Алексеевич. Мы из соседнего района. Узнали, что у вас сегодня собрание в кинотеатре, решили тоже послушать. Не прогоните?

– Нет, конечно. А ваш охотовед Тренченков не приедет?

– Да мы не в курсе, мы сами по себе.

– Ну, рассказывайте, что у вас интересного?

Они почти целый час беседовали. Охотники жаловались, что в районе процветает браконьерство, зверя мало, цены на путевки высокие, егерей заставить работать невозможно: зарплата низкая, чуть что, сразу увольняются. Охотоведом работает бывший милиционер. Отставник.

Алексей слушал и с горечью думал: «Вот беда. Не только у нас. Почти везде серьезно власти не воспринимают проблему. И вот показатель: у соседей численность диких зверей падает из-за перебора в добыче, не учитываются добытые браконьерами звери, добытые волками, падшие по другим причинам. Учеты проводятся не на должном уровне. Сколько недаработок, а в целом все сводится к неоправданным потерям. Там зверя бьют, места обитания остаются пустыми. И мой зверь уходит на пустые площади. Так устроен дикий мир: пустующих угодий не бывает. Сколько здесь не бейся, если у соседей пусто, то будешь зверя растить и охранять для соседей, где их браконьеры и волки уже ждут.

Поговорив с охотниками, записав их адреса и телефоны, попрощался до вечера, до встречи на собрании. Очередной звонок телефона оторвал от рабочих забот, звонила жена:

– Ну, привет, солнце! Леша, ты уже совсем не звонишь, я даже не говорю, что не приезжаешь. Домой тебе звоню третий день. На работу звоню. Нигде нет. У тебя все в порядке?

– Да, вроде бы. Работы много.

– У тебя всегда работы много! А мы беспокоимся. Можно позвонить домой хоть раз в день?

– Домой, Таня, мне звонить некому, там пусто, как ты знаешь.

– Леша! Дом там, где семья. А там, где ты живешь – это не дом. Это твоя... берлога волчья!

– Таня! У волков не бывает берлог. У медведей! И то – только на зиму.

– Берлога, Леша, у того, у кого нет семьи, нет дома, нет детей, нет желания видеть детей, семью, жену, в конце концов. Вот у кого берлога, а не у медведя!

– Так, так, не кипятись. Я уже давно собираюсь приехать. Мяса приготовил. Целого поросенка. Я только немного себе отрезал. На днях привезу, не буду через людей передавать оказией. А ты чего не приезжаешь в мою, как ты говоришь, берлогу. Страшно?

– Чего-то мне страшно, Леша? Первый ли день замужем за тобой! Ты же сам сказал: без звонка не приезжать. Вот я и звоню, а все бестолку. Дети просятся к тебе, а что им скажу? Так и говорю – забыл вас ваш папка. Может, себе там уже новую жену завел...

– Ты не городи, Таня, ерунды, – прервал её Алексей, – не надо учить детей заранее иметь претензии ко мне. Пусть собираются, я завтра-послезавтра приеду, заберу с собой.

– А практика? А лагерь? А к бабушке? Я уже не говорю о том, чтобы побыть всем вместе здесь.

– А почему там? А почему не побыть вместе здесь?

– А работа моя?

– А моя работа?

– А ты, Лешенька, четыре года не был в отпуске. Мне в профком позвонить? Почему бы тебе не взять отпуск, не приехать как человеку, отцу, мужу, в конце концов, – голос ее задрожал, – приехать домой, потому, что твой дом здесь, – и она шмыгнула носом.

– Давай я приеду, разберемся!

– А что разбираться, Леша? Мы тебе не нужны, я не нужна. Я так больше не могу и не хочу. И замужем – и без мужа. Если так и будет продолжаться, я подам на развод.

– Как будет продолжаться?

– Ну ты что, не понимаешь или притворяешься, как всегда? – она все-таки зарыдала и бросила трубку. Алексей несколько раз набрал ее номер, никто не поднял трубку...

В четыре вечера приехал к кинотеатру. У входа толпились мужики в совершенно разных нарядах: кто-то в камуфляжах, кто-то в костюмах при галстуках, кто-то вовсе в рабочей одежде. Собираясь в маленькие группы, обсуждали свои охотничьи будни, смеялись, разводили, как обычно, руками, показывая, размеры пойманной «буквально вчера» щуки. Завидев охотоведа в парадной форме, как у прокурора, в фуражке и со звездочками на петлицах, притихли.

– Здравствуйте, здравствуйте, – отвечал налево и направо Алексей, проходя по холлу кинотеатра. В зале уже установили аппаратуру, позволяющую проецировать на экран фильм с видеокассеты. Фильм любительский, снятый самим Алексеем служебной камерой. Четыре поры года в охотхозяйстве. Весна... Охота на гусей, тетеревов, уток, вальдшнепов. Посев кормовых полей, ремонт биотехнических сооружений. Лето! Охота с вышек; засидок на сельхозпотравах; охота на косулю во время гона; охота на волков на вабу; открытие охоты на уток; уборка урожая; борьба с браконьерами. Осень: охота на оленя на реву; охота на кабана загоном, с собаками; открытие охоты на пушных; выкладка кормов. Зима: охота с вышек; охота на волков с флажками; учеты диких животных; подкормка диких животных на подкормочных площадках; и опять браконьеры.

Ровно в семнадцать ноль-ноль поднялся на сцену. В отличие от существующих традиций, президиум не собирал. Один сел за стол, снял фуражку и положил на стол рядом с одним единственным листиком и ручкой. Приветствуя охотников, поблагодарил их, что нашли для себя время и желание собраться здесь на эту встречу. Представил делегацию из соседнего района – по залу прошелся оживленный гул. Охотники живо обсуждали эту новость, не скрывая на лицах удовлетворение: вот, мол, у нас как! Не то, что у соседей!

Алексей попросил охотников просмотреть получасовой фильм, пока еще подъезжают и подходят опаздывающие. Когда фильм закончился и включили свет, в зале раздались редкие аплодисменты, а затем дружные рукоплескания: многие с удивлением узнали себя и на охоте, и на проверке документов, и на заготовке кормов.

Алексей рассказал присутствующим (около трехсот человек) охотникам о проделанной за полгода работе. Остановился на раскрытии шумевшего дела по браконьерству на железной дороге, не вдаваясь в подробности. Определил задачи хозяйства, рассказал о планах, ответил на все многочисленные вопросы: о заказнике, об организации зоны для выгула охотничьих собак, о выставках, о соревнованиях, о выделении транспорта для общества охотников, о ценах на охоту. Вопросы задавали до восьми вечера. Наконец Алексей поблагодарил всех за участие

в собрании и предложил оставшиеся вопросы решать в рабочем порядке у него в кабинете по понедельникам и пятницам, когда у него официальный приемный день.

Выходя из кинотеатра, охотники садились в машины, собирались в группки: ясно, что продолжение собрания они запланировали где-то в своих, только им известных, местах. Естественно, с непременно атрибутами этих «дебатов», позванивающим в их сумках.

Алексей усмехнулся: у его УАЗа стоит уже человек шесть.

– Алексеевич! Поехали с нами!

– Нет, с нами, у нас банька.

– А у нас уха!

– А у нас хозяйка холостая!

– А у нас водочка холодная!

Алексей с улыбкой всем отказал, сославшись на ждущую его жену и детей. Все сделали вид, что поверили, и огорченные, разошлись к своим машинам.

Алексей сел в свою машину:

– Поехали, Антонович, домой.

– Алексеевич. Как же? Наши егеря на озере ушицу заварили. Там Миша командует. Да и Болехин вон ждет, – он указал на Петровича, поглядывающего на машину, стоя в компании охотников.

– А кто там еще будет?

– Никого, только свои. Это ж, Алексеевич, теперь у нас в районе новый праздник – ваше собрание. Все отмечают, а мы, что, левые?

– А где рыбу взяли на уху?

– На удочку Мишка наловил, – хитро сощурил Антонович.

– Вот я покажу когда-нибудь эту «удочку». Ладно, поехали. Зови Сашу!

По пути Алексей попросил остановить у магазина. Купил бутылку водки, бутылку минералки, курить.

На берегу озера весело горит костер. В котелке варится уха, на покрывале у костра расположились егеря и охотовед. Это уже второй котелок, второй «замес» ухи. В разговоре, в основном об охоте, о работе незаметно пролетел вечер. Звездное ночное небо угадывалось над головой.

Алексей, подперев голову ладонью, наслаждается теплом костра, размеренной беседой егерей. Не вмешивается, пока они, разгоряченные внезапно возникшей проблемой, не обращаются к нему с вопросом. Отвечает, обдумав ответ, чтоб не обидеть ни одну из сторон. А сам думает о своем. Мыслей много: и попроще, и неразрешимых в данную минуту. Надо ехать в город. Надо ехать к семье. А почему-то, как раньше не было никогда, что-то держит, что-то и не очень хочется. Решил все-таки завтра на ночь уехать к семье, с тем, чтобы утром следующего дня быть уже на работе. Сам себе не хотел признаваться, что ехать-то и не особо тянет, как раньше, когда почти каждые свободные дни уезжал к семье.

Весь следующий день провел в кабинете. Закончил все возможные отчеты, подписал все акты, согласовал все планы. С утра провел осмотр всех рабочих дневников егерей, записав себе в блокнот замечания. К шести вечера, загрузив в свою «Волгу» замороженную тушу, отправился в областной центр к жене и детям.

Подъехал к дому вечером. По обыкновению соседки-домохозяйки и старушки затихли при виде его черной «Волги», внимательно проследили, как он с трудом занес на плече в подъезд «что-то большое, завернутое в целлофан», вернулся к машине, и только возвращаясь в подъезд во второй раз со спортивной сумкой, поздоровался с соседками. Когда скрылся за новыми металлическими дверями, не преминули обсудить событие:

– Наверное, целого оленя или лося поволок егеря наш! Везет Таньке: и дома, и замужем!

– Да, вот алименты платит на почте, и так деньги присылает! Мясо и рыбу бесплатно привозит! Что еще надо?

– А наши мужики – ни рыба, ни мясо, и ни грошей. Только что свои пьяные морды! И делов-то!

– Чего-то пьяные? Вон, Гришка почти не пьет. Молодец!

Так, или почти так, обсудили соседи приезд Алексея и перешли к основной теме: выборам Президента России.

Таня уклонилась от поцелуя в губы, подставила щеку. Ткнувшись носом в щеку, Алексей чмокнул, неловко взял ее за плечо и попытался обнять. Она опять увернулась:

– Ну, соскучился? Говори, изменник, как меня любишь?

– Сильно! Вот сколько, – он широко размахнул руки, показывая «сколько» и внезапно опять обнял ее, сжал в объятиях, – так соскучился, так заждался, а ты все не едешь и не едешь. Вот и приехал. Сам!

– А что привез? Если косую – неси сразу назад. Не хочу. Она сухая, готовить ее долго...

– Неет. Что надо, то и привез. А вот смотри, что детям привез! Он достал из спортивной сумки коробку, затем другую.

– Это вот Игорю: БМВ на пульте с управлением. Это Антону: новая игрушка-стрелялка, электронная приставка.

– Ну вот, Леша. И так в телевизоре весь кинескоп «посадили». Будешь новый покупать!

– Ну купим. Этот и вправду уже старый. Пора.

– А мне ты что привез?

– Тебе я привез себя! Пойдет?

Он достал из сумки коробку конфет, бутылку вина.

– Леша, Леша! Ты не думаешь, что я вино не пью. И тебе не советую. Лучше бы цветов купил. Ты когда в последний раз мне цветы дарил, а?

– Мать, я не помню. Извини. Наверное, когда из роддома забирал. Следующий раз, ладно?

– А, сколько раз обещаешь, обещаешь!

– Таня, а вот еще тебе, – он достал из кармана коробку с духами, – возьми, я не знаю, понравятся ли?

– Ой! Спасибо! Как хорошо пахнут! – она обняла Лешу и поцеловала уже в губы. – Спасибо, муж. Что-то случилось у тебя в лесу?

– Чего это?

– Ты, наконец-то, научился духи выбирать. За столько лет. Впрочем, у тебя ж учителя хорошие, да, Леша?

– Какие учителя, Таня? Я заехал в парфюмерный магазин, попросил девчат, они мне посоветовали, вот и все.

– Да? А я думала, ты сам выбирал. Эх ты, чудо лесное. Кушать хочешь?

– Вообще-то да! Я сегодня еще не ел.

– А ты когда поедешь обратно?

– Вот тебе и раз, – Алексей досадливо поморщился. – Я ж еще и не раздевался.

– Ой, Лешечка! Я не удивлюсь, если ты скажешь, что у тебя дела, и ты уже уезжаешь.

– Ты не удивишься? Я такой хам, по-твоему?

– А что? Не было такого разве?

– Таня, может, я все же пройду?

– Это, смотря насколько ты приехал!

– Это что, условие?

– Да! Если рано утром захочешь уехать, то стоит ли городить огород? У тебя телефон. Позвони и скажи, что останешься на два-три дня. Или вообще, что уйдешь в отпуск. Ты же начальник! А то не успеет приехать – сразу собирается.

– Я действительно должен быть завтра на работе.

– Seriously?

– Что в этом такого?

– Ничего! – Она отвернулась, поставила духи на трельяж, стоящий в прихожей, и пошла в зал, села на диван, включила телевизор. Алексей остался стоять между кухней и прихожей.

– Таня, а Таня! Ты рада, что я приехал?

– А ты как думаешь? А с чего мне радоваться, если ты утром уезжаешь? С чего? Приехал, отменился, переспал, как... как... с любовницей, получил свое и пока-пока.

Алексей не стал дослушивать, вышел в подъезд, закурил. Где-то в комнате слышен крик играющих детей. Сердце защемило. Очень хочется увидеть детей, но домой идти неохота. Подошел к машине, открыл дверь. Так хотелось, чтоб она вышла, подошла, обняла, позвала в дом. Что-то приготовила пахучее, вкусное. Что-то говорила бы веселое, беззаботное.

Алексей завел машину, включил передачу, медленно выехал со стоянки, медленно проехал возле подъезда, выехал на улицу. Посмотрел в зеркала – никого. Нажал на педаль газа. Через два часа он уже загнал машину во двор, закрыл ворота, взошел на крыльцо дома. Ключ лежит под ковриком. Вошел в дом. Тишина, пахнет родным гнездом, где-то наверху бормочет приемник, у соседей уже начали кукарекать петухи – приближается ранний летний рассвет, а пока еще темно. И на душе скребут кошки. Неужели так и должно быть? Куда все подевалось? И кто все же виноват во всем этом недоразумении? А в недоразумении ли? А может, все уже давно решено? Может, просто не хочет она его? Может, и любовника завела там? А почему бы и нет. Ведь и у него есть женщина. И хотел поговорить, да психанул, как обычно...

С этими невеселыми мыслями, отложив душ до утра, поднялся в спальню, разделся и сразу же уснул.

* * *

Елена Анатольевна – заведующая магазином продуктов, красивая стройная брюнетка с большими красивыми черными глазами в это утро работала у себя в кабинете. Подшивала накладные, сверяла с записями в журнале, когда услышала шум в торговом зале и крики продавцов. Быстро выбежала из кабинета в зал, где увидела страшную картину: трое молодых парней стоят у стойки с холодильником; у одного из них разбит нос, у одного пол-лица поменяло цвет с обыкновенного на лиловый. На полу зала лежат двое мужчин. Один сверху держит второго одной рукой за горло, а второй рукой выкручивает руку, лежащего внизу мужика, в которой зажат нож. Наконец, нож выпал. Верхний мужчина ударил кулаком в лицо нижнего, встал, отряхнул колени и зло бросил пацанам у витрины:

– Что стоите, щенки? Или валите отсюда, или добивайте этого, пока он вас на пику не подсадил, молокососы бестолковые.

Парни сразу же рванули к выходу, стоящий мужчина поднял ногу и сильно ударил в бок ногой лежащего на полу и пытающегося подняться мужика:

– Не вставай, баклан, пока я тебе совсем макатырку не разбил, ясно?

Тот уткнулся головой в пол, ничего не отвечая.

Стоящий мужчина провел взглядом по залу. Глаза Елены и его встретились. Сердце захолодело. Глаза этого мужчины, зеленые, злые, звериные, вдруг улыбнулись. Улыбнулись именно ей, и он подошел к ней. Бесцеремонно приподнял бейдж на ее халате и прочитал подпись:

– Так, так. С Вас причитается гражданка «директор магазина». Еще б несколько секунд, и у вас кровячки бы было. Хорошо, что я зашел курить купить.

– Что вообще тут происходит? Мы сейчас милицию вызовем, – и, взглянув на делающего попытки подняться избитого мужчину, вскрикнула:

– Девочки, вызываете милицию. Он встает.

– Не надо вызывать милицию, лучше в «скорую» звоните. «Девочки. Хм!».

Он подошел к поднявшемуся избитому, взял его за руку и ворот куртки, вывел на крыльцо и ударом в челюсть отправил последнего в полет над ступеньками. Пролетев по воздуху все крыльцо, дебошир ударился о землю и затих, не подавая признаков жизни. Прибывшая следом заведующая закричала:

– Что Вы сделали? Вы ж его убили!

– Не кричите, дамочка, а то он опять проснется и придет к Вам на разборки. Или за ножом, что лежит там на прилавке. А так, полежит-полежит, подумает за жизнь свою паршивую, встанет и уйдет. Даже не вспомнит, что был у вас в «гостях» ... Так, ладно, я пошел. Хотя я сигареты забыл купить. Пойдемте, что ли. Пусть полежит, я ему ничего не сломал, сам доберется, можете не сомневаться...

Они вошли в магазин, где их встретили перепуганные продавцы и редкие в этот утренний час покупатели.

– А кто Вы? Как хоть Вас зовут?

– Меня не зовут. Я сам прихожу. А так, я Сергей Петрович. Можно просто Серёга. А Вас?

– Меня зовут Елена Анатольевна! А вы... свою фамилию можете сказать.

– И паспорт показать! Только вечером. Вы во сколько закрываетесь? – он оглянулся на двери, – в двадцать ноль ноль! Разрешите, Елена, я вас проведу домой!

– Нет, нет, спасибо. Я сама!

– А если этот фраер придёт?

Лена замолчала, поглядывая на двери, потом, собравшись, ответила:

– Не надо меня провожать. Спасибо. Меня есть кому и провожать, и встречать. До свидания. Девочки, кто-нибудь зайдите ко мне и обслужите, пожалуйста, вот... товарища... Сергея.

Она ушла в кабинет, куда вскоре пришли продавцы с хлебного отдела и рассказали, что вот этот... избитый с ножом хотел прямо в магазине порезать своих сотоварищей. Тех, которые потом убежали. Он их бил, они хотели ему сдачи дать, а он достал нож... А потом в магазин вошёл... этот... Серёга. Он посмотрел на драку, скрутил того, что с ножом, хоть тот хотел и его ударить ножом. Всё остальное уже видела своими глазами заведующая. Она всё же позвонила в милицию. Там спросили о том, есть ли раненые, есть ли свидетели. А раз ничего этого уже нет, то и звонить, отвлекать от работы не стоит. Лена вздохнула, положила трубку, глянула в окно.

«Потерпевший» уже поднялся на ноги и, держась за забор, потихоньку стал двигаться от магазина, как обещал тот... Серёга. Ну и глаза у него, как у тигра. Хищные, жгучие, злобные – она передёрнула плечами. А вот у Лёши глаза другие. И хотя тоже такие строгие, внимательные, настороженные; с грустинкой, но добрые. И бывают ласковыми. Она не может их представить злыми. Хотя работа у него такая опасная. И звери, и браконьеры, и вообще – лес, безлюдье. Как ей хотелось попасть на то собрание, что он проводил в кинотеатре. Случайно подслушала на следующий день разговор в автобусе мужиков, наверное, охотников. Хвалили его, а ей было приятно слышать. И почему? Чужой человек, женатый. Но как хорошо с ним! Как спокойно, непринуждённо, как тепло и ласково, как трепетно и нежно... Но вот уже второй день, второй вечер она не может ему дозвониться. Звонила подружке в лесхоз, та сказала, что его на работе не было, только сегодня и появился. Обидно, что не звонит он ей. Может, обиделся за что-нибудь. Но и она больше звонить не будет. Мало ли что сама себе напридумывала. Мужики все одинаковые, а она это узнала, к сожалению, не понаслышке, за последние пять лет после развода со своим мужем – пьяницей. Все одинаковые: и женатые, и холостые обращают внимание только на её талию и грудь. А вот Лёша, казалось, не такой. Он тоже любит её украдкой, она это замечает, но он не торопит, не затягивает в кровать сходу. Хотя... Было же

у них уже один раз – целая ночь. Какая ж это ночь! Лена вспомнила, и глаза её опять повлажнели. Как ей было хорошо с ним. Она уже стала забывать, что она женщина, что и ей может быть хорошо. А с ним всё так просто, так естественно, как будто они всю жизнь вместе, как будто она рассказала ему сама все свои тайны. Ан нет. Он сам всё понял, сам всё узнал, сам всё истребовал.

Рука сама тянется к телефону. Трубку сняли, она услышала его родной для неё голос, немного с хрипотцой, немного раздражённый, немного уставший:

– Да, слушаю Вас!

Она растерялась. Что сказать? А вдруг он уже и забыл о ней?

– Алексей Алексеевич? Здравствуйтесь!

– Здравствуйтесь, извините, а кто это?

Сердце совсем упало. Зачем звонила? Что сказать? Она замешкалась, прикусив губу:

– Алексей Алексеевич! Я, наверное, не вовремя?

– Ох, Лена, Елена Анатольевна! Я тебя и не узнал, извини. Я так ждал твоего звонка.

Или, чтоб ключик у меня из-под коврика кто-нибудь забрал!

– Не обманывайте, Алексеевич, бедную женщину. Я Вам звоню, звоню, а Вас нет и нет.

– Лена, я тут двое суток мотался. Давай сегодня я тебя заберу с работы? А там по ходу решим, останемся у меня или как?

– А «или как» – это что?

– А это значит, что в любом случае я тебя подвезу домой. Договорились?

– Хорошо. Я в полдевятого обычно выхожу.

– Ну и прекрасно. Я буду на машине. Не прощаюсь и ...целую тебя, – перейдя на шёпот почему-то, ляпнул он, – целую крепко...

– И я тоже, Лёша! Пока...

Лена положила трубку. Он сегодня придет. А если бы она не позвонила, сама напросилась? Да ладно! Что в этом такого – и сама с себя засмеялась: как девчонка перед свиданием. Мы взрослые люди, и то, что он изменяет своей жене со мной – это не моя вина. В большей мере – это её проблемы. Живёт она там, в «столицах», бросила его одного здесь. Одними пельменями и пивом мужик питается, а ещё женат.

В дверь постучали.

– Войдите!

В кабинет вошёл мальчишка с большим букетом роз:

– Вы тётя Лена?

– Допустим!

– Вы здесь главная?

– Да!

– Вот Вам цветы от Серёги и записка. Возьмите!

– От какого Серёги?

– Он сказал, что Вы знаете, он сегодня с вами познакомился. Всё, я пошёл.

– Постой, постой. А где он тебя нашёл, ты кто?

– Я просто, сам себе. А он подвёз меня к магазину, дал цветы и записку, сказал, чтобы я Вам отдал. Дал мне за это денежку и уехал.

– А его точно Серёгой зовут?

– Да! Он здоровый такой, с татуировками. Он сказал, что вы его узнаете по записке.

– С татуировками, говоришь? – Лена вспомнила сегодняшнего «Рэмбо». – Ладно, мальчик, спасибо, денежку я тебе не дам. А вот мороженое попроси любое, тебе дадут. Скажи, что я разрешила.

Мальчик ушёл. Лена развернула записку: «Леночка. Я от Вас без ума. Хочу, чтоб Вы стали моей. Сергей». Круто он, ничего себе! Что за самоуверенный тип. В дверь заглянула продавщица Аллочка:

– Леночка Анатольевна. Там мальчишка от вашего имени мороженое требует!

– Запиши, Аллочка, я позже оплачу, вечером.

Хо-ро-шо! – протяжно удивилась Аллочка и бесшумно закрыла дверь.

Лена взглянула на букет, на записку. Записку порвала, а букет поставила в вазу.

Рабочий день закончился. Кассу сдали, магазин поставили на сигнализацию. Скрипнув тормозами, на противоположной стороне дорог, остановился УАЗ. Сердце учащённо забилося: приехал! Не виделись-то всего три дня, кажется, что целую вечность. Как захотелось выбежать ему навстречу, броситься, обнять, поцеловать, услышать его бархатный голос, почувствовать его запах, увидеть его и утонуть в его объятиях. Она еле-еле сдерживает себя от этих девичьих желаний. Улыбаясь, подошла к бровке дороги; Алексей, открыв дверцу, улыбается из машины.

Внезапно, стоящая поодаль иномарка, на которую Лена и Лёша не обратили до этого внимания, резко сорвавшись с места, подкатила прямо к Лене. Дверца распахнулась, за рулём оказался Сергей с татуированными кистями рук:

– Привет, Лена! Я за Вами, как и обещал. Карета подана, присаживайтесь.

Лена опешила:

– А я не заказывала карету. За цветы, спасибо, очень красивые розы. Я надеюсь, что я Вам ничего не должна?

Алексей вышел из машины и направился к ним.

– Как не должны? Я бандитов-жуликов сегодня разогнал? Вот и разрешите за это проводить Вас домой. И всё.

– Всего-то? Спасибо, не надо. За мной уже приехали, – она указала на УАЗ, стоящий напротив и идущего к ним Алексея в своей обычной повседневной форме.

– Во, блин. Где-то я видел этого прокурора? А-а! Алексеевич! Доброго Вам здоровья, охрана природы! Вы уже поправились? Говорят, что по дороге домой как-то ушиблись. Головка не болит?

Алексей уже подошёл вплотную и хорошо слышал слова хозяина иномарки.

– Здоров, Алексашкинская шестёрка. Ты за мою голову не переживай, свою побереги, а то будет синяя, как, вон, твои клешни!

– Ах ты, скотина, – Серёга выскочил из машины, схватил Алексея за отворот кителя, – щас я тебя, гнида, по кускам разорву, как падаль!

Алексей резко ударил коленом в пах на голову выше себя бандита. Тот заорал, схватился за ушибленное место и, согнувшись, полез в машину.

Алексей схватил его за одежду и потащил из машины. Заметив, что у того в руке монтировка, ударил в челюсть, а затем и в лоб. Выронив монтировку на асфальт, Серёга осел спиной к машине. Глаза, казалось, смотрели в разные стороны, а потом и вовсе закрылись. Лена бросилась отгаскивать Алексея, который поднял монтировку и намеревался ещё раз перетянуть сидящего на асфальте.

– Лёшенька, не надо, ты убьёшь его. Пошли скорее, поехали.

Алексей бросил подальше монтировку, вытащил из замка зажигания ключи, положил себе в карман.

– Лёша, зачем ты ключи берёшь?

– Надо, Лен, – он сплюнул, – будет повод завтра договорить. Поехали. – Они сели в машину. Алексей включил передачу. – Может, покатаемся, ты, помнится, просила «на природу».

– Только давай заедем ко мне. Мне надо дома кое-что. Заедем?

– Конечно! Поехали!

Дома Лена переделалась в джинсы и свитер. Выглядела она совсем юной, женщину в ней выдавала округлость форм, плавность движений, глубокий пронизывающий взгляд. Смело уселась на переднее сиденье, скомандовала:

– Поехали!

Они проехали город, за городом Алексей свернул на дорогу вдоль речки; по лугу они проехали до изгиба реки, и вскоре город вообще исчез из поля зрения. На том берегу лес вплотную прижимался к реке красивой дубовой рощей, а на этом же, пологом, берегу росли ивы, крушины, в зарослях кустов смородины и ежевики. Остановившись недалеко от берега, Алексей помог выйти из машины Лене, они обнялись. Он долгим поцелуем задержал её губы. Лена, затаив дыхание, прижалась к нему, словно желая раствориться в этом мужчине, пахнущим и дорогим одеколоном, и бензином, и сигаретами и ещё чем-то таким знакомым, родным, тёплым, близким. Они погуляли по берегу, Алексей разложил небольшой костерок. Солнце скрылось за верхушками деревьев, а на излучине запел поздний соловей, как по заказу. Так славно, так переливчато, так незнакомо, что Лене показалось, что она смотрит и слушает всё это в кино. Пламя костерка медленно поглощало сушняк, собранный Алексеем, а они сидели у костра обнявшись и долго-долго о чём-то говорили, иногда переходя на шёпот, иногда – на смех. И комары куда-то исчезли, и наползающий вечерний туман не принёс холода. Они любовались природой, наслаждались теплом костра, пением соловья и общением друг с другом. Не заметили, как наступили сумерки, почти ночь.

– Ой, Леша! Надо ехать. Я обещала быть дома до ночи!

– Ну что ж, поехали!

– А ты не хочешь меня пригласить к себе?

– Хочу!

– А почему не приглашаешь?

– Лена! Мы едем ко мне. До утра, а под утро я отвезу тебя домой, ты придёшь тихонько, на цыпочках и ляжешь. И все подумают, что ты была всю ночь дома. Идёт?

– Ещё как идёт, конспиратор ты мой! – она обняла его, прижалась щекой к его лицу, – и всё равно не хочется уезжать. Так красиво здесь, так уютно с тобой. Спасибо, Лёша, что вытащил меня из города, – и уже совсем тихо на ухо, – и за то, что ты у меня есть. Где же ты был раньше?

– Не важно. Главное, что мы и здесь и сейчас вместе.

– А потом?

– И потом вместе. Несмотря ни на что!

– Ой, Лёша, Лёша. Я так боюсь, что влюбилась в тебя.

– Разве ж этого нужно бояться?

– Да, ещё как нужно, – она отстранилась и строго взглянула на него. – Ты женат, и это главное.

– Лена! Давай об этом никогда не будем говорить, а? Пока мне нечего тебе отвечать. А дальше что будет, я и сам не знаю, не то, чтобы сейчас загадывать. Ладно?

– Ладно! Извини. Поехали.

Она ловко запрыгнула на переднее сиденье. Алексей разбросал ночной костерок, притоптал яркие угольки. Уезжать и вправду не хотелось. Но, нужно всё-таки ехать: холодно и темно. Ночь. А их ждёт такое романтическое продолжение этой ночи! Он вскочил в машину, вскоре УАЗик с выключенными фарами выполз из тумана на дорогу и уже со светом направился по шоссе к дому Алексея. Лена бережно держала в руках три веточки колокольчиков, издававших в машине свой чудесный, ни с чем не сравнимый аромат. А в ушах у неё звенит нескончаемая трель соловья. Счастливая, она украдкой поглядывает на Алексея, сосредоточившегося на управлении автомобилем и казавшимся от этого таким чужим и недоступным, холодным и нереальным, что она даже потрогала его. Он тут же улыбнулся – и всё стало на свои места.

Она даже не заметила, как они подъехали к дому Алексея и, лишь когда он собрался выходить, чтоб отворить ворота, она увидела, что они уже приехали. Сердце вновь заколотилось, она уткнулась лицом в цветы.

– Лена! Ты заходи, пока я с машиной тут разберусь на ночь. Ключ у тебя есть.

– Откуда?

– А ты подумай!

– Под ковриком? Ты его не убрал? – она быстро поднялась по ступенькам, приподняла коврик. Ключ лежал на «своём месте». Она открыла дом и несмело вошла. Пахло чужим, но до боли близким; не включая свет, она села на кухне, наблюдая, как он что-то делает под открытым капотом машины.

Встала, несмело открыла холодильник. Кусочек сыра и полный лоток яиц, начатая бутылка водки и замороженное «в камень» мясо в морозильном отсеке. «Холостяцкая хижина» – почему-то мелькнула весёлая мысль. Пока пришёл Алексей, она вскипятила воду в чайнике и поджарила на остатках маргарина несколько яиц. Поискала хлеб – в хлебнице пусто.

– Лёша. У тебя даже хлеба нет. Как ты так живешь?

– Да, ты знаешь, сам иногда удивляюсь. Но у меня есть сухари. – Он достал из кухонного шкафчика полбуханки чёрствого черного хлеба, – вот. Сейчас я из него буду хлеб делать. Для тебя лично.

– А тебе?

– Ну и для себя.

Он разломал пополам хлеб, положил на чайник одну половинку, сняв с чайника крышку. Первый сухарь на пару превратился в подобие хлеба, и они со смехом кое-как съели яичницу, выпили свежесваренного чая. Поднялись наверх после того, как Лена помыла посуду не без помощи Алексея. Вскоре свет на втором этаже дома Алексея погас, и на улице наступила полная темнота. А где-то в конце улицы щёлкал и заливался трелями неутомимый соловей.

* * *

Сергея, с набухающим большим синяком на лбу, кое-как завел проводами машину. Бешенство, обида, злость, ненависть застилали глаза. Как доехал до Костика – не помнит, помнит лишь, что проехал на красный свет, чуть не столкнувшись с какой-то легковой машиной.

Костя, увидев Сергея с заплаканными глазами, заржал:

– Не все тебе, бык, бодаться. Где-то ж нарвался, хвались!

– Костя, гадом буду, охотовед за бабу отстегнул мне по бровям. Я ж его не прощу, я ж его зубами буду грызть, Костя! Я его бесплатно привалю, падлу эту. Оох, Костя, что я с ним сделаю. Подонок, сволочь, так засветил мне из-за спины!

– Из-за чьей спины, Серега? Из-за бабы какой-то?

– Из-за моей, Костяныч, из-за собственной спины, пока я в машину за монтировкой полез, а он, вражина позорная, меня за шмотку потянул и только помню, что искры полетели и ноги подкосились. Очухался – никого, и ключи, уволок, падла! Ох, я ж его достану. Хотел хату поставить, но вовремя спохватился. Нельзя по злобе в хату идти. Позже найду, а пока, Костя, дай мне добро его завалить. Замоchu и пойду на срок, мать его так!

– Ты, Серега, придунок по жизни, а Лешка тебе последние мозги вышиб, если они и были. «Завалю», «на зону пойду». Во-первых, за него ты в зону при твоих судимостях не попадешь, только к Богу на суд. Вышка тебе за него, сто пудов, светит. А во-вторых, ты знаешь или нет, что за него тебя люди из-под земли достанут, а не найдут, так тебя менты им сдадут, и тогда тебе не брови, а булки твои рассекут. Кубатуришь? «Мокрушник» нашелся. Не твое это, Сергей,

так что не спеши на парашу, а лучше расскажи все по порядку. Пошли: сотку-другую накатим, чтоб тебе лучше думалось-вспоминалось, вояка хренов...

Они пошли в предбанник, Костя достал из старого, без замка, сейфа бутылку водки, развернул из газеты закуску и разложил на столе, куда поставил два одноразовых стаканчика. Разлил водку:

– Ну, будь здоров, воин безрогий.

– Да ну тебя, что обзываешься?

– Не огорчайся ты. Это я так, шучу. Выпил? На, выпей еще. Полегчает. Теперь говори.

– Короче, решил я снять телку одну. Магазинщицу. Сегодня познакомились. Там в магазине какой-то кипеш назрел. Я заточку отнял, полупокера этого немного подмолодил, а тут выходит «эта». Глазища – во, талия – одной пятерней возьму, грудь – пятая, ножки точеные. Я с ней ля-ля, тополя, цветов нарвал на площади у Ленина и ей передал прямо в магазин с малявой, мол, приеду вечером, покатаемся. Ну, приехал, а там этот фраер. Я не обратил внимания на УАЗик, вижу – выходит моя лебедушка, я к ней и подрулил прямо под ноги. А тут этот козел нарисовался, что-то пыхтеть начал. Я его и успел только за шкуру взять, а он мне коленом по яйцам, я в машину за ломиком под сиденье, а он меня...

Сам видишь, налей еще...

Костя налил еще, задумался, а потом спросил обыденным голосом:

– Говоришь, Лена к тебе вышла на дорогу?

– А то к кому? Я ж цветочки, записку пацаном заслал. А то к кому ж еще? Да и магазин они при мне на сигнал поставили. Я сам видел, как лампочка засветилась, «луна», значит.

– Она, Сережа, как раз к твоему охотоведу шла. УАЗ, говоришь, стоял на дороге?

– Да, его машина. На боку «Охрана природы».

– Эх ты, лопух. Цветочки, букетики. Не твоей рожи эта телка. Я знаю ее с детства. Не дает она никому, как мужика своего выгнала – одна так и живет. Такой целкой она и раньше была, а ты хотел на ленинский букет ее купить! Лох ты, Сергей. А вот, что к охотоведу она шла – это проверить надо. Если это так, то будет она, Сергей, под тобой. Увидишь. Дай-ка время. Сейчас пей, сколько влезет, переночуешь у меня здесь на топчане. Я еще подойду, а теперь мне нужно срочно проехать...

Алексашкин быстро переоделся, выгнал свой потрепанный «Жигуленок», вместо проданной на аукционе Ауди, быстро растворился в потоке машин. Заехав к Лене домой, узнал у матери, что дочь сегодня задержится на работе. Заехав к магазину, убедился, что магазин закрыт. В сумерках подкатил к дому охотоведа. Света в окнах нет, машины тоже нет. Значит, и хозяина тоже нет...

Алексей, открывая ворота, не обратил внимания на припаркованный у соседнего дома старый «Жигуленок». Алексашкин же, сидевший в этой машине, успел сделать несколько снимков инфракрасным объективом выходящую из машины Лену, потом входящих в дом по очереди – сначала Лену, затем и хозяина. Таймер указал на кадрах разницу в пятнадцать минут. Он завел машину и исчез в конце улицы, довольный своей смекалкой и фартом. «Теперь я с тебя не слезу, пока своего не добыю, а Ленка сослужит службу, царица македонская, видишь ли, свои ей уже не по вкусу, подавай приезжих. А корчит из себя недотрогу», – зло ухмыляется он, стараясь не вспоминать, сколько раз он безуспешно заманивал ее в свой ресторанчик – не пошла. А кого нашла! Вот дура! Она на каблуках повыше его будет. Вот тебе и бабы! Что у них на уме? Что у них за душа? Кого выбирают – не поймешь!» Так он доехал до дома, загнав машину, заглянул в баню: Серега храпит на диване, две пустых бутылки валяются под столом. Лицо опухло и приняло желто-зелено-фиолетовый оттенок. «Хорошо врезал такому быку. Молодец, я давно это знал, а Сергей нарвался. Вот теперь-то Серегу надо попридерживать на цепи до поры, а потом менять намордник и спускать с поводка. Вот концерт будет!

Локти, гадина, кусать будешь», – неизвестно кому угрожая, пробубнел Константин, заходя в свой дом сквозь сжатые зубы.

С женой после суда спали на разных кроватях. Так захотела она, когда, боясь ареста имущества, перевезли к родственникам всю мебель, кроме двух этих кроватей, которые судебные исполнители «за бедность ответчика» не стали описывать. Потоптавшись у спальни, где спала жена, вернулся к своей кровати, разделся, но уснуть долго не смог. Мерещился охотовед, Ленка – Елена Анатольевна, Серега с разбитым лицом. Ближе к утру удалось уснуть. Кажется, только уснул, как услышал ворчливый голос:

– Накатался. Уже третью ночь внаглую по бабам ездешь. Костя, я не шучу. Я на развод подаю. Мне надоело все, я хочу спокойной жизни. А ты...

– Заткнись, змея! Развод? Прямо сейчас убирайся к своей маме. Когда ела, пила с моей руки – не было ночей? А сейчас ночи ей мешают. А где бабки? Где? Не знаешь? А где на развод подаю, знаешь? Ну и катись, только не рви мне последние нервы. Без тебя хватает!

– Костик, золото. Не кричи. Ну, мне же тоже неприятно. Захожу в баню утром, а там этот зэк развалился, как у себя дома. Любая хозяйка, Костя, против будет. Что – не так? Молчишь? Не води ты этих бичей к нам. Из-за них все проблемы у тебя!

– Не твоего ума дело. Скажи спасибо, что шлюх не вожу. Договорись, доспишься на отдельной кровати! Сам уйду и на развод подам. Вот увидишь. А пока ты мне еще жена, приготовь перекусить. Раз уж разбудила. Я, между прочим, сутки почти не жрал. Это как? Нормально? А, жена? Что молчишь? – Они еще долго ругались меж собой, тем не менее, жена накрыла на стол и, хлопнув дверями, ушла, накинув на ходу плащ: на улице заморосил дождь.

Константин встал, сходил в баню, растолкал Серегу:

– Вставай. Пошли, перекусим да кое-что обсудим. Пора действовать, работать, а также отрабатывать, Серега! Машину тебе дал, деньги даю, кормлю, пою. А ты? Что с тебя толку. Сейчас поедешь в деревню, заберешь две туши, завезешь в Райзаг к соседям. Я позвоню. Оттуда привезешь по весу колбасу, скинешь в Солтовке, в магазине, и сразу ко мне. Чтоб к двум часам был у меня. Ясно? Хорошо. И вот еще что: к Ленке, магазинщице, пока ни ногой, ни раком. Ты понял? Смотри, узнаю – подвешу за твои больные яйца. И упаси тебя бог сунуться на охотоведа. Обходи его пока стороной. Это заруби себе на носу. Пока я тут кое-что нарисую. Деньги нужны. Сдашь колбасу – деньги до копейки мне привезешь. Если успеем, то сегодня мотанемся на еще одно дело. Будет видно. Пока ешь, что есть и езжай. Уже семь утра, а ты еще дрыхнешь. Мне бы такую работу, а, Серега! Молчишь, морда побитая? Ладно, ладно, не скрипи деснами. Обломаешь свои последние зубы, что Лешка пожалел, по тыкве замолотил, молодчага. Знал, что мозгов нет, сотрясения не будет. И не зыркай так на меня, а то добавлю. Или не веришь? То-то же.

Серега укатил за мясом. Костя допил чай, переделся, побрился. Подойдя к Жигулям, поморщился как от зубной боли, сел в машину и скоро был уже в магазине, где работает Лена. С Леной Костя учился в одной школе, и они были хорошо знакомы, хотя Костя и затаил обиду за ее строптивость и отказ на его ухаживания.

– Привет, Елена Анатольевна, – Костя с улыбкой поздоровался, оглядывая заведующую, – ах хороша! Ну почему я не твой муж? До сих пор, Лена, сожалею, что не сделал тебе предложения.

– Здравствуй, Костя. А что тебе с твоей Люсей плохо? Вон, выглядишь ухоженным, упитанным. Чего-то не хватает?

– Тебя! Ты же знаешь.

– Что-то не замечала. Это когда ты меня в свой кабак все хотел затащить?

– Глупая ты, хоть и Елена, и прекрасная! Я ж, любя!

– Ладно, Костик, некогда мне, работы много. Может, что-нибудь хотел?

– Кроме тебя, Леночка Анатольевна – ни-че-го!

– Ну и ловелас ты, Костя. Надо Людке твоей тебя к кровати привязать, иначе толку с тебя, как не было, так и не будет, – она весело рассмеялась, крутнулась на каблучках и легкой упругой походкой зашла за прилавок...

– Говори, чего приехал? По глазам вижу: что-то хочешь.

– Я ж говорю. Нужно переговорить. Можно уединиться?

– Нет, нельзя. Говори, если что серьезное, а то мне вправду некогда.

– Хорошая ты, красивая и ладная женщина, хотел поговорить с тобой, чтоб уберечь тебя.

– Ой-ой, что такое Костя? – Лена насторожилась. – Говори, раз уж начал.

– Зря ты, Ленка, с охотоведом Фоминым связалась – непутевый он. Поиграется и бросит.

У него в каждой деревне своя продавщица, ты что, слепая или глухая?

– Ты это о чем, Костя?

– Не о чем, а о ком. Об Алексее, с которым ты голову теряешь.

– А тебе какое дело? Ты что сплетни уже стал собирать у себя на рынке?

– Это не на рынке. Об этом весь город уже судачит. Говорят, вчера ночью к себе тебя привозил, и ты...

– Это не твое дело, Костя! Я не собираюсь ни перед кем отчитываться о том, с кем и где я бываю. Я человек свободный.

– А он?

– Я не знаю, Костя, с какой целью ты здесь прогибаешься. То, что он тебя за браконьерство прищемил, я слышала. На базаре... И не лезу не в свои дела. И тебе, Костя, не советую лезть в наши!

– Ого, уже в ваши? Нормально. Уводишь мужика из семьи? Он и так алименты по всему свету платит. Ты что, не знаешь? Так спроси у своей подруги. Она ж в бухгалтерии лесхоза работает, если мне не веришь.

– Ты за этим приехал?

– Нет, я случайно зашел за сигаретами, вижу – ты. Думаю, предупрежу, ведь выросли вместе, когда-то дружили. Смотри сама, я не хочу тебе зла. А ты не веришь. Ладно, Лена, извини, что лезу, действительно не в свое дело. Поеду я.

– Постой, Костя! У него ж семья, жена, дети. Какие алименты?

– Дура, ты, Ленка! Я ж тебе говорю, это не я ловелас, а твой хахаль этот, Лена. Сколько у него по свету семей, один черт знает, а ты на меня обижаешься.

– Ладно, Костя, мне и вправду надо работать. Иди.

Лена растерянно побрела в свой кабинет, села за стол. Посмотрела в окно. На улице моросит мелкий противный дождь. Так же холодно и сыро стало на душе. Вот оно что! Вот почему он не хотел говорить о своей семье, вот почему уехала жена. Это у него уже не первая семья! Ничего себе. Почему ж он не сказал ничего? Как же так. Она думала, что он одинокий, брошенный мужик своенравной Татьяны. А он? И сразу уходит в защиту, когда она просит рассказать о своей жизни. Оказывается, он ее просто обманывает. А как хорошо с ним было, так легко, так просто, так естественно. Она отдалась ему вся, до последнего нерва, до последнего вздоха. И ей казалось, что ему она нравится, что и ему хорошо с ней. А он в душе, за пазухой носит камень. Что же делать? Сказать ему все? Скрыть? Ах, как жаль. И себя, и отношений. Неужели все кончено?

Она набрала телефон подруги, поговорив с ней ни о чем, так и не решилась спросить о том, ради чего звонила. С чего бы ей вдруг интересоваться его личной жизнью. Но раз так, то ничего делать не надо. Надо просто прекратить отношения и все. Кофе уже не помогает, очень хочется и спать, и домой. Еле дождалась окончания рабочего дня, как всегда, поставив на сигнализацию магазин, последней вышла на улицу. Так хотелось увидеть его машину, его самого. Но... увы. Ни его машины, ни его самого нет. И не позвонил ни разу. Лена вздохнула, достала из сумочки зонтик и направилась к остановке.

В десять утра принесли телеграмму от Сидоровича: «Срочно приедь». Два слова, значит, что-то случилось. Алексей тут же вызвал водителя, Болохина. Показав телеграмму, дал полчаса на сборы: заправить оба бака, документы, оружие... К обеду они были уже у дома лесника. Сидорович, обиженно сопя, попросил Алексея отойти с ним в сторону. Они с полчаса о чем-то шептались, переходя иногда на громкие вопли. По выражению лица охотоведа, Болохин понял, что дела плохи. Что-то случилось. Вскоре лесник пошел в хату переодеваться, Алексей подошел к машине.

– Петрович! Тут целая война началась. Сидорович нашел место добычи дикого кабана, скорее всего свиноматки. Остались следы маленьких поросят. Поехал в соседнюю деревню. Повздорил там с пасечником, у которого в это время пьянствовал Алексашкин. Сам Костя тоже деду угрожал. Вечером на джипе приезжали отморозки сюда, к деду. Облили хату бензином, деда обидели, ката его убили.

– Ни фига себя, заявочки, – Петрович озабоченно почесал затылок, – номера, конечно, Сидорович не запомнил.

– Номера тряпкой были замотаны. А Костик на своем УАЗе был. Его машину Сидорович видел во дворе, в сарае. Что можно сделать?

– Пасечника раскрутить попробовать?

– Ладно, – Алексей взъерошил волосы, – пока поехали к пасечнику. Ведем себя резко, нагло. Задачи: узнать, есть ли в доме оружие, сети, капканы, мясо или что-то, связанное с этим. Если найдем, повезло. Дальше, как обычно. Ты, Петрович, пишешь свои бумаги, а я буду «защищать» его от тебя. Если не схавает наживу, не поведется, тогда я с ним отдельно поговорю, без свидетелей. Я дам знак – уйдете в машину. И последнее, если ничего не выйдет – вариант «О». Антонович, ты знаешь, что делать. Поехали. Ты, Сидорович, оставайся дома, никуда не лезь. За неделю я твоих обидчиков найду – увидишь и почувствуешь. Так и скажи Александровне.

– Ой, Леша, она ничего не знает.

– Ну и хорошо. Не расстраивай ее, да и сам крепись. Если сегодня не заедем или завтра, не переживай. Значит, работаем, а не горелку у тебя пьянствуем. Ну, а если что, как себя вести, я тебе рассказал. Все, мужики, по коням...

УАЗ скрылся в пелене пыли, поднимаемой колесами.

Подъехав к дому пасечника, остановились у открытых ворот. Во дворе стоит знакомая Алексею БМВ и тот же, вчерашний, мордovorot в солнцезащитных очках что-то складывает в багажник.

– Милиция, – Болохин показал удостоверение опешившим хозяину дома и хозяину машины. – Вы подозреваетесь в незаконной добыче дикого кабана, мы идем по следу, имеем право на досмотр без санкции прокурора. Что грузите в машину?

Он подошел к багажнику, Сергей захлопнул багажник у него перед носом:

– Начальник, Петрович, я два раза сидел. Законы знаю. Не имеешь право шмонать. Буду жаловаться!..

– Я знаю, что будешь жаловаться. Даже знаю кому: Алексашкину. А пока, открой багажник, потому, что я тебе приказываю, предлагаю и прошу при очевидцах, которые на суде будут свидетелями...

Тут подошел Алексей, достал из портмоне ключи:

– На, Петрович! У меня случайно похожие ключи есть. Может, подойдут!

Сергея аж подпрыгнул на месте:

– И ты здесь? Мать моя женщина! Что это твориться? Ты за мной следишь, ментяра?

– Так, – вмешался в разговор Болохин, – уже один протокол и пятнадцать суток есть за оскорбление должностного лица при исполнении. Еще будешь кипишить, получишь не только пятнадцать суток, а статью за оказание сопротивления. Алексеевич, глянь, что

в сарае, ворота вон открыты. Ого, Антонович, зови соседей, здесь в багажнике мясо, – он развернул целлофан и показал замороженные туши двух кабанов. – Туши без шкур, на одной вижу следы от пулевого ранения. . .

– Петрович! Тут камера холодильная! Открывать?

– Подожди, Алексеевич. Сейчас Антонович соседей приведет. Будем оформлять акт осмотра и протокол. Хозяин, подойдите!

Пасечник подошел к милиционеру.

– Слушаю, Петрович.

– Откуда мясо?

– Не знаю. Это не мое.

– Чья машина у тебя во дворе?

– Это Серегина.

– Мясо он грузил из твоего морозильника. Мы это видели. Там еще много дичи?

– Я не знаю, я туда ничего не клал, и ничего оттуда не брал.

– А кто положил, раз берет Сергей?

– Ну, раз Серега берет, значит, он, может, и положил?

– Заткнись, идиот, – Серега зарычал на пасечника, – я не знаю никакого холодильника.

А в багажнике у меня не дичь, а домашнее мясо. Я езжу по деревням, скупаю. Вот у него купил, – он показал на пасечника, – а он на днях и забил этих кабанчиков у себя в сарае. Что, это запрещено? И вообще, я поехал.

– Вы никуда не поедете, потому что задержаны за грубость, неповиновение и угрозы лицам, находящимся при исполнении служебных обязанностей. Сейчас мы поедем и проведем наркологическую и психиатрическую экспертизу, выясним вашу личность и заодно оформим Вас в суд на предмет пятнадцати суток и штрафа. Это пока. Потом выясним, откуда у пасечника в сарае дичь, и его привезем к тебе в наручниках, чтобы тебе не скучно сидеть было. А вот и понятые!

Он пригласил понятых к машине с открытым багажником, выложил на траву во дворе две замороженные туши. Показал на обеих тушах следы от пулевых ранений. Прошли в сарай, открыли морозильный контейнер. В нем висело и лежало на полу еще три туши кабанов и одна туша косули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.